

Л.Т. Ситников

**ЖИТЕЙСКИЕ
ИСТОРИИ**

г. Томск — 2014

ББК 84(2Р)6-47
С41

Ситников Л.Т.
С41 Житейские истории. — Томск: Ветер, 2014. — 224 с.

© Л.Т. Ситников, 2014
© Издательство «Ветер», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Голос поколения

В межпоселенческой библиотеке состоялась творческая встреча с Леонидом Ситниковым, автором целой серии художественно-публицистических очерков о земляках.

Знаковой эту встречу назвали по нескольким причинам. Во-первых, увидели свет новые очерки, повествующие о наших земляках, живущих рядом с нами, внесших весомый вклад в развитие большой и малой Родины; во-вторых, весь октябрь традиционно в нашей стране проходит под эгидой чествования представителей старшего поколения. А автор четырех книг «Земляки» и герои его очерков — это и есть наше национальное достояние, золотой фонд района и страны в целом, наше старшее поколение, у которого есть чему поучиться.

Главное — не останавливаться...

Разделить с Леонидом Ситниковым радость выхода в свет четвертой по счету книги «Земляки» пришли читатели, библиотекари, герои очерков, заместитель главы Каргасокского района по социальной политике **Александр Шамраев**, председатель районной Думы **Владимир Протазов**, глава Каргасокского сельского поселения **Андрей Белоногов**, имеющий непосредственное отношение к «Землякам-4», потому что помогал автору искать спонсоров, оплативших тираж, начальник отдела культуры и туризма администрации района **Наталья Ермакова**. Наталья Таировна произнесла очень важные для автора и людей его поколения слова: «Что является отличительной чертой вашего поколения?.. Каждый из вас жил и живет, уважая самого себя и понимая, что рядом — столь же уважаемые и заслуженные люди. Именно из этого важного качества родилась идея книги «Земляки». Леонид Трифонович сумел возвести взаимоуважение и взаимопонимание в ранг дела своей жизни. Его цель — благая. И заключается она в том, чтобы воздать дань уважения людям, живущим рядом...»

Вообще, в этот день в адрес Леонида Трифоновича было сказано много добрых слов. Ему желали крепкого здоровья и творческого долголетия, говорили о том, что у художественно-публицистического

цикла «Земляки» обязательно должно быть продолжение. Ведь рядом с нами еще очень много людей, которые по-настоящему достойного, чтобы их рассказали и чтобы память об их делах сохранилась в веках... «Как библиотекарь могу сказать, что память о людях крепче тогда, когда про них написано в книгах», — сказала ведущая творческого вечера **Маргарита Мартынюк**. «Желаем неуспокоенности в вашем творчестве, — продолжила героиня одного из очерков книги «Земляки-4» **Любовь Колтышева**, пришедшая поздравить Леонида Ситникова вместе с коллективом «Русская песня». — Обязательно пишите и дальше, потому что наши земляки заслуживают этого». Леониду Трифоновичу вручили грамоты и благодарственные письма администрации района, отдела культуры и туризма, межпоселенческой библиотеки. А он в ответном слове поблагодарил всех за внимание и сообщил о том, что уже практически готова к опубликованию новая книга, автобиографическая, в ней собрано очень много публикаций прошлых лет, а называется она — «Житейские истории». Дело осталось за малым — нужно найти деньги, чтобы оплатить издательские расходы...

Заслуженный человек

Идея о проведении творческой встречи Леонида Ситникова родилась у председателя районной Думы Владимира Протазова. Он поделился ею с сотрудниками межпоселенческой библиотеки, которые подхватили ее с удовольствием и помогли организовать разговор с автором. А еще сочли необходимым рассказать о нем самом, потому что он является их старейшим читателем и давнишним другом. Читательский стаж Леонида Трифоновича только в межпоселенческой библиотеке насчитывает более полувека, в библиотечном формуляре в графе о первом читательском визите значится 1960-й год.

По мнению Маргариты Мартынюк, очерки Леонида Ситникова понятны и близки читателю именно потому, что автор хорошо знает, о чем пишет. «Леонид Трифонович — предвоенный ребенок, — констатировала Маргарита Андреевна. — Родился он в 1934-м году. Когда началась Великая Отечественная война, ему исполнилось 7 лет... В фонде нашей библиотеки есть уникальная фотография, датированная 1944-м годом. На ней — худенькая молодая женщина в окружении семерых деток. Это — мама Леонида Трифоновича Ситникова. Ее муж был призван на фронт в начале войны. И тогда

казалось, что ничего нет страшнее, чем остаться одной с детьми в такое тяжелое время... Оказалось, что есть... В дом пришла похоронка на мужа... Все семь детей остались в живых, все выросли, выучились, стали хорошими и уважаемыми людьми... И когда вновь и вновь прокручиваешь для себя эту жизненную историю, наполненную драматизмом, понимаешь, что подвиг — это не только тогда, когда с гранатой на танк или грудью на амбразуру... Должно быть в нашей жизни место и для таких вот «негромких» подвигов. И хорошо, что есть люди, понимающие это. И хорошо, что у нас с вами есть уникальный литературный проект — «Земляки».

В четырех книгах собрано около 200 очерков. «Земляки-1» увидели свет в 2006-м году. В 2007-м была опубликована новая серия очерков, а спустя год — еще одна. «Статистика, которую мы ведем, показывает, что рейтинг книг из серии «Земляки» выше, чем у самых раскрученных литературных бестселлеров, — продолжает Маргарита Мартынюк. — Первую книгу читали буквально в очередь. В тетрадочку записывали всех желающих. И когда книга возвращалась в библиотеку, мы звонили, и за ней приходил новый читатель... Такой же ажиотаж был и после выхода в свет всех последующих «Земляков»... Что касается «Земляков-4» — сейчас они находятся в обработке, но уже совсем скоро станут доступными для наших читателей. Отрадно, что с помощью администрации района мы смогли приобрести книги для всех наших библиотек. Не сомневаемся в том, что они будут пользоваться огромной популярностью как в Каргаске, так и во всех других селах и поселках района...»

В беседах о книге, об авторе, его героях, как-то сама собой родилась вот такая идея: есть в районе хороший проект, позволяющий особо отметить людей, которые принесли пользу нашей территории, способствовали укреплению ее имиджа, развитию... Этот проект предусматривает присвоение звания «Почетный гражданин Каргасокского района». Маргарита Мартынюк предложила: обсудить вопрос о присвоении почетного звания Леониду Ситникову. И все участники встречи высказались в поддержку этой идеи. По их мнению, депутаты районной Думы это предложение обязательно должны будут поддержать. Тем более, что следующий 2014-й год для Леонида Ситникова, автора четырех книг «Земляки», будет юбилейным. Он отметит свое 80-летие.

Оксана Жукова

ЧАСТЬ 1.

***КАК
НА СВИДАНЬЕ
ЮНОСТИ МОЕЙ***

ПРЕРВАНЫЙ ПОЛЁТ...

Ситников Трифон Ионович родился в 1900-м году в деревне Орловка Кыштовского района Новосибирской области.

Отец Трифона, Ион Семёнович, переехал в Орловку в середине XIX века из Тобольска, куда был сослан его прадед за участие в Пугачёвском бунте. Фамилия Ситниковых была довольно известна среди Яицкого казачества. Предки Ситниковых завоёвывали Сибирь под командой атамана Ермака и их потомки до сих пор живут в Тобольске и под Уфой.

Термин «разказачивание» придумали не Советы, ещё Екатерина Вторая за участие в бунте жестоко расправлялась с казаками. Им рвали ноздри, ставили клеймо на лбу и щеках «ВОР» и отправляли в Сибирь на поселение. На «вольные хлеба» были отправлены и Ситниковы, пройдя вышеуказанную экзекуцию.

В 1918-м году трое друзей — Иргутов Пётр, Ситников Трифон, Головин Евсей — сбежали из деревни, чтобы попасть в какую-нибудь воинскую часть. Первыми на их пути оказались красные казаки. Им выдали оружие, коней, с которыми они умели обращаться с детства.

В 1921-м году вернулись в родную Орловку. Возмужавшие, бравые, завидные женихи. Приехали на конях, с которыми ходили в бой. И сколько раз выручал Трифона его Голубко, высокий, крепкий, выносливый и...ласковый. Когда Трифон поступил вначале на службу в милицию, бывало, устраивали на него засады, но верный Голубко выручал, и, отстреливаясь, Трифон благополучно ускользал от погони..

Вернувшиеся со службы сразу стали засылать сватов, а то и сами сразу втроем заходили в дом, где жила приглянувшаяся девушка, и предлагали руку и сердце... Однажды зашли к Шалыгиным — всем троим понравилась у них девушка Марфа 16-и лет. Предложили прямо: за кого замуж пойдёшь? Марфа шутливо показала пальцем на Трифона. И сыграли свадьбу, обвенчавшись в местной церквушке...

Через 10 лет организовали колхоз и решили переехать на новые земли. Обратились в Нарымский округ, чтобы разрешили осваивать новые земли по речке Нюрольке, притоку

Васюгана. Получили отказ, так как эти места запланированы для спецпереселения.

Тогда на собрании решили переехать через болото в 60-и км от Орловки. Выбрали место на берегу речушки Крутая для строительства посёлка. Вначале и посёлок назвали Крутая, но, когда образовали сельский Совет, зарегистрировали его как Тайгинский, а посёлок стал называться Тайга. Колхоз «Красный партизан», построив несколько жилых домов, занялся строительством школы, медпункта, который возглавил бывший военный фельдшер Стравинский Станислав Никодимович, участник гражданской войны и делавший хирургические операции раненым красноармейцам из-за отсутствия врачей.

Тайгинский сельсовет объединил посёлки Тайга, Новый Игол, заселяемый убежавшими от раскулачивания крестьянами Новосибирской и Омской областей, Чертала, где жили аборигены из клана Тонуспаева Якова Яковлевича и Чёкина Яра по речке Черта-ле, куда тоже переехали люди из Омской области, также организовав колхоз «Советский Север».

Был ещё посёлок Вардугино, но оттуда люди переехали в Н-Игол и Чёкин Яр.

Трифон поработал в сельсовете, а затем председателем колхоза. Полей раскорчёвывали всё больше, урожаи получали отменные, и соседи с завистью поглядывали на успехи этого колхоза. Они стали приглашать Ситникова к себе. После учёбы в Колпашево Трифон Ионович в 1940-м году принял колхоз им. Будёного. Этот посёлок был в 10-и км от п. Тайги.

Началась война. Ситников Т.И., как все председатели, имел бронь, ведь страну и фронт надо кормить, но в сентябре 1941 г., формировалась добровольческая дивизия, и он подал заявление добровольцем идти на фронт. Трифон Ионович погиб под Ленинградом в деревне Большая Ивановщина Полаевского района 11 апреля 1942-го года. Этот район после войны отошёл Новгородской области, и потому создались определённые трудности с поиском захоронения. Помог отыскать могилу Т.И. Ситникова горвоенкомат г. Старая Русса.

ПРИКОСНОВЕНИЕ СЕРДЦА К ПАМЯТИ СВЯТОЙ

1941-й год. Мы уже почти год живём на Иголе. Отца, Ситникова Трифона Ионовича, избрали председателем колхоза им. Будённого. Семью перевезли из соседнего посёлка Тайги и разместили во второй половине дома Алексея Епимахова.

Мама, Марфа Прокопьевна, в феврале родила седьмого ребёнка, которого назвали Михаилом.

Все удивлялись, особенно командированные из райцентра:

— Откуда у тебя, Трифон Ионович, столько детей, ведь бывали у вас в Тайге и не замечали столько.

— Здесь нет полатей, а на одной печи семерым трудно спрятаться, вот достроим дом, и опять не будут тут перед глазами, — улыбался Трифон Ионович.

Весна 1941-го года была необычно ранняя, и к 1 Мая колхоз уже закончил весенний сев. «Праздник борозды» справляли вместе с этим весенним праздником.

Война

В это утро я проснулся с какой-то неясной тревогой на сердце. Выглянув из-за занавески печи, увидел за столом отца и несколько мужчин. Мать пекла блины у русской печи, а над ней на ситцевой занавеске, отгораживающей кузь от комнаты, сидели две залетевшие ласточки. По народной примете, залетевшие в дом ласточки предвещают несчастье. Я выскочил на улицу, не понимая, отчего так тревожно стало на сердце. Тёплое

солнечное утро, дымка. Вместо коровьего рёва я услышал женские причитания. Побежал было к Голиковым через дорогу — там плачут. Развернулся к дому Шурки Лаптева — плач. Неужели столько людей помирало за ночь — отовсюду слышен женский вой. Со сжавшимся сердцем от предчувствия страшной беды повернул к дому. В доме на хозяйской половине — тоже плач. Я дружил с хозяйской дочкой Диной и решил у неё спросить, что же случилось, ведь дядя Алеша, её отец, у нас за столом сидит, жив-здоров, мать во дворе и старший брат Михаил тоже там. Вошёл к ним и увидел, что Дина с сестрёнками и братиком сидят за столом и плачут. Развернулся и бегом домой, проскользнул к маме в куть. Мама тоже молча плакала, вытирая слёзы платком.

— Мама, чё случилось — вся деревня воеет?

— Война, сынок, все мужики уйдут на войну.

— И папа тоже?

— Вместе с мужиками завтра выезжают в Новый Васюган.

Из деревни сразу уезжали 43 мужчины...

Отца вернули — председателям давали бронь — фронт надо кормить.

А через два месяца один из уехавших на фронт вернулся по ранению «контузии». Это был отец моего приятеля Шурки Лаптева. Лаптев вернулся партийным. На фронте это было просто: пошли в бой, оставили записки с просьбой считать коммунистом.

Лаптев стал председателем сельсовета. Ванчугов Афанасий возмущался:

— Это что за председатель из церковника, он в колхоз-то вступил через три года после организации колхоза и всё воду мутил, и на тебе — председатель Советской власти.

Церковником назвал Лаптева за то, что там, откуда они убежали от раскулачивания, он был церковным старостой.

Эти слова стали известны Лаптеву, и не простил их Афанасию. Когда он возил зерно к сушилке и сбросил мешок овса лошадям в обед (все так делали), то Лаптев это заметил и обвинил Ванчугова в воровстве. Это — страшное обвинение в условиях войны, за колоски можно было угодить за решётку. Ванчугов получил 8 лет лагерей.

Проводы отца на фронт и его гибель

В сентябре в Каргаске, а затем в Томске формировали дивизию добровольцев на фронт. Дали разнарядку в Совет: одного коммуниста в эту дивизию. А их всего двое. Лаптев сказал отцу:

— Я уже побывал там, теперь давай ты, Трифон, иди.

Провожали мы отца до Черталы — 9 км от Игола. Я вдруг выдал отцу:

— Папа, ты уедешь на войну, а мама вдруг умрёт, что же тогда мы делать-то будем?

Отец, конечно, расстроился.

Осенью, уже по снегу, мать решила вернуться в свой дом в Тайгу. Там всё же свои люди, орловские, и жила наша тётя — отцова сестра. У неё три сына ушли на фронт и все погибли. Григорий был на войне с финнами, а теперь попал на Волховский фронт. Отец был недалеко от него, буквально в километрах 5, в Полавском районе. Часть, в которой был отец, располагалась в деревне Большая Ивановщина, а Григорий в д. Курляндская.

Отец знал, что Григорий командовал ротой, хотя по званию был старшиной. Офицеров не хватало. 4 марта 42-го года Григорий поднял роту в атаку и был убит. Его однополчанин писал матери: «Погиб наш командир. Пуля ударила его прямо в сердце. Идя в атаку, он взял винтовку у убитого красноармейца. После боя хотели винтовку убрать, но он так крепко прижал её к груди, что решили похоронить командира вместе с ней».

Отец ненамного пережил племянника — погиб 11 апреля 1942-го года. Рота полностью погибла, кроме часовых, в результате ночной бомбардировки немецких самолётов.

Знаем по письму оставшегося в живых часового Серякова, что тяжёлая бомба попала в дом, в котором спали красноармейцы, и на месте дома образовалась огромная воронка, которую использовали под братскую могилу.

Когда я был в 1987-м году на месте перезахоронения останков погибших на благоустроенное воинское кладбище в деревне Кузнечное, мне рассказывал смотритель этого кладбища, участвующий в раскопке могилы в Б. Ивановщине, что такого «костра» из скелетов он больше нигде не видел.

Я почему-то спал вечером, когда к нам пришёл парторг Булыгин с похоронкой на отца. Взглянул на мать, и у меня обмерло всё внутри. Её лицо до сих пор стоит у меня перед глазами, хотя прошло уже 65 лет — белое, окаменевшее.

— Подойди, сынок, послушай весть об отце.

Едва вышел от нас парторг, как начала причитать. Мы все дружно присоединились, а также прибежавшие соседи. Мама в совершенстве обладала искусством причитания, и вряд ли находился такой человек, кого бы не задели слова этих причитаний.

Я же получил душевную травму и не могу переносить спокойно женских слёз.

Мать устроилась уборщицей в школу, а заодно и в колхозную контору «сторожикой», в обязанности которой входила уборка помещения, снега, топка печей, сбор на собрания, вызова приезжих начальников, особенно когда они «выбивали» подписку на заем и так далее.

Летом работала на разных полевых работах в колхозе.

В школе

Я стал ходить в школу. Так хотелось самому научиться читать и не приставать к старшим братьям, чтобы почитали. Когда научился читать сам, стал читать всё, что под руку попадётся. Быстро перечитал небольшую школьную библиотеку да по нескольку раз каждую. Потом стал бегать на Игол за 10 км, но и там был небогатый фонд книг.

Материально жить стали заметно хуже: одежда поизносилась, обуви нет, запасы зерна закончились. Начались голодные дни. Мы никак не могли засадить огород картофелем. Семян хватало на 4–5 соток. Что это для восьми душ? Хватало только до нового года, и то при жёсткой экономии. Постоянно хотелось есть.

Однажды зимой получили смёрзшийся горох со снегом и мусором. Насыпали на русскую печь и всё жевали его, жевали. Мамы дома не было, и никто не остерёг голодную ребятню от последствий. Мне было хуже всех, видимо, больше всех съел. Горох разбух в животе, стал распирает все кишки. Я мучился несколько часов, но почему не обратились в медпункт — не понимаю. Но как-то отошёл, остался жив.

Летом 44-го года — снова колхозная работа: прополка, силос, сеноуборка, теребление льна, конопля и осенью — картофель с турнепсом. Этот год я уже каждый день спрашивал, сколько заработал.

Председатель заметил, что часто бываю на Иголе, и предложил носить ежедневные сводки, которые требовали в сельсовете. За «рейс» начисляли 75 соток. Я с удовольствием согласился, прикинув, что только за сводки я заработаю за месяц 22 трудодня. Часто к обеду возвращался домой и иногда ещё бежал на сенокос, так как знал, что, судя по росе, сено ещё не метали, и копны ещё не возят. Поставленные на вывозку копён женщины с удовольствием уступят мне лошадь, а сами будут подскребать сено.

Как правило, на сенокосе работали до тех пор, пока после заката солнца сено не становилось волглым.

За это лето я уже заработал 100 трудодней. Мне выдали к Новому году премию — новые валенки. Я знал, что мать заставили оплатить за них, но дело было в том, что в то время их было невозможно купить. Я был горд и очень берёг их. Надевал их только в школу. И доберёг! Сушил валенки в русской печи. Интересно, но с ними у меня приключилась такая же история, прямо один к одному, как описал Владимир Колыхалов в книге «Дикие побеги». Валенки положил посушить в русскую печь, и остались от них голяшки. Вся семья отравилась во сне этим вонючим дымом. Головы у всех «трещали» от боли целый день. А в школу я снова побежал в одних носках. В школе снимал их, берёг, хотя пол был ледяной. В школе было всегда прохладно, хотя топили дважды в день, и печи были раскалены. Годы военные были самыми студёными.

44-й год был урожайным. Хлеба сдали государству почти две нормы, и ещё неплохо получили колхозники на трудодни. Стали есть досыта. Как мама говорила, вернулась в семью СЫТЬ — голод перестал мучить. Некоторые это состояние сытости называли «ВЫТЬ». В школе тоже стали кормить — давали хлеб и кашу. Но, к сожалению, голод снова нас настиг, теперь уже не только из-за природных условий. По установившейся дороге зимника понаехали уполномоченные из райцентра и заставили, вопреки воле колхозников, выгрести всё зерно из закромов и сдать государству уже третью норму. Даже за

счёт семенного фонда. Это — катастрофа, после которой колхоз до 50-х годов не мог придти в себя. Добивала колхозное разорение засуха. За всё лето не выпало ни капли дождя. Зерно, привезённое из Майска, так и не взошло. Разгребёшь землю, как золу, а там лежат зёрна пшеницы. Возьмёшь на зуб зёрнышко, а оно сухое-пресухое. Не выросло и в огородах, поливать-то некому было...

Празднование победы

Весть об окончании войны до тайгинских жителей дошла только через 8 дней. Пришли в гости девушки из-за болота (орловские) и рассказали, что война закончилась ещё 9 мая. Парторг приказал задержать девушек, этих вестниц радости, не поверив им и посадив в «холодную», сел на жеребца — и в соседний Н-Игол. Там на почте была сломана рация, и поэтому война для нас всё ещё шла. Радио тоже не было. Всё же удалось связаться с райцентром, и пришло сообщение, что страна уже вторую неделю празднует ПОБЕДУ.

В ночь на 18-е мая у нас в деревне отмечали, как Пасху. Стрельба, гуляние, песни и пляски. Орловских девушек затаскали по гостям, отдавая всё, что находилось съестного дома. Мать вытащила заветную бутылочку, сберегаемую для отца, и угостила соседа, пришедшего с фронта по ранению, и этих девушек. В каком же урмане мы жили — жуть!

Не знали мы, что нас ожидает ещё больший голод — неурожайные были 46–47-е годы.

Это было страшное время, есть зимой было абсолютно нечего, и хлеба во рту не бывало не только днями, но и неделями... Как выжили — уму непостижимо.

Детства, как такового, в деревнях не было, за редким исключением. Но были и радости. Свообразные, но радости. К примеру, у тех, кто работал на лошадях. Им отводилось время на обед до трёх часов. Лошадей надо накормить, потом напоить. Это время проводили на речке. А вечером, когда коней отводили в ночное, — непременно скачки, кто быстрее доедет до определённого места. Мы чувствовали, что и лошади, предвкушая ночной отдых, с удовольствием выполняли наши команды.

КАМО ГРЯДЕШИ

1

Никак не могу вспомнить, с кем же я пришёл из Нового Васюгана в Айполово в конце августа 1947-го года...

... Я пришёл в райсобес и отдал заявление об оказании материальной помощи, написанное под диктовку матери ещё дома в Тайге. В райсобесе мне дали направление в Айполовский интернат народов Севера.

В собес вошла заведующая этим интернатом Булыгина Евдокия Дмитриевна, урождённая Горбунова, из нашей деревушки. Она была подругой моей мамы. Я подумал, что это она поспособствовала моему направлению в интернат.

Евдокия Дмитриевна была невысокого роста, с пропорционально сложенной фигурой. На лице выделялись большие карие глаза, и были длинные чёрные волосы, скрученные на затылке в тугой узел. Она сразу же узнала меня и стала расспрашивать о семье, о маме, в чем я одет в зиму.

Не могу припомнить, было ли что у меня из верхней одежды? Неужели один немецкий голубой китель, который я носил вместо демисезонного пальто? Его мы получили в 1946-м году как пособие многодетной семье. Он был заужен в талии и как раз мне впору. Помню, как мне завидовали дружки и часто просили его у меня примерить. На мне зелёный костюмчик, на ногах сапожки с зелёными кирзовыми голенищами и коричневыми головками. В зелёном костюме я уже проходил зиму. Очень его берёг и надевал его только в школу. Мне его продали как премию за хорошую работу в летний сезон.

Как же мне удалось уговорить маму отпустить меня на учёбу в райцентр за 600 километров от дома почти голым с 50-ю рублёвой бумажкой в кармане?!

Евдокия Дмитриевна спросила:

— Как доехали одни, преодолев такую даль по таёжной реке?

Я живописно рассказал, видя, как заинтересованно меня слушали присутствующие при разговоре дамы.

— Ехало нас человек 25 на обласках. Меня взяли девчата Струковы. Сам Струк, отец девочек, связал два обласка вместе, девчата сели сзади, а меня посадили посередине правого обласка. Для меня дядя Струк выгесал из сырого горбылька что-то типа лопаты. Весло получилось тяжеленным, и я быстро уставал, да ещё без привычки поднимать его и с силой грести.

— Опять «замакал», гребь сильнее! — кричала на меня Мотя, старшая из сестёр.

Недовольство моей работой обеих «капитанов» меня подстёгивало, но не надолго, и я не раз видел, как на меня замахивалась Мотя веслом, особенно тогда, когда мы отставали от основной «флотилии».

Даже сейчас, с высоты своих прожитых лет, я не могу понять, как мне, 12-летнему заморышу, ведь я «вешал» всего 17 килограммов, удавалось грести целый день, пусть даже «макая» веслом. Но беспрерывно!

Разумом я понимал, что далеко отставать от основного каравана нельзя, и старался изо всех сил, но силёнок было маловато. Однажды мне дали весло настоящее. Какое оно лёгкое, удобное! Я как гребанул, аж носы обласков вверх задрались.

— Ого! — крикнула Мотя.

Мы быстро догнали основной караван. Но у меня отобрали весло. Хозяин весла сказал, что с такой лопатой он нас-то едва догнал, а руки он уже за это время надсадил.

А я снова, выбиваясь из сил, под злые выкрики Моти грёб, грёб...

Наша флотилия уходила вперёд, и они выбирали место для ночлега. Мы подъезжали к месту ночлега уже к горящему костру. Сначала активно включались в заготовку топлива, а потом приступали к еде. У меня еда была разложена на порции по дням. Я не мог себе позволить отломить кусочек от завтрака, а, пока светло, быстро бежал к кустам черёмухи и набивал живот ягодами. Быстро темнело. Бежал к костру — и спать, не обращая внимания на гнус, на бродившее рядом зверьё. Утром не было сил брать в руки ненавистную «лопату», и кое-как разрабатывался.

И вот, наконец, выехали на Васюган. Сердце сжалось от страха, что захлестнёт волна наши обласки. Васюган после

Черталы показался широким, и по нему шли небольшие волны-плескунцы. Иногда некоторые из них заскакивали между обласками к нам на борт. Но вот заехали за поворот, и Васюган стал гладок. Ночевали в посёлке Кунтики. В этом посёлке жила семья Савиных, переехавших с нашего посёлка Тайги. Встретили неважно, даже чаю не предложили, а ведь мы так дружили с их ребятнёй. Неужели не узнали, а сам я не сказался, или какая другая причина?..

Васюган ещё раз напугал — под Кунтиками пережат, и мы сели на мель. Я вышагнул из обласка — вода едва скрывала щиколотки ног. Дно твёрдое. Обласки легко протащил через мель и едва успел сесть на своё место...

И вот, наконец, Новый Васюган. Я пошёл разыскивать своих дальних родственников Сысолятиных. Меня встретила большая семья приветливо, ребятня облепили меня — все младше, чем я. Пришёл дядя Саня — он-то часто бывал у нас в Тайге, так как работал в «Заготскоте» и приезжал принимать скот у колхозов. Он сказал:

— Ну, что ж, живи у нас, где пятеро оглоедов, там и шестому место найдётся.

В эту ночь я впервые почти за две недели спал в тепле и сытым. Нам всем постелили на полу и мне как самому старшему определили место у окна, зимой, наверное, самое холодное.

2

Евдокия Дмитриевна велела мне подойти с вещами на следующий день к 9-и часам в райсобес. У меня вещей-то всего небольшой баульчик.

Булыгина сказала мне, что пойдём пешком, так как летом по суше нет дороги в Айполово. А маршрут такой: 8 км до Волково, затем 2–2,5 км по полям, 2–2,5 километра по болотной тропе до Васюгана, переплываем его на лодке и правым берегом до Айполово ещё 8 км. Баульчик может оставишь, ведь 20 км топать?

— Нет, он почти пустой. Легко. И помните, я же по 20 км каждый день ходил, когда сводки в сельсовет на Игол носил.

— Да помню. Хорошо — сейчас в путь!

До Айполово мы шли часов пять. Немного отдохали после переезда через Васюган. На кульстане жила эстонская

семья — мать и её дочь Майра. Они следили за колхозным огородом и перевозили людей через Васюган...

Интересно, судьба распорядилась так, что мне довелось через три года спасти эту девочку, уже, конечно, повзрослевшую, тонувшую в Васюгане.

У Айполово Васюган летом сильно мелел, и катера, даже пароходишки «Тара», а затем «Чехов», «пролазили» по фарватеру, который, как свои пять пальцев, знали капитаны. Однажды к берегу пристал почтовый катер, и почему-то целую ночь его не глушили, и винтом вымыло огромную яму. Вначале мы эту яму боялись, а затем исследовали её и, набрав побольше воздуха в лёгкие, прятались в её двухметровой глубине. Однажды в жаркий августовский день я стоял на берегу и увидел стайку девчат, идущих купаться. Остановились недалеко от ямы. Вижу, Майра вошла в воду и направилась прямо к яме. Шагнула, оборвалась и скрылась под водой, и не выныривает. Подождал с минуту и, прыгнув с обрыва, я прямо в одежде нырнул в эту яму. Майра лежала на самом дне ямы. Я схватил за болтающиеся тряпки, но тело осталось лежать неподвижно. Взял на руки — и быстро наверх. Майра у меня в руках оказалась совершенно голой. Тряпку, а это оказалась комбинация, я не бросил. На берегу положил Майру животом на своё колено и начал делать искусственное дыхание, как показывали в школе на занятиях по военной подготовке при спасении утопающих.

«Неужели всё!» — мелькнула мысль в голове, но сам продолжал энергично массировать. Вдруг тело содрогнулось в конвульсиях, и изо рта её вырвалась вода, прямо дугой, как из брандспойта, и она застонала. К нам сбегались люди. Я прикрыл Майру её одеждой, взял её на руки и бегом в медпункт, который стоял почти на самом берегу. Санитарка Таисия Степановна Тагаева укутала Майру одеялом и дала горячего чая.

— Ну, девка, будешь жить, — сказала санитарка, — теперь считай этот день вторым днём рождения.

Майра беззвучно плакала. Прибежала её мама...

...Мы перешли по переходу небольшую речку со светлой родниковой водой. Откуда она вытекает, такая светлая, вкусная? А сколько рыбы в ней, идёт стаями вверх по течению.

— Сейчас за поворотом будет Айполово, — сказала Евдокия Дмитриевна. Показались дома.

— Вон видишь двухэтажный дом? Это интернат, и ты будешь жить в нём.

Мы прошли мимо него по берегу Васюгана.

— Завтра утром тебя устроим, а сейчас пойдём к нам. Ты же дружил с Робертом и Валерку посмотришь, который недавно родился.

В Тайге Булыгины жили у нас на квартире, и мы с Робертом дружили, читали книги, мечтали, придумывая различные ситуации. Потом мама у них умерла, и они стали жить вдвоём с сестрой Натальей, которая была у нас учительницей. Отец Василий Яковлевич был на фронте и вскоре после смерти матери приехал домой, комиссованный с фронта по ранению. Он стал работать парторгом Тайгинского сельсовета. Через какое-то время он женился на Евдокии Дмитриевне, у которой муж погиб на фронте. Теперь интересно посмотреть на совместного их сына Валеру.

На другой день меня устроили в интернат, и я пошёл знакомиться с посёлком. Спросил про Могутаевых у воспитательницы Евгении Кондратьевны. Она улыбнулась и спросила:

— А кто же из них тебя интересует?

— Тётка Лепестинья.

— Это моя мама, пойдём, провожу. Только не называй её тёткой, это она не любит. Зови Лепестиньей Фёдоровной.

Я сразу вспомнил про Тунуспаеву А.П. из Черталы. Если зайдёшь и назовёшь её тёткой — никакой реакции. Снова выходишь, стучишься и здороваешься:

— Здравствуйте, Анна Прокопьевна!

— Страстуй, прохоти, сатись.

Если что-нибудь надо, надо постучаться, после разрешения заходишь, приветствуешь:

— Здравствуйте, Анна Прокопьевна! Дайте, пожалуйста, котелок, уху сварить.

— Восьми, вон ситит, — кивнув головой в сторону кути.

Так старая хантыйка учила вежливому, уважительному обращению к пожилому человеку.

3. Лепестинья Фёдоровна

Лепестинья Фёдоровна высока ростом для хантыйских женщин. Лицом белая, осанка величественная, телом дородная, с горделиво посаженной головой. Ей было чем гордиться — все её четыре сына занимали руководящие посты в районе: Вениамин — заведующий дорстроя района, Федот — народный судья, а затем — помощник прокурора, Маркел — председатель сельсовета, заведующий райсобесом, Иван — помощник прокурора, дочь Евгения — воспитатель в интернате.

Лепестинья Фёдоровна сразу узнала меня:

— О, кто к нам пришёл, Ситников к нам пришёл. Камо грядеши, как говаривал твой отец, проходи, чай будем пить.

Расспросила об отце, маме. Отец, оказывается, всегда у них останавливался, когда приезжал на сессии или исполкомы сельсовета. До образования Тайгинского сельсовета наши деревни были приписаны к Айполовскому.

— Ну, рассказывай, какие приключения случались дорогой.

Интересно, она говорила по-русски чисто, без акцента, а вот у старшего сына Вениамина акцент был заметен. Вместо «д» говорит «т», вместо «б» — «п», «г» — «к» и ещё некоторые слова коверкал.

— Да особых приключений не было, — отвечаю, — вот только Стеша Епимахова перевернулась с обласком, когда проезжали мимо Солкиной горы. Она кричит:

— Солкина гора, Солкина гора!

Сама голову задрала, смотрит на вершину, а про реку забыла. Облас ткнулся в берег и перевернулся.

Это так развеселило Лепестинью Фёдоровну. Тело её затряслось, груди заколыхались под кофтой.

— Ну, чертёнок, ловко ты Шешку изобразил, я просто увидела эту картину наяву. Когда-то и мы, проезжая мимо этой горы, тоже воткнулись в берег. Только мы были на лодке и не перевёртывались. С этой горой у нас, у остяков, такое поверье: если остяк зайдёт на гору без отдыха, значит, в этом году не помрёт.

— А вы заходили?

— И не раз! Я-то всегда без отдыха, а вот Кондратий мой в последний раз не смог без передышки.

— И?

— Что и, нет его!

По окончании чаепития я спросил у неё:

— А вы мне расскажете про Айполово, когда основано, чем занимались, как жили, когда русский образ жизни стал прививаться?

— Обязательно приходи, будем чай гонять и разговаривать. Я люблю рассказывать, но только не смей меня перебивать, спрашивать, когда я говорю. Запоминай, что непонятно, потом спросишь, иначе забыть могу. Запомнил?

— Запомнил.

— Ну, иди, я отдохнуть хочу.

4. Юрты Айпёх

1

— Айполово, — начала свой рассказ Лепестинья Фёдоровна Могутаева, — так стали называть Айпёх русские люди, когда начали селиться здесь. А остяки раньше всегда жили в земле и называли своё поселение Айпёх на Пуголе (Г — читается как украинское г). Если зайти на Лысую гору, то увидишь ряды, как могилы. Это брошенные землянки — карамо. С приходом русских в 19-ом веке сюда остяки стали строить дома. Вот пройди по улице — и сразу определишь; где остяк строил, где — русский. Остяк строит, как вы называете, одностопные дома, а русские в основном пятистенки. Зачем остяку такой дом, когда он почти не живёт в нём? То охота, то рыбалка, то орехи, ягоды. Посадил бабу с ребятишками в обласок и поехал туда, где ягод много. Построил шалаш, вешала для рыбы и сушки ягод и живёт там до белых мух. Привёз, сдал, погулял и снова в лес. Охота, говорят русские люди, хуже неволи. Правильно говорят, справедливые слова. Охотник настролял белок, поймал в ловушки горностаев, хорьков, наловил норок выдр и другого зверья — опять в домишко свой вернулся, чтобы сдать пушнину, мясо. Закупит провиант, муку, соль, керосин. Спички, сахар и каких-нибудь гостинцев для семьи и побольше водки.

Снова попьют — и в тайгу.

Остяк долго не понимал: зачем русские держат скот на мясо? Пошёл в лес, убил лося или оленя и ешь свежатинку. Съел — опять в лес. Мы, как приехали с юрт Анжиных, тоже стали держать скот, особенно тогда, когда Кондратий выздоровел.

— А чё с ним случилось?

— Однажды порубил ногу и заболел, Выл, катался по земле, старался укусить. Сделали клетку и в ней привезли в Айполово, думали к шаману сводить да в церкви покрестить.

— А чё, здесь и церковь была?

— Да ты мимо прошёл — клуб и был раньше церковью. Сломали башенку с крестом и сделали сначала школу, а потом клуб, когда новую школу построили. Да ты чего меня перебиваешь, сбиваешь с толку!? Говорила — не люблю я этого! Сам просил про Айполово рассказать, сбиваешь. О чём я говорила до этого?

— О том, как дядю Кондрата в клетке держали.

— А, вспомнила, однако. Не перебивай больше, а то сразу выгону, вот оплеушу по башке! — и замахнулась на меня.

— Простите, пожалуйста, больше не буду.

— Простите, — передразнила Лепестинья Фёдоровна меня и зашла от смеха, — убери руки, однако, это я так, пострашала.

А я и вправду подумал, что она меня сейчас по башке ошумарит. Глаза её, кстати, зелёные, метнули на меня такой огонь, что я весь съёжился. Интересные глаза: то серые, то карие и вдруг — зелёные. Как это получается?

В комнату зашла Евгения Кондратьевна, внимательно посмотрела на меня, улыбнулась:

— Что, интересно тебе с бабушкой? — А глаза-то тоже блеснули зелёным светом.

Уже после, когда Евгения Кондратьевна читала нам книги (редкие в то время «Граф Монте-Кристо» и «Приключения Тиля Уленшпигеля»), мы сидели вокруг неё, затаив дыхание, я внимательно смотрел ей в глаза. Радужная оболочка глаза была трёх цветов — оттенков: голубой, зелёный, коричневый. И в какие-то моменты преобладает одна окраска, потому и кажется, что глаза то голубые, то зелёные, то карие...

...Лепестинья Фёдоровна вздохнула, налила чая. Пила она чай, как наша бабушка. Недаром они год прожили в Орловке Новосибирской области, где было много моей родни. Маленький кусочек

сахара положила в рот и прихлёбывала чай из блюдца, держа его на растопыренных пальцах.

— Ну, слушай дальше. Кондратия вылечил русский человек — не шаман, хотя и к нему водили. Этот русский Леонтий давно уже жил в Айполово, знал остяцкий язык и записывал сказки, песни, которые поёт остяк, когда далеко ехать надо. У нас, остяков, нет таких песен, как у вас, скажем, «Катюша». На что глядит, о том и поёт. А Леонтию всё было интересно — он всё записывал, что остяк за день может набуровать. А самое главное — он умел лечить и людей, и скотину, и детишек, которых очень любил. И они ему прохода не давали: сделай то, сделай это, поиграй с нами! Так вот он пришёл к нам и спросил:

— Что это вы мужика в клетке держите?

— Да вот балдеет, укусить может.

Посмотрел он на Кондратия и сказал:

— Затопите-ка баньку.

2

Сходил домой, принёс травы, открыл клетку и выпустил Кондратия Ефремовича. Заварил травки и дал выпить ему. Ещё заварил и сказал, что эта пусть настаивается, после баньки он ещё попьёт. После бани Кондратия велел уложить в постель. Тот попил травяной настой и уснул.

Уходя, Леонтий сказал:

— Спать будет до вечера завтрашнего дня. К вечеру истопите баню.

На другой день велел выбросить клетку, и опять пошли париться.

Из бани он за руку привёл Кондратия, тихого, умиротворённого.

Кондратий подошёл к жене и тихо спросил:

— Как мы здесь оказались? Не могу припомнить.

Болезни как не бывало! А Кондратий снова стал заядлым охотником и рыбаком.

В 27-м году «Винамина» выбрали председателем Айполовского сельсовета. Этот Совет располагался на огромной территории. К нему относились все земли вверх по Васюгану, Черталю,

Кельвату, Махне, а также верховья речки Нюрольки и вниз по Васюгану до Среднего Васюгана.

Айполово к этому времени уже стал большим посёлком. Приезжали русские, переселялись с юрт остяцкие семейства, они рубили дома. Получились две улицы и третья наша — Церковная. Так мы сами называли улочку, по которой стояли наши дома. Видишь, одна сторона клуба выходит как бы на главную улицу, а вторая его сторона на нашей улочке.

Винамин старался всем новосёлам помогать, хотя и молоденький совсем был.

Я снова не вытерпел и спросил Лепестицию Фёдоровну:

— Вы так хорошо говорите по-русски, а дядю Вениамина называете неправильно. И вообще у вас говор походит на Орловский. Даже слова: оплеушу, шабаркнуну, набуровить и другие.

— О, Господи! Да это он сам так себя называл, когда был маленький. Вина, Винамин. Да он и сейчас, когда волнуется, тоже говорит с акцентом.

Ну, продолжим. В 1931 г. привезли много русских людей. Высаживали их почти на каждом километре по Васюгану и около речки Пугол. Сами ссыльные называли это место Дальним Яром. Голод, неустроенность, болезни. Столько народа вымерло! Хоронили умерших сначала у Пугола, а затем на краю посёлка к болоту. Болото шириной всего 200 метров — и Айполово. Иди, пройдишь по болоту и увидишь столько змей! Его и назвали Змеиное.

Многие девки ссыльных, чтобы не умереть с голоду, стали выходить замуж за остяцких парней. Это братья Полумогины, Синарбины, Тагаевы, Бардины из Тимельги. На Озёрное тоже увезли штук пять девок, однако... А их родителям привозили рыбу, мясо, ягоды. Спасали русские семьи от смерти. А сколько переселенцев поумирало! Детей у всех было помногу, и сирот отвозили сначала в Чижакку, а потом построили корпуса, что и сейчас стоят, и организовали здесь детдом. Свозили сюда сирот сначала со своего района, а в войну и с запада повезли всяких национальностей. Сам увидишь, что половина класса будет с детдома. А там и белорусы, и украинцы, эстонцы и латыши, и горожане с Ленинграда и других городов. В 41-ом году привезли много людей с Прибалтики. Тоже шибко плохо живут. В войну меняли одежду на продукты, а сейчас сами голы, босы. Некоторые парни

прибились к русским бабам, вон как Калью Калисмаа. Он сошёлся с Еленой Ветовой. У той двое детей было. Теперь вот от Калью дочь Нина родилась. Елена — хорошая хозяйка и баба добрая. Осуждали её, что с 17-летним парнем стала жить, а они хорошо с ним живут. Он мужик работающий — бригадиром назначили. Пусть живут, никому не мешают...

Позднее через Анатолия я познакомился с Георгием Ветовым.

Они — двоюродные братья, мамыих — сёстры. Я любил поводить с маленькой Ниной и часто приходил к ним пометать её. Тётя Лена шутила:

— Хороший ты парень, Лёнька, вот вырастим тебе невесту — породнимся.

В интернате рацион был скудным в первые годы, и тётя Лена подкармливала меня картошкой. Какая она вкусная вырастает на песчаной почве! Меня всегда удивляло, как Герка (так называли почему-то Георгия) капризничал и картошку плохо ел. Просто он не видел такого голода, как мы в Тайге...

— Если походишь по посёлкам, — продолжила рассказ Лепестинья Фёдоровна, — то сам увидишь, всё сравнишь, как живут у вас и как здесь. Пока все одинаково плохо, но надо надеяться на лучшее. Главное — война закончилась.

Познакомься с парнишками, пусть сводят тебя на Лысую гору, с неё увидишь оба посёлка, как на своей ладони.

Ну, всё, беги, отдыхать буду.

— А спросить можно?

— Спрашивай.

— Недалеко от вас кладбище видать. Что это за такой огромный чёрный крест?

— А это похоронена дочь Добровольского. Ей было всего 18 лет, когда угорела. Мать спохватилась, что дочь слишком долго моется, пошла к ней, но уже было поздно. Отец из целого бревна сделал крест, выкрасил чёрной краской и установил на могиле. Теперь из-за этого креста сколько уж лет на кладбище бояться ходить...

...И правда, мы на кладбище, где похоронены спецпереселенцы, играли в прятки поздно вечером, прячась в провалившиеся могилы, а на этом бывали только днём...

Года через 2–3 заспорили ребяшня, кто может сходить на кладбище поздно вечером. В конце сентября было уже очень темно. Неожиданно для себя я вызвался сходить. Мне дали спички, чтобы мог просигналить с кладбища. Мне попала берестинка, свёрнутая трубочкой. Я вставил в неё палочку — вот и факел будет. Как только стал подходить к кладбищу, меня вдруг обуял такой ужас, что ноги стали ватными. По кладбищу шныряли тёмные тени. «Так и помереть можно от страха», — подумалось мне. Я всё же заставил себя подойти к этому страшному кресту и зажёл факел, который укрепил на поперечине креста. Рядом чёрная тень при свете оказалась молодой сосёнкой. Чуть отлегло от сердца — это же сосёнки качаются от ветерка. Но всё равно я припустил бегом к ребятам. В душе же решил, что больше никогда не буду спорить на подобные вещи. Но выпоренный предмет, кажется, складшок, я выбросил в Васюган, чтобы не напоминал об этом событии. Как выбросил Добровольский гармонь в реку. Когда его дочь пошла в баню мыться, он взял в руки гармонь. Говорили, что он был отменным гармонистом. После такого случая он поклялся, что больше в жизни не возьмёт в руки гармонь...

На другой день мы с Полумогиным Анатолием пошли на Лысую гору. Интересно, как видны все дома в обоих посёлках. Видно, как директор детдома Кошкаров проводит строевые занятия с детдомовцами.

От Айполово до Дальнего Яра, несмотря на то, что они рядом, по воде пять километров. Ссылные раскорчевали всю мучь и сели хлеба. Эти поля тоже хорошо видны с этой возвышенности.

С Анатолием мы познакомились в первый же день моего прихода в Айполово. Я в окно увидел, как двое парнишек ходят по огороду, и вышел к ним. Подумал: огород под окнами Булыгиных, значит, он им и принадлежит. Когда познакомились с ребятами, предложил им репу, росшую здесь. Они оба вдруг упали и хохотали, катаясь по земле. Ничего не понимая, я с удивлением уставился на них. Наконец, успокоились, и Анатолий сказал:

- Это же наша репа.
- Как ваша, дом-то Булыгиных?
- Ну и что, огород наш, а их — за домом.

Так началась наша дружба с Анатолием, которая прошла через всю нашу жизнь.

КАК НА СВИДАНИЕ ЮНОСТИ МОЕЙ

Прежде чем приступить к рассказу, немного истории.

10 рассказов Лёхи мной были задуманы давно. Наконец в 1999-м году я всё же написал один, озаглавив его «Цоб-цобе, или один день из жизни киномеханика». В редакции он долго пролежал, что поубавило у меня пыл рассказчика. Я так планировал рассказы:

1. Рождение ребёнка.
2. Покупка куртки «Замки»
3. Горячая встреча «О киномеханиках»
4. Отравление
5. Октябрьские праздники в Инкино
6. Призыв
7. На сопках Бурятии «Катание на лыжах»
8. Самбайну, Гоби
9. Священное место
10. На быке «Цоб-цобе»

Начал писать почему-то с конца. Многие поняли, что это про себя написал. Всем, кто прочитал, рассказ понравился, даже в редакции нашей районки, но печатать больше не пообещали, и потому я стал писать только про ветеранов, про которых рассказывать можно без конца, ведь это — наша история.

Кое-что я уже подзабыл, например, про какую-то горячую встречу хотел рассказать. Наверное, всё же из юности, но сколько их было! Хорошо, что в скобках написал к\м, т. е. киномехаников, а каждая встреча — это море юмора и горы интересных происшествий.

1

Песчаное. Лёхе показалось, что краше этого озера он ещё не видел. Полукругом, на одну треть, его охватывал посёлок лесников, тоже названный Песчаным. Остальную часть высокого берега занимали вековые сосны. Вода в озере светлая, мягкая, щелочная и к питью не пригодная. Рыбы нет. Женщины брали воду только для стирки. Сразу у берега глубина достигала три и более метров. Бросишь монету, она, кувыряясь, медленно опускается на дно

и лежит на песчаном дне вроде бы совсем рядом, нагнись — и монета твоя. Ан, нет, Лёха не смог достать, даже когда нырнул за ней. Вода ласково обволакивала тело, и не хотелось долго выходить из неё. Клуб стоял на самом берегу озера, на этом естественном пляже. У самой кромки воды стояла электростанция. КЭС-5 — с двигателем ЛЗ\2 и генератор мощностью 750 ватт.

А оказался здесь Лёха неожиданно-негаданно. Он поступил в дорожно-механический техникум и вдруг встретил своих друзей, учившихся на курсах киномехаников. Геннадий Горбунов хотя был старше Лёхи на 5 лет, но предпочёл дружить с ним. Ходили на рыбалку — слять щук. Геннадий научил Лёху плести силышки из конского хвоста. Делалась петля, одним концом привязанная к длинному пруту-удилищу. Медленно шли по берегу, стараясь, чтобы тень не падала на воду. Увидев стоящую щучку, медленно опускали удилище с петлёй и старались её завести за голову щуки. Если удавалось завести, делали резкий рывок вверх — и щука на берегу. Никогда Геннадий на правах старшего не брал себе больше, только делилась рыбка поровну. Вместе с Геннадием ходили за шишками. Лёха убедился, что Геннадий совсем не трус, как считали его ровесники. Если рядом стояло несколько кедр, то он не спускался на землю, а раскачивал верхушку кедр, на которую взобрался, и делал прыжки на макушку соседней кедр. К этому приучил и Лёху, который был легче и прыгал по веткам, как белка. Но однажды его прыжки увидела мама. На сенокосе мать всегда стояла на стогу. Лёха залез на кедр, который был недалеко от стога. Оббил один. Мать уже завершала стог и краем глаза наблюдала за сыном, видя, как он ловко управляет на дереве. Рядом стоял такой же кедр, и вдруг Лёхе вздумалось похвастаться матери. Он раскачал макушку дерева и крикнул:

— Мама, посмотри! — и белкой перелетел на другое дерево. Мать тихо ойкнула, видимо, у неё подкосились ноги и она села на стог.

— Тебе что, заплошало? — крикнули снизу и подали воды.

Лёха притащил полмешка шишек и стал угощать рабочих бригады. Мать завершила стог, ей бросили вицы-ветреники, а затем вожжи, с помощью которых спустилась со стога. Лёха, довольный, что мать видела, как он лихо умеет прыгать по деревьям, стоял и ожидал похвалы. Мать подошла с вожжами, которые аккуратно собрала, взяла Лёху за воротник рубашки и начала хлестать его вожжами, приговаривая:

— Будешь ещё перепрыгивать с кедры на кедру, будешь...

Ну, да материнские побои недолго болят, а урок запомнился на всю жизнь...

2

И вот встреча в Томске. Киномеханики уже окончили учёбу на курсах и собирались по домам. Геннадий стал звать Лёху в Колпашево. Но Владимир Станкевич из Каргаска возразил:

— Ну, зачем ему в Колпашево, давай сразу в Новосибирск. Пойдём сейчас к начальнику управления кинофикации, и дадут направление в школу киномехаников. Там учатся со всей Сибири и Дальнего Востока.

Но Лёхе захотелось пообщаться с Геннадием, и он решил ехать с ним в Колпашево. Геннадий рассказал, что все они теперь живут в Песчаном, и Булыгины тоже там. Сам Василий Яковлевич работает сейчас заведующим клубом, что очень позабавило, ведь Булыгин всегда работал парторгом, наверное, с 30-х годов. Он был в Тайге парторгом, и именно он принёс чёрную весть о гибели отца. Когда умерла его жена, он женился на сестре Геннадия Евдокии. Евдокия родила ему сына Валерия, с которым Лёха любил возиться, когда учился в Айполово. Там Евдокия была директором интерната, а Василий Яковлевич — снова парторгом. А теперь в культуру подался — освобождённых парторгов теперь в посёлках нет, вот и приспособливаются, как кто сможет.

Вот и захотелось Лёхе повидаться с земляками. Да и Геннадий настойчиво звал — будем опять вместе, а учёба от тебя не уйдёт, какие ещё твои годы.

В Колпашево приехали утром и сразу пошли в отдел кинофикации. Начальник отдела Меркулов побеседовал с Лёхой, задал

несколько вопросов по устройству двигателя внутреннего сгорания, и его сразу приняли мотористом кинопередвижки. С Виктором Кузивановым, с которым вместе ехали из Томска (он тоже учился на курсах) они поехали в Новоильинку. Геннадий сказал, что немного отдохнёт и будет принимать передвижку — вот тогда он приедет к нему. Хотя Лёха был недоволен таким оборотом дела, но делать нечего, раз стал киномехаником, надо подчиняться.

Получили в кинопрокате кинофильм «Волга-Волга» и поехали. У Виктора в поселке жила мать. И вот первый рабочий день на поприще кино.

Виктор дал Лёхе книжку билетов и поставил у входной двери — торгуй. Заметив его стеснительность, неуверенные действия у двери, группа молодых парней нагло отодвинули его в сторону, пригрозив, и прошли в зал без билетов. Виктору, подошедшему узнать как дела, Лёха рассказал про парней. Виктор был местный, среди своих пользовался авторитетом и быстренько разобрался с ними. Порядок был восстановлен.

После кино мать покормила их ужином, но в ночлеге Лёхе отказала. Видимо, подумала, что у него могут быть вши или что другое. Он видел, что Виктор неудобно себя чувствует, и успокоительно помахал рукой. Ещё тепло, и он направился к клубу. Ключи от замков клуба ему отдал Виктор. Клуб располагался в центре села. Это была церковь, приспособленная под клуб. Даже купола не сброшены, только кресты сняты.

— Ну что, раб Божий Ляксей, привыкай, сам выбрал себе такую жизнь, — сказал сам себе Лёха и стал сдвигать скамьи, делая постель. Положил противопожарную ткань, на неё экран, благо он был полотняным и экраном же укрылся. Но заснуть сразу, как он умел, не смог. Напали какие-то страхи. В здании слышны какие-то шаги, движения, хлопанье двери, хрипы, стоны. Нет, так дело не пойдёт, надо вставать. Проверил крючки на дверях, проверил окна. Кто-то ходит наверху под куполом, прямо ужас начал пробираться. Вспомнился «Вий» Гоголя, его героя, умершего от страха.

— Нет, так нельзя, — громко выкрикнул Лёха и с молотком в руке обошёл сцену, подсобные помещения. Нашёл дверь, ведущую на лестницу купола. Взошёл наверх и увидел решетчатый

ставень, который от действия ветра двигался взад-вперёд, а в пустом зале, да ещё ночью, слышны хлопанье дверей, шаги. Облегчённо рассмеялся, страх моментально улетучился. Посмотрел на спящую, угомонившуюся деревню, подбил молотком торчащий гвоздь и плотно закрыл ставень, закрепив гвоздём. Прошёл в зал, лёг на приготовленное ложе и сразу уснул.

Неделю проездили с Виктором по деревням, и стал просить Виктора отпустить его в Песчаное.

— Да ты что, это же пешком надо идти от Колпашево 60 километров. Дорога тебе неизвестная, как идти? Есть весной дорога и водным путём, но сейчас только пёхом.

Но отпустил.

Из Колпашево утром рано Лёха почти пробежал 8 км до Тогура. А дальше иди туда, не зная куда. Спросил у одного дедка:

— Не подскажите, где идёт дорога на Песчаное?

— Где-то вниз по Оби. Слышал, что надо через Кеть переехать, а там ещё километров 50.

Переехал Кеть и в посёлке Рейд спросил, где дорога. Махнули рукой, и Лёха бодро зашагал в том направлении в неизвестность. Хорошо, что Виктор рассказал мне, какие должны быть посёлки на пути. Вначале будет посёлок Север в 7–8 км от Тогура, а потом Комарово, Чёрный Мыс, Ломовая, Пиковка и через километров 12 твоё Песчаное. А откуда заходить — он не знает.

— Ничего, язык до Киева доведёт, — и Лёха двинулся по просёлочной дороге. Видно, что дуга заливные. Какое разнотравье! Небо синее-синее, солнце теплое, птицы распевают. Красота! Часа через полтора лёгкого, быстрого хода Лёха забеспокоился. Ведь уже должен быть Север по времени, а никаких признаков на горизонте, чтобы где-то была деревня — не видеть. Вдруг увидел, что навстречу идут две женщины. Приободрился, значит есть живые люди. Спросил про Север.

— У-у, милай, да ты идёшь совсем не туда. Здесь дальше-то и дороги нет никакой. Надо идти на Север — то через посёлок Шпальный, что за лесозаводом. Пошли назад.

Дорогой она мне рассказала, что приходилось ходить пешком в Пиковку. От Тогура до Пиковки 40 километров считают, а там 12 км до Песчаного хорошая лесовозная дорога.

— Сейчас переедем реку у Рейда и иди прямо берегом до Шпального. Иди прямо по деревне, не сворачивай, и дорога пойдёт по берегу Кети до самого перевоза, а там и Комарово рядом. Дальше не заблудишься, одна дорога до Пиковки, а там спросишь, куда на Песчаное.

Огорчился, ещё не ел, и становилось тоскливо на душе, до вечера трудно мне будет, но, может быть, дойду.

На этот раз дошёл до перевоза без приключений. Паромщик взял рубль за перевоз и, расспросив Лёху — куда и зачем идёт, подробно рассказал, как идти дальше. Перехватив голодный взгляд Лёхи на лежащий на столе хлеб, усмехнулся и, отрезав горбушку хлеба, налил в кружку смородинового чая.

— Небось, сегодня ещё не ел?

— Не пришлось ещё.

— Да, парень, не верится, что сегодня ты сможешь дойти до места.

Лёха побарахтался в воде, вспомнив, что всегда купались на Окунёвке, когда ходили пешком из Айполово в Новый Васюган. Оставалось километров пять, прыгнем в воду, и как будто заново на свет народился, так освежала водичка.

Полегчало, конечно, но впереди ещё 30 км. Слишком много пробегал лишнего. Засветло не дойду, так придётся, может быть, в копне ночевать.

Прошёл Север, Комарово, вот и Чёрный Мыс. Идти надо ещё 15 км, а солнце уже за кусты цепляется. Попрошусь, может быть, пустят ночевать. Никто даже слушать не хочет. Зашёл в две предпоследние халупы, думал, раз плохонькие избушки, то люди в ней помилосерднее живут. Куда там, даже на порог не пустили. На самом краю деревни стоял красивый, обихоженный дом. Вдруг на него навалилась такая усталость. Он едва передвигал ноги.

Ну, сюда и пытаться заходить не буду, раз уж в такие домишки не пустили, — подумал Лёха и поплёлся мимо дома.

— Молодой человек, молодой человек, идите сюда, — услышал он женский голос.

Повернулся и увидел миловидную женщину, стоящую у ворот и приветливо улыбающуюся.

— Я видела, как вы заходили в дома, наверное, просились переночевать, и никто не пустил?

— Да.

— Заходите, — пропустила его в калитку, — переночуете у нас. Куда это на ночь глядя направился?

— В Песчаное.

— Да до него ещё 25 километров! Даже больше, ведь по Ломовой надо идти только 5 км.

Она собрала быстро на стол картофель, огурцы, хлеб, молоко.

Сама расспрашивала. Очень удивилась, когда узнала, сколько уже прошагал. Постелила постель под фикусом. Когда-то дома у матери Лёха спал под таким растением. Тепло, счастливо улыбулись хозяйке, Лёха внезапно провалился в сон.

Утром рано Лёха соскочил и хотел сразу бежать, но хозяйка принесла из погреба холодного молока, дала краюху хлеба и заставила съесть.

Отдохнувший, сытый, Лёха шёл очень быстро, и эти 15 км до деревни Ломовой он прошагал часа за полтора. Деревня Ломовая, растянувшаяся на 5 км, представляла из себя хуторские постройки. Недалеко от неё и Пиковка. Село большое. Спросил у ребятни дорогу на Песчаное.

— Иди всё прямо, не собьёшься.

Вот и Песчаное. Лёха полюбовался красотой озера, его бело-голубой водой. Так захотелось ему сбросить всё и залезть в воду, но вдруг услышал высокий голос матери Геннадия. Надо же, 5 лет не слышал, а сразу узнал!

Пошёл на голос, перешёл улицу и увидел тётку Анну.

На семейном совете, а их собралось 8 человек, решили, что никуда больше не пойдёшь, а останешься здесь работать с Геннадием — ему как раз моторист нужен.

В маршруте 5 посёлков: Песчаное—Пиковка—Пашкино—Плотбище—Зайкино. Это летом, а зимой ещё Кальджа и Центральное в 50 км от Песчаного. Песчаное — в центре, и получается, что от Зайкино до Пиковки — 12 км, от Пиковки до Песчаного — 12 км, от Пиковки до Пашкино — 12 км. Везде леспромхозы, только в Зайкино колхоз и нефтебаза.

Все повеселились Лёхиным приключениям. Позднее Лехе рассказывали, что Чёрный Мыс славился тем же, что у них Влазово.

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Человек родился

«Почти по Горькому»

1

Моторист кинопередвижки — это не только занятие с электростанцией, но и подготовка фильмов к демонстрации, ремонт кинолент, а если умел писать плакаты, то и писать, и развешивать рекламы. Киномеханик с удовольствием нагружал моториста и этим. Киноленты были на нитрооснове, очень огнеопасной штуке. В первые же дни Геннадий продемонстрировал её горючесть. Оборвалась киноплёнка в кинопроекторе, остался кусочек её в фильмовом канале — и сразу огонь, как взрыв. Потом поджёг кусок рулона старого журнала и бросил его в озеро. Рулончик в воде сгорел полностью, потому что нитрооснова при горении выделяет кислород, т. е. при возгорании этой плёнки её не потушить до полного сгорания. Этот опыт очень крепко засел в памяти Лёхи, и сразу хорошо запомнились действия киномеханика при возгорании киноплёнки, особенно в фильмовом канале. Отработал их до автоматизма и первые действия — удар и обрыв плёнки сразу двумя руками у подающей и сматывающей кассет.

Мотор у электростанции Лёха знал теоретически. Как-то его брат показал, как называются различные части мотора, а потом в школе знакомил с двигателем внутреннего сгорания, потому Лёха так уверенно рассказал начальнику Меркулову устройство мотора, что сразу был принят мотористом, минуя 3-хмесячное ученичество. Но вот практика. Сначала научился заводить мотор, устанавливать нужное напряжение для питания кинопередвижки. Но это освоил ещё с Виктором. Теперь принял другую эл. станцию. Какая же она грязная, закопчённая. Надо помыть, тряпками не оттирается. Сходил в мехмастерскую и выпросил немного солярки. Мотор отмылся, картер оказался зелёным. Промыл, протёр, и станция стала как новой. Пришёл Геннадий, посмотрел, что-то одобрительное промычал и ушёл в клуб. Вышел зав. клубом Булыгин и тоже

обратил внимание на станцию. Лёха услышал, как он спросил у Геннадия: — А вы что, новую электростанцию получили? Этот вопрос прозвучал для Лёхи комплиментом.

2

Люди любили кино, и в клубе на 75 мест иногда собирались по 200–300 человек. Не пускали, боялись пожарных инспекторов. Да и самим работать в таких экстремальных условиях было опасно. Зрители ругались, лезли напропалую и швыряли деньги за просмотр фильма. Аппаратных не было, и аппаратуру устанавливали на сцене. Люди не помещались в зале и залазили на сцену, стояли тесно кругом аппарата и курили. Киномеханик без конца рычал на зрителей, но на него мало кто обращал внимание. Плёнка взрывоопасная, и работать так недопустимо. Как же рисковал Геннадий, причём не своей жизнью, а жизнью этих же людей, которые мешали ему работать! Бог уберёт.

Через пару недель Лёха уже знал всех «ярых» любителей кино. Он обратил внимание на молоденькую беременную женщину. Геннадий сказал, что это Рая, которая сбежала из дома с завербованным парнем из-под Москвы. Ей скоро рожать, а парень вдруг женился на другой.

Лёха так пожалел Раю и стал оказывать ей внимание, оставлял для неё стул и ставил его на излюбленное её место. Геннадий стал подначивать:

— А что, давай женись на ней, и ребёнок сразу будет.

— Да пошёл ты, неужели простое человеческое участие надо рассматривать только с таких позиций...

Однажды переехали в Пиковку, развернул комплект и увидел, что нет реостата у генератора. Спросил у Геннадия — тот выругался:

— ...Я его оставил на столе в клубе, заменял ему движок. А ну, давай, дуй за ним, пока не поздно.

— Хорошенькое дело — взад-вперёд 24 километра.

— Ничего, ты у нас лёгкий на ногу — успеешь. Если повезёт — с полпути Волков на кране подвезёт.

Лёха видел автокран, который работал на нижнем складе, который был как раз на середине пути. Но вряд ли повезёт, надо рассчитывать только на свои ноги.

— Ну что ж, как говорится, дорогу осилит идущий. Побежал.

А сколько нынче брусники уродилось! Возьмёшь кисточку — полная горсть. Уже подходя к Песчаному, зашёл в сторонку и ахнул. Небольшая полянка среди молодых сосёнок была сплошь усыпана крупной ягодой. «На обратном пути заскочу, вот и пообедую, — решил Лёха, — и зачем люди так далеко ходят за ягодой, здесь рядом, всего километра два, ягод — завались».

Прибежал к клубу и первым, скинув одежду, бултыхнулся в озеро. Идёт сентябрь, а вода сверху, как парное молоко, но чуть ноги опустил поглубже — и холодная вода сковывала их.

— Ну вот, теперь легонько пойду в Пиковку, как будто и не пробегал 12 километров. — Вспомнил, что вчера купил флакон тройного одеколona — начинал брить пушок на подбородке и усики, и надо освежаться, а то раздражение и выскакивали угорьки. Хорошо, что у меня их было немного, не то, что у моего кореша Мишки. У него не только лицо, но и плечи, даже спина были покрыты сплошными гнойничками. Мишка поругивал отца за такое наследство, Лёха видел его и обратил внимание на его лицо, всё в рытвинах. Хотя Миша обижался, но Лёха его иногда называл, как поручик своих солдат в книге «Бравый солдат Швейк»:

— Ты, с рожей стафилококковой импетиги...

Лёха забрал одеколон, нашёл реостат и быстро зашагал в Пиковку, помня, что его ждёт полянка с брусникой. Добежал, прилёг на прохладный мошок и начал горстями поглощать ягоду. Уже был иней, и ягода стала сладкой, сочной. Вдруг ужасный крик совсем рядом заставил Лёху поперхнуться ягодами. Крик повторился, и чётко слышно «мама». Первая мысль была: «Убивают!» Хотел отползти к дороге и бежать в посёлок за помощью, но передумал и потихоньку прополз на крик. Осторожно выглянул из-за сосёнки и увидел кричащую Раю.

— Рожает! — обожгла догадка.

У него мама в деревне была повитухой, «в деревне это называлось «баушничала», и всем детям в деревне она была бабушкой. Почему-то Лёху она иногда брала с собой помощником, и он видел, как мать отрезала, вначале завязав, пуповину ножницами, обработав его йодом или каким другим раствором. Лёха спрашивал — зачем, поясняя:

— Чтобы заразу не занести ребёнку.

— Похоже, что сегодня мне теоретические знания пригодятся, — сказал себе Лёха и направился к ней.

— Ты чё, уходи отсюда! — закричала Рая.

— Ладно, сбегаю за краном, — Лёха повернулся.

— Ой-й, миленький, родненький, не уходи, не бросай!

Лёха услышал приглушенный крик младенца.

— Уже родила!? — Лёха подскочил, отогнул юбку. На Рае были мокрые, окровавленные рейтузы.

— Вот, дура! Ребёнка задушишь!

Снял с себя пиджак и постелил около кочки. Положил на него Раю и сдёрнул с неё рейтузы. Уже вышла головка младенца, и он орал. Орал, да громко так, а говорили, что они не кричат, пока совсем не выйдут. Лёха вспомнил, что делала мать. Она заставляла роженицу держаться за спинку кровати или за верёвочку, привязанную к стене, если рожали в бане. Он пригнул небольшую сосёнку и заставил Раю держаться за неё и кажилься, будто хочешь по-тяжёлому. Он вдруг услышал, что говорит голосом мамы, с её интонацией:

— Не бойся, Раечка, головка уже наружи, ты кажилься, кажилься, миленькая, будто по-большому хочешь, и всё получится.

— Мам-ма! — закричала Рая с натугой, и у ребёночка показались плечики. Лёха рейтузами прихватил за них и тихонечко потянул, приказав:

— Кажилься и ори громче, сильнее.

Наконец, ребёнок на руках.

— Раечка, мужичок у тебя, Сейчас, сейчас перевяжем пуповину, Хорошо, что у меня всегда с собой есть суровая «льняная» нитка. Интернатская привычка носить всегда иголку с ниткой в кепке пригодилась. Тётя Аня накануне пряла лён, который Геннадий привёз из Сугота, где работал льнозавод, и Лёха взял у неё эту тонкую прочную нить — на ней пришитые пуговицы держатся прочней. Вспомнил про одеколон, достал и полил на руки и на складной ножичек. Затем, как мать, перевязал пуповину в двух местах и отрезал по середине между узелками, оставив от узелка сантиметра три. Так делала мать, она говорила, что эта кишочка через неделю отсыхает и сама отпадает.

Малец пустил струйку прямо Лёхе в глаза.

— Ну молодец, сураз, в знак благодарности за освобождение понужнул мне по шарам. — Оторвал подол у Раиной сорочки, завернул младенца и положил на грудь матери.

— Не кувякуй, суразёнок, Раечка, я побежал на нижний склад за машиной, а тыне пугайся, если у тебя опять начнутся схватки, это должен выйти послед. Повезло, что такой тёплый денёк выдался, я быстро.

У Лёхи появился тёзка. Когда он на следующий день пришёл в участковую больницу, его с интересом встретила няня с родильного отделения:

— Надо посмотреть, откуда это такой умелец-акушер появился.

Лёха передал пакетик ирисок «Золотой ключик» для Раи. Он видел несколько раз, как она покупала такие конфеты. Няня сказала, что в честь него ребёнка Рая назвала Лёнкой.

Через неделю Лёха ещё повидался с Раей — через окно показала тёзку. Это оказалось в последний раз. Они уехали с бабушкой, которая приезжала за ней из-под Московья.

Интересно, как сложилась судьба этого Лёнки, жив ли и знает ли историю появления себя на свет Божий.

А Лёху после этого долго называли в посёлке Повитухой.

Отравление

Лёха через несколько месяцев стал заправским мотористом кинопередвижки, но слабовато знал устройство генератора, хотя имел представление о его работе из курса физики. Но это опять же теоретически. На практике умел подключаться к комплекту аппаратуры и научился возбуждать генератор, если вдруг не подавалось напряжение на автотрансформатор. Но устранять неисправности генератора хотелось самому, а киномеханик Геннадий Горбунов или сам его плохо знал, или ленился. Даже Лёха понял, что нужно заменить на щёткедержателе пружинки, прижимающие щётки к коллектору генератора, да и сами щётки, с которых снимается вырабатываемое генератором напряжение. Щётки — это небольшие угольные пластинки. Щётки при работе сильно искрили, наводя помехи на усилительное устройство, и в громкоговорителе щёлкало, мешая звукопроизведению. Поэтому приходилось делать

различные приспособления, чтобы прижать щётки к коллектору генератора.

Начало декабря, стояли сильные морозы. Приехали в Пашкино. Это — сезонный лесочасток, и клуба там не было. Кино ставили в бараке, разделённом на два крыла кухни-прихожей. Кино ставили в женской половине, там было удобней.

Затащили промёрзшую электростанцию на кухню, немного отогрели, завели и вытащили на улицу. Мороз уже ниже 50 градусов, и Лёха плотно закрыл радиатор, чтобы не перехватил трубки господин Мороз. Но всё равно не помогло — мотор зачихал и заглох. То ли вода в бензин попала, но мотор останавливался без конца, зрители загудели, недовольные такой работой. Решили затащить электростанцию на кухню, хотя звук работающего мотора мешал, но это лучше, чем непрерывные остановки. Дверь немного приоткрыли для выхода выхлопных газов. Геннадий, раздосадованный недовольством зрителей и на Лёху за остановки сеанса, заставил его держать щётки, чтобы ещё из-за них не усилились помехи. Лёха накануне хорошо поработал с коллектором и не ожидал подвоха со стороны траверсы — устройства, на котором держатся щётки. Но послушиваться старшего перед зрителями не стал и вышел к станции. Хотя дверь была приоткрыта, чувствовался сильный запах газа. Взял чистую тряпочку и, прижав её к кольцам коллектора, снимал нагар. Через некоторое время вдруг почувствовал, что голова куда-то едет, закружились в неистовом хороводе печь, стены, двери. — Вот тебе и немецкая душегубка, — подумал Лёха, — вывалиться бы на улицу. Но на это уже нет сил, закричал, и свет померк в его глазах.

Очнулся от собственного плача:

— Ы-ы, ы-ы, — и думает: — Чё это я,? — и замолк. На грудь, на голову лили воду, в ушах чем-то ковыряли.

— Всё, посадят меня к чёрту, — услышал он голос Геннадия.

Лёха открыл глаза и посмотрел, кто это у него копается в ушах? Над ним склонилась подружка Геннадия и засовывала в уши лук, который якобы помогает от угара.

— Слава Богу, очнулся, давай теперь на улицу гулять, — сказала девушка и начала меня одевать, сама оделась. Лёхе вытащили из ушей лук и положили в каждое ухо по крупной мороженой клюкве для вытягивания угара из головы.

Ясная, морозная ночь. Крупные звёзды. Под ногами похрустывает промороженный снег, а голова разламывается. Так уже болела голова, когда сторели валенки сначала дома, а потом в интернате, когда зашаяли сразу десятки валенок. Вонючий дым плотно заполнил нашу спальню и начал заполнять соседние комнаты. Ночная няня задремала у девочек в спальне и, пока сама не стала задыхаться от вони, дремала. Она заорала дурным голосом и начала всех будить, выпроваживать на улицу. Мы, полуживые, ползли на улицу, а некоторых вытаскивали уже без чувств. А потом как болели головы целый день, ужас! Теперь вот у Лёхи снова такая же голова.

— Ничего, главное жив, сейчас подышим свежим воздухом, голове станет легче и ляжешь спать, — утешала Надежда.

Но Лёха знал, что так быстро такой угар не проходит. Он знал примеры, когда человек вроде бы жив остался, а часа через два умирал. Но это кто-то, а Лёха не собирался сегодня умирать, ведь у него скоро романтическое свидание. Он обещал быть и будет. Увидев, что Надя сильно замёрзла, Лёха позвал её в барак.

— Главное — уснуть, а там, глядишь, и голова перестанет болеть, — подумал он, хотя помнил, как долго головная боль не проходит от угарного газа. Всё же Лёха сравнительно быстро уснул, но слышал, как она болела, его бедовая головушка, ведь уже третий раз происходит с ним такая горячая встреча с угарным газом. Это чревато последствиями. Наутро сосед по нарам дед Фотей подшучивал над ним: Ты, как телок, заревел, я сидел у дверей и услышал. Говорю Геннадии, что напарник твой орёт, как телок, когда его тянут на заклятие. Он выскочил, и начали спасать тебя.... Оказалось, что запах газа оказывал своё действие на организм Лёхи всю последующую жизнь. Чуть запах газа в машине — у него сразу головная боль и тошнота. Но так случилось в его дальнейшей карьере, что ему до самой пенсии не пришлось от машины избавиться. Единственное, что удивляло его знакомых, он так и не смог себя заставить самому сесть за баранку автомобиля, хотя более 20-и лет проработал директором, а управлять машиной не научился, да и не смог переломить себя. Однажды даже такой был случай. Знакомый поехал в отпуск и в аэропорту попросил перегнать машину домой. Когда Лёха сказал, что не водит машину — не поверил. На мотоцикле же ездешь, но там другое дело, газ улетает

в атмосферу. Теоретически знал, как надо управлять, и сделал это на практике. Но это было единственный раз.

...А в посёлке получил новую кличку — Травленный.

Ишковы

К Новому году Лёха ушёл в Колпашево. Снова пешком. До Пиковки хорошая лесовозная дорога, и эти 12 км он прошёл за час с четвертью. У околицы встретил деда Фотея, которого вообще-то звали Михаил. Это он в шутку так ему представился при знакомстве, и Лёха стал звать его так. В Пиковке они жили давно. Когда-то они захали сюда охотничать, это было их зимовье. А уже при советской власти сюда пришли лесники. Дед Михаил — невысокий, коренастый, широк в плечах. Его и дедом-то называть было неудобно. Лёха был поражён, когда увидел, как тот колет сахар-рафинад. Берёт кусок сахара, кладёт на ладонь, а другой рукой ребром ладони бьёт по куску, и он разваливается пополам. Затем пальцами — пальцами!! — начинает отламывать кусочки, как щипцами. Весь этот кусок раскромсает руками и складывает в сахарницу. Такие кусочки хороши к чаю хоть вприкуску, хоть так прихлёбывать. Сколько раз Лёха пробовал разбить так сахар и отламывать пальцами — ничего не получалось, кроме тех, что немного выступали у куска. Это какая же сила в пальцах!

У деда Михаила сын пришёл по амнистии. Он был осужден по статье 58, отбывал в лагерях 10 лет за пересказ где-то услышанного анекдота про Сталина. Наказание жестокое за такую малую провинность. Ивану повезло, как графу Монте-Кристо. Роль аббата Фарियो в его жизни в неволе сыграли пятеро учёных-академиков, находящихся с ним в одной камере. Из малограмотного деревенского парня они «вылепили» высокообразованного человека, владеющего несколькими иностранными языками. Он прекрасно знал физику, математику, химию, электротехнику. Как эти учёные обрадовались, когда он сказал им, что мечтает получить образование. За несколько лет он прошёл курс за среднюю школу. «Приняли» его в высшее учебное заведение, которое он с отличием окончил, Как Лёха жалеет, что не запомнил его профессоров, да и с самим Иваном потерял связь! Если жив, то несомненно он экстерном окончил и школу и ВУЗ, т. е. получил документы, а для этого надо сдать экзамены и в школе, и ВУЗе.

Иван, узнав, что Лёха плохо знает генератор, сделал развёрнутую электрическую схему генератора и подробно объяснил принцип работы генератора. Через месяц тот знал и устройство, и неисправности, и всё, что касалось электрических машин. Лёха говорил Ивану, что хорошо бы его в школу, вот бы ребята были рады получать такие знания. Иван только грустно усмехнулся — его даже кочегаром в школу не разрешил директору взять комендант, к которому приходилось каждую субботу ходить на отметку.

Хорошо ещё к нему, а то вон наш общий друг Иван Чубей в Колпашево ходит отмечаться, а времени на это разрешают использовать 24 часа. Туда-сюда 120 км! Обалдеть! Лёха использовал полученные знания. Он разобрал генератор, и в мехмастерской ему продорожили коллектор генератора. С помощью Ивана изготовил новые зажимы на траверсе и притёр новые щётки. Генератор стал работать, как часы.

...В Колпашево в киносети было общежитие, состоящее из двух комнат и небольшого коридорчика. В одной комнате была семья кинороботников Ишковых, в другой — Зябриных. Иван Зябрин был шофёром в киносети. В обеих семьях было по две девочки. У Ишковых годовалая девочка ездила с ними по маршруту. Они тоже работали в тех же посёлках, что и Лёха. Ехали навстречу друг другу и, когда встречались в Песчаном, одни или отдыхали, или работали на Плотбище в 6 км от Песчаного. Когда Лёха стал частенько работать один, стал с удовольствием ездить на это Плотбище. Там в большинстве были девушки из Прибалтики, Украины, немки с Поволжья и местные аборигетки из Инкино, Иванкино и других посёлков. Колпашевского района. Они всегда так радовались кино, а Лёхе хотелось казаться заправским кинщиком и ему нравилось общаться с молодёжью. Ишковы старались не бывать здесь — выручка от кино была меньше, чем в других посёлках, но Лёха видел радостный блеск в глазах девчонок и старался угодить им. А ещё один секрет — он всегда приезжал сюда один. У Геннадия с этим посёлком остались какие-то неприятные воспоминания, и он оставался у матери. Лёха был рад поработать самостоятельно и старался всюю.

У Ишковых заболела маленькая девочка, Валентина вынуждена была остаться дома, поближе к больнице. Она была мотористом, но к мотору ей не приходилось подходить — всё делал

Пётр. Её вся работа сводилась к продаже билетов, и Петра к этому не допускала, не доверяла, она знала, что на бутылку водки обязательно денег затырит. И вот болезнь дочки. Валя уговорила Лёху принять кассу и поездить с Петром, потому что знала — Лёха спиртное не употребляет, а значит, и Петру меньше достанется. Приехали в Пиковку, поставили кино, и Пётр выманил денег на бутылку.

— Чего ты жмёшься — давай на пузырь, надо же хозяевам его поставить за то, что кормят, за ночёвку. Что ж, логично, за всё надо платить.

Но вымогательства стали ежедневными, это просто кошмар. Орал, тряс за грудки, пытался взять на «калган». Он был с 24-го года, был на фронте. До войны он успел окончить 7 классов, а это уже считалось хорошим образованием. Прямо на фронте окончил краткосрочные офицерские курсы, и ему было присвоено звание младший лейтенант. Принял взвод, а когда погиб командир роты, Петра назначили командиром роты. Это много для боевого офицера, и он уже старший лейтенант. Стояли в обороне. До окопов противника было всего 70 метров. Началось братание с солдатами противника. Стали менять мелкие вещи, особенно носки и рукавицы немцы обменивали на шоколад и губные гармоники. Уже не остерегались друг друга и сидели на брустверах своих окопов и били вшей или подшивали воротнички и ремонтировали одежду. Но однажды эта идиллия закончилась. Старшина роты злился на немцев и в сильном подпитии взял винтовку и застрелил немецкого фельдфебеля, сидящего на бруствере. Что тут началось! С немецкой стороны открыли шквальный огонь, и в роте погибло до десяти солдат, не успевших спрятаться в окопы. Пьяный Пётр рассвирепел, выхватил пистолет и заорал:

— Рота, в атаку — вперёд!

Выскочил из окопа, размахивая пистолетом. Оглянулся, а он один бежит. С матом развернулся назад, но в это время пуля ударила его в локоть, раздробив кости.

— Всё, отвоевался, — мелькнула мысль, и потерял сознание.

Руку в госпитале отрезать не дал, вылечили, но она навсегда осталась буквой «Г», но кисть работала нормально. После выздоровления комиссовали, и он поехал к матери на Алтай. В колхоз не захотел идти, а тут как раз набор на курсы киномехаников в

г. Новосибирск. Через год вернулся Ишков в свой район, а вскоре посватался к красивой девушке Вале Соловьёвой. Пётр ходил в офицерской форме и девушкам нравился. Нравился он и Вале и когда пришли сваты, сразу же дала согласие выйти за него замуж. Стали вместе работать на кинопередвижке, Через год родилась Катя.

Старший брат Петра, Николай, завербовался в лесную промышленность в Колпашевский район и хвалился хорошими заработками. Пётр решил съездить к нему и сразу устроился в отдел кинофикации. Начальник отдела Меркулов А.И. даже обрадовался квалифицированному работнику, да ещё бывшему офицеру.

Так Ишковы оказались на колпашевской земле. В 53-м году у них уже две дочери, а оставлять их не с кем. Старшая оставалась у дядки в Тогуре, а Вера с ними.

И вот теперь Валентина спихнула своего возлюбленного на голову Лёхе. Всё бы ничего, но Пётр, выпив, делался агрессивным и несколько раз пребольно ударял Лёху головой, выклянчивая деньги на бутылку, при этом всячески оскорбляя словами. И всё же ему удалось отучить Петра и от агрессии, и от вымогательства. А дело было так: Лёха торговал билетами, когда заявился Пётр со своим другом, а вернее, с собутыльником и начал очередной кураж. Дело дошло до оскорблений и грязных намёков. Это уже надоело до чёртиков, и хотя Лёху знали, как очень спокойного, уравновешенного человека, но иногда и на него нападала хандра, когда он от любого неуважительного слова в свой адрес взрывался и давал достойный отпор. Вот и сейчас его ответная реакция на оскорбление Ишкова была сокрушительной для Петра — он получил сильный удар в голову и замятво рухнул на пол. Очнувшись, сказал:

- Ну, Лёха, и удар у тебя, всё в калгане перевернулось.
- Извини, но сколько раз ты меня на свой калган брал, тоже больно хлещешь.
- Но ты так и убить можешь, я с тобой больше не играю. Мне Генка говорил, что боится злить после того, как ты приголубил его. Теперь и я пас, ухожу.

Лёха хмыкнул, вспомнив, как Геннадий начал куражиться над ним, как только кто приходил, особенно посторонний, да если

ещё женского пола. Сразу командирским тоном: Лёха сюда, Лёха туда, принеси то, подай это, почему электростанция не заправлена, не подготовлена — и тому подобное. Лёха всё терпел, посмеиваясь, старательно всё исполнял. Но Геннадий перегнул палку — начал ещё и унижать перед девками, а это уже нетерпимо. Однажды при своей девушке Наде снова решил покуражиться, начал смеяться над Лёхой, что боится девушек и они его прозвали «Монах в синих штанах». Видно, у него там не всё в порядке.

— Да пошёл ты к чёрту, смени пластинку, — рассердился Лёха и выскочил на улицу к электростанции.

— Постой, слушай, что старшие говорят, вернись сейчас же, — и выскочил следом за ним.

Станция стояла на самом берегу озера. Лёха нагнулся к ней, но при приближении Геннадия разогнулся, как пружина и правой рукой нанёс сильный удар в голову. Геннадий отлетел к самой воде, голова оказалась в воде. С крыльца прыгнула его подружка и оттащила его от воды, стараясь привести в чувство. Лёха испугался, что убил, ведь ударил его в висок. Но Геннадий шевельнулся и открыл глаза.

— Слава Богу, жив, но урок пусть надолго запомнит, — подумал Лёха и помог Наде завести его в клуб.

Через некоторое время глаза Геннадия приняли осмысленное выражение, и он заговорил:

— Теперь я понял, для чего вы в интернате дубасили кулаками мешок с песком. Слово гирей меня ошумарил. С кедры летал, а из ума не вышибало, как сейчас.

С тех пор Геннадий снова стал таким, как всегда был, т. е. не куражился и относиться стал к Лёхе уважительно и товарищески. Вот бы ещё от зелья отвадить и его, и Петра.

Со временем Лёха приноровился к Петру — давал ему денег на пузырь, а сам с киноустановкой уезжал на другой участок. Часто Пётр даже не знал, в какую деревню уехал Лёха показывать кино. Да это его вполне устраивало.

Однажды Лёха объехал все посёлки в маршруте и вернулся в Пиковку, где оставлял Петра. Подготовился к киносеансу, пробежал по посёлку, развешивая афиши и рассказывая встречным о кинофильмах, которые будут вечером показываться. Хорошие фильмы, и Лёха сделал хорошую выручку от продажи билетов.

Почтовое отделение было только в Зайкино, и он специально заехал сначала в этот посёлок, чтобы избавиться от такой суммы.

В клуб притащился Пётр, с распухшей рожей от пьянства.

— Лёха, дай на бутылку, всего трясёт. Не опохмелюсь — сдохну.

— Да все сдал на почту в Зайкино.

— Ё-моё! И много сдал?

Когда назвал сумму, тот вытаращил глаза:

— Да никогда столько не делали выручки. Ты нас под монастырь подведёшь, ведь с бабой ездим, и будут говорить, что воуем.

— Да что ты, такие фильмы в этом месяце, стыдно было бы не собрать такой вал.

— Ну, лады! Давай билеты, я сам буду продавать и на бутылку подкалымлю.

Лёха поморщился, не нравилось ему такая работа, но билеты отдал. Аппаратных ещё не было и киноаппаратуру размещали недалеко от выхода, чтобы можно было продать билет подошедшим зрителям и к станции быстренько выскочить, если вдруг забарахлит. Заряжая кинопроектор, он краем глаза наблюдал за Петром. Сеанс был детский, но много приходило и взрослых. Пётр рвал билет пополам и по половинке отдавал ребятишкам. Вдруг видит, как в клуб зашёл военный — этот лейтенант из военкомата ни одного фильма не пропустил. Видимо, гостил у родни. Зал уже полный, и пройти к выходу было уже непросто. Лёха забеспокоился, как бы Пётр чего не наколбасил, но опоздал. Пётр уже всюю скандалил с офицером, обзывая его нехорошими словами. Пётр орал, что он старше его по званию, что он кровь мешками проливал, а ему какая-то тыловая крыса, отсидживающаяся всю войну за бабьими юбками, будет указывать, как работать. Лейтенант старался урезонить Петра, говоря, что он только требует дать ему билет, а не контроль от него. Но Пётр ничего не слушал.

— Ах, ты, фашист недобитый, — и ударил офицера головой. Подбежавший Лёха вытолкнул Петра на улицу. У оскорблённого офицера попросил прощения, но тот ничего не хотел слушать. Он вышел из клуба, сказав, что ни за что не простит Петра.

Наутро Пётр осознал, что натворил, побежал на квартиру и на коленях выпрашивал прощения. Плакал, говоря, что у него двое

детей, с квартирой плохо, жена болеет и т. д. Вечером в клубе, совершенно отрезвев, он снова на коленях при народе просил у офицера прощения. Тот попытался поднять Петра, а потом махнул рукой. Простил, но Пётр получил хороший урок. Он даже последние дни работы с Лёхой перестал пить. Домой приехал посвежевшим, и Валентина поверила, что её Петя не выпивал это время. Такой авторитет заработал Лёха у женщин: «Смотрите, ездил с таким выпивохой и ничего, вон как хорошо поработали, почти по два плана в месяц делали».

Эта слава сослужила Лёхе нехорошую службу. Ещё одна пара — Тепляковы Лида и Вася — работали на большом маршруте — 22 посёлка обслуживали. И вот Лида надумала рожать, а Васю нельзя пускать с тем, кто тоже любит выпить. Есть такой парень, кому можно доверить кассу и кто не пропьёт казенные деньги, а семью выручит — это Лёха.

Бедный Лёха!

С Тепляковым

Новый, 1954-й год мы встречали в кинотеатре им. Куйбышева. Всем нам, находящимся в общежитии кинофикации, а теперь отдела культуры, выдали пригласительные билеты. Общежитие практически превратилось в квартиры — одна комната занята семьёй Ишковых, вторая Зябриными. У обеих семей по два ребёнка. Только Ишковы ездили по киноустановкам определённого маршрута оба, а у Зябриных только сам Иван. Он — шофёр-моторист. Наталья с девочками оставалась дома. Дом был старинный, с полуподвалом. В одной половине дома жила дочь бывшего хозяина дома, во второй — общага киномехаников, а в полуподвале проживала семья, как оказалось, родственники хорошо знакомого по Айполовскому детдому Ротъману Исааку Борисовичу — музыкальному работнику. Исаак Борисович всегда ко мне относился уважительно, и не только за то, что я частенько заступался за его рыжего лопухого сына Юрку. Летом меня оставляли рабочим по интернату, и мы с ним косили сено для коня, готовили дрова для кухни и выполняли всякие другие хозяйственные работы.

Однажды Исаак Борисович появился у родственников, и мы встретились, когда он поехал в Томск, ему пришлось заночевать

в Колпашево. Для меня это была единственная в то время родная душа, увиденная за последние два года...

Мы, холостяки, приезжая с маршрута, спали прямо на полу, а когда не было Ишковых — на их кроватях. Ишковы редко появлялись в Колпашево, предпочитая отчёты по работе за месяц высылать по почте. Мы же, наоборот, старались отчёт сдавать в бухгалтерию сами и отдохнуть неделю в городе, сходить в баню попариться перед многодневной поездкой...

Кинотеатр им. Куйбышева был к Новому году разукрашен под руководством художника Петра Шкотского. Красиво было оформление просторного фойе. А какая стояла красавица ёлка: высокая, пушистая и столько на ней украшений с гирляндами разноцветных ламп! Я такое видел впервые. Деревянные колонны были расписаны Шкотским под мрамор. Между колоннами стояли столики на 6–8 персон. Мы сели за 6-тиместный стол. Мы — это Василий Потеруха с женой Паной, киномеханик Полина Былина, я и супруги Тепляковы, Василий и Лидия, которая была с большим животом и значительно выше ростом своего мужа. Василий был небольшого роста, щупловатый, его серые глазки

пытливо осматривали сидящих за празднично накрытыми столами гостей. Одет он был в новый хлопчатобумажный костюм синеватого цвета. Сколько его знаю, он всегда носил светлосерый, потасканный х\б пиджачок, такие же брюки. Характером вспыльчивый, но быстро отходчивый. А по пьяни и задира добрый. Однажды мы приехали в один посёлок сразу две кинопередвижки. Поскольку Тепляков приехал первым и в маршруте у него указан сегодняшний день работы, мы с Потеруха В.Ф., моим киномехаником, решили сделать перетяжку мотору своей электростанции, а потом сходить в баню. Сделав перетяжку, сходили в баню, и я от нечего делать решил сходить в клуб просто зрителем. И с мотористом киноустановки Андреем Кутяковым хотелось пообщаться. Это был здоровый парень, высокого роста, с мощным торсом. Вес у меня был 70 килограммов, но он свободно поднимал меня одной рукой. Так вот на этого великана Тепляков налетел с кулаками, когда мотор у них стал постоянно глохнуть. В зале невообразимый шум, крики «Сапожники»! Василий, как всегда, подшофе, обвинил во всём Андрея, а тот его послал подальше. Теплякову, как старшему и по положению, и по возрасту, это не понравилось, и он с кулаками налетел на Андрея. Андрей с хохотом приподнял его за шиворот, потом перевернул вверх ногами и стал головой его тыкать в сугроб снега, приговаривая: «Остынь, остынь трошки!..»

И вот мы вместе за одним столом...

В подсобных помещениях были организованы различные аттракционы, и мне везло — я навьюгивал кучу различных призов. Подхожу к своему столику и слышу, как меня нахваливают на все лады. Боже ты мой, как это мне не нравилось и сразу захотелось убежать. Вот заиграла танцевальная музыка, и все пошли танцевать. Я тоже было ринулся, но Лидия тормознула меня: «Лёня, подожди, я хочу с тобой серьёзно поговорить». У меня сердце замерло от нехорошего предчувствия. Она продолжила:

— Я на 9-ом месяце беременности, и не могу сейчас ехать с Василием в маршрут. А без меня он ударится в пьянку, да ещё неизвестно, какого моториста ему дадут, может, такого же выпивоху, как Василий, тогда пропьют же всё. А у нас, сам знаешь, двое детей, бабушка, проработавшая всю жизнь в колхозе, а там пенсии не дают, да ещё корова, без которой семью не прокормить, а ей

надо сено закупить. Вот я хочу, чтобы ты с ним поехал в маршрут, только кассу пусть передадут тебе, а Васе накажу, чтобы не смел деньги у тебя кланчить.

Я содрогнулся. Сразу вспомнилась мне работа с Ишковым Петром, его бесконечные попойки, разборки, драки.

— Ой, нет, мне так надоели эти попойки с теми, с кем поработал, теперь просто отдыхаю, работая на городской кинопередвижке.

В общем, всячески отбивался, но не сумел и сдался, уповая на то, что всё же Василий поспокойнее Петра, да и жалко мне стало Лидию. А уж когда у неё появились слёзы на глазах — это вообще нетерпимо.

Настроение праздничное у меня куда-то улетучилось, я раздал выигранные на аттракционах игрушки женщинам и потихонечку смылся. На улице красота, лёгкий морозец, тихо. Подходя к своей улице, вдруг увидел фигуру одинокой девушки. «А вдруг, это судьба моя, догоню и познакомлюсь», — решил я. Догнав девушку, я чуть прикоснулся к её плечу рукой и сказал: «С Новым годом, девушка, я с вами айда?»

Она повернула голову с улыбкой, и я узнал соседку — старушку, которой уже за 80!

Смеясь, я побежал вперёд к дому. Настроение внезапно улучшилось. Дома быстро разделся в прохладной комнате и юркнул под одеяло.

— Не всё так плохо, — подумал, засыпая, — Василий много славнее Петра, сработаемся.

В маршруте

Кинопередвижка Тепляковых обслуживала 22 деревни. Левым берегом Оби ехали до Коломино, затем через Обь по правому берегу в сторону Колпашево до Новоильинки, до которой ходил автобус из Колпашево. Деревеньки небольшие, народу мало, поэтому с выполнением доведённого планового задания по обслуживанию населения всегда была напряжёнка. Мне после работы на городских киноустановках эти деревеньки навевали тоску. Киномеханик Тепляков В.А. оказался технически слабоват. Хорошо, что я почти год проработал с Патеруха В.Ф., который хорошо меня поднатаскал для работы и мотористом, и кинодемонстратором.

Когда впервые развернул комплект аппаратуры К-301 — ужаснулся. Она, видимо, никогда не знала чистоты. Я вытащил рамку из фильмового канала — на ней «вековечный» нагар. Так вот кто портил киноленты! Жалкое зрелище представляла электростанция ЛЗ/2. Еле отмыл соляркой мотор, прочистил, продорожил коллектор генератора, заменил и притёр щётки генератора. Демонстрировали сразу по два кинофильма, зрители привыкли к этому и безропотно покупали сразу по два билета. Работа мотора мне не понравилась — немного поработал и стал нагреваться. У Василия Потеруха это уже ЧП, а Василий Тепляков только похныкал и сказал, что «пропускает выхлопной клапан, и они его с Лидой притёрли перед самым Новым годом». Ой, как это мне не нравится, но что делать, не я здесь командир. Начали киносеансы. Оказывается, отдельно для детей они фильмы не показывали, как мы с Василием Фёдоровичем, дети сидели до конца с родителями, несмотря на возрастное ограничение показа фильмов для них. К концу второго киносеанса двигатель начал сбрасывать обороты, экран чуть красный, детские и женские голоса превратились в мужские, а мужчины басыли что-то такое, что понять ничего нельзя. Я готов был провалиться от качества такого показа, а Тепляков спокоен, только без конца требует добавления напряжения. А где его взять, если нет силы у мотора? Так до конца и не доказали фильм — мотор совсем заглох.

— И что, вы всё время так показываете? — спросил я у Теплякова.

— Да не всегда, когда картины покороче, мотор не глохнет до конца показа.

— Так разве нельзя заменить электростанцию, ведь есть же у них они с 2-тактными двигателями.

— О, я совсем не умею с ними обращаться.

Признаться, я тоже не любил новые электростанции с такими двигателями, но так недопустимо работать. Чем с этой мучиться, лучше освоить новую электростанцию, угадывает же хорошая станция, вон Иван Зябрин только с ними работает, говорит, что надоело пуп рвать. Эта станция в три раза тяжелее новой двухтактной.

На следующий день переезд в другую деревню, быстрая разборка двигателя и притирка выхлопного клапана. Я понял, что

это из-за втулки выхлопного клапана, она вращается в гнезде, когда притирал клапан. Говорю:

— Василий Александрович, втулка не должна так проворачиваться, её надо как-то закрепить.

— Много ты понимаешь, давай притирай быстрее, сегодня рано начнём работать, директор школы просил для учеников отдельно фильм поставить.

— Но тогда на вечерний сеанс планировать только один фильм. Клапан пригорит, кино не доставим.

— Нет, будем ставить оба, я уже рекламу дал.

Так и случилось, второй киносеанс прошёл только половиной времени кинопоказа, и мотор заглох. Я попросил зрителей, кто очень хочет досмотреть фильм, подождать минут 40. Быстро «раскидал» мотор, сделал притирку клапана (конечно, не без добровольных помощников), завёл мотор и зашёл в клуб. Мало кто ушёл, все терпеливо ждали моего ремонта. Не злость, а сочувствие увидел я на лицах зрителей. Они понимали, что не я, а техника никудышная. Завтра приедем в Черниговку, на этом лесоучастке есть телефонная связь с Колпашево, позвоню реммастеру Калинину и спрошу, как закрепить втулку клапана. Как это оказалось просто!. Надо было втулку накернить, потом её забить и притереть клапан. Так и сделал. Всё — станция заработала, как часы, и напряжение не качало. А Теплякову не утерпел, попенял:

— Какой же ты кинщик? Ведь я говорил, что клапан пригорал из-за втулки.

— Это не моё дело, ты моторист, ты и исправляй.

Но и в аппаратуре тоже неполадки: не должна так киноустановка шуметь. Хорошо, что меня поднатаскал мой первый киномеханик Геннадий Горбунов, а потом, работая с Ишковым, мне много раз приходилось работать одному, когда с ним случался загул. Кроме того, Пётр, прежде чем идти работать киномехаником, окончил школу киномехаников в Новосибирске и приехал в Колпашево квалифицированным работником. Эх, если бы ещё не пил, золотые руки у него! Много он успел передать мне секретов неисправностей киноаппаратуры. Теперь видя, что Тепляков в техническом плане слабоват, ему доверили работу киномехаником, как фронтовику, по окончанию краткосрочных курсов при мастерской отдела кинофикации. После приезда в следующую

деревню, я пошёл в клуб готовиться к киносеансу. Развернул комплект киноаппаратуры, завёл эл. станцию, включил проектор. На экране тяга обтюлятора, аппарат не отрегулирован, звук искажён. Решил устранить неисправности без разрешения кинемеханика. Устранил тягу обтюлятора, выставил барабаны по шаблону, смазал ролики, отрегулировал наматыватель. Включил проектор, вместо треска — лёгкое стрекотание, а когда закрыл крышку, почти не слышна его работа.

Пришёл Василий, посмотрел, послушал, похмыкал и... протянул мне руку: «Ты — молодец! А я так привык к этому треску, что не обращал внимания на это. А тебе надо ехать учиться, хотя и так ты уже настоящий кинемеханик».

Не скрою, его похвала была мне приятна.

Василию было 32 года, но мне, 18-летнему парню, он казался уже стариком. Он, как и Пётр, был ранен на фронте, но и не инвалид и не такой псих, как Пётр. Одна у них болезнь: «Дай на бутылку!»

Вначале я опасался, что тоже драться кинется, когда я отказываю давать деньги на водку, но нет, ни разу он меня не оскорбил.

Но у него другая «болезнь». Василий Александрович стал сватать мне девиц в каждом посёлке. Поскольку я почти никогда не давал ему денег по просьбе его жены Лиды, он стал решать проблему выпивки другим путём — сватовством. Он шёл в дом, где была девушка на выданье, как говорили в деревне, и начинал сватовство. Жених, конечно, я. Хозяева были заинтересованы, чтобы доченьку куда-то пристроить, только бы из колхоза освободить. На стол ставилась выпивка, закуска. А сватун меня нахваливает:

— Хороший парень, не пьёт, не курит, к работе относится хорошо, но не женатый, очень стеснительный, к девчонкам не подходит.

И ведь убалтывал, посылали за мной, устраивали смотрины...

Я проработал с ним 4 месяца и всё это время отбивался от невест. Особенно на меня надели в деревне Ново-Михайловка. Председатель колхоза хотел выдать за меня свою дочь, даже когда я категорически отказался, предложил оформить фиктивный брак. Всё равно обещал квартиру в Колпашево, деньги, безбедное существование. Да уж очень не хотел председатель, чтобы его единственная дочь прозябала в колхозе, а учёба у неё не

задалась — 6 классов с трудом преодолела за 10 лет. Люди были закрепощены, только учёба, замужество или армия помогали избавиться от колхоза. В 13 лет уже выписывалась книжка колхозника, хотя по конституции в колхоз должны были записывать с 14 лет. Колхозникам паспортов не выдавали, и если случалось кому из колхозников куда-то ехать, основной документ — колхозная справка, которая выдавалась на короткий срок.

И вот Тепляков дошёл до самого председателя колхоза, который голову сломал, придумывая, как же дочь от колхоза избавиться. Василий здесь нашёл обильную выпивку и закусон. Родители даже обрадовались неожиданно свалившемуся к ним жениху. Решили устроить жениху смотрины. Я был в клубе, готовился к демонстрации кинофильмов, когда прибежал за мной посыльный и позвал на обед, и что Тепляков уже там. Пришёл, меня любезно пригласили за стол. Обедаю, а сам чувствую себя не в своей тарелке, ощущая к себе повышенное внимание. Предложили выпить — отказался. А затем началось сватовство! Отбивался изо всех сил: Мне в армию надо; у меня ни кола, ни двора и далее в таком же духе. На моё счастье (?) прибежал пацан от соседей и сообщил, что брат из армии пришёл, его комиссовали.

— Вот, говорю, вам и жених, свой, деревенский, а теперь колхоз на него никаких прав не имеет. Хозяева переглянулись и... отстали от меня.

Василия отругал, как хотел, и пригрозил, что всё, надоели мне его похождения в поисках невест, приезжаем, сдаю отчёт — и до свидания. Дал слово, что на этом сватовстве всё закончилось. Почему-то поверил, даже Лиде ничего не рассказал, а это очень понравилось Василию, тем более, Лида ему сказала, что спрашивала у меня о его поведении на работе, Леонид сказал, что всё нормально.

Через месяц мы прибыли снова в Ново-Михайловку и попали на свадьбу. Молодых я увидел на следующий день на квартире, где мы останавливались на ночлег. Молодые укрылись от гостей, чтобы немного поспать. Жених был комиссован из армии из-за энуреза, и на кровати они спали, обнявшись, но далеко отодвинув зады друг от друга. Жених боялся, что подмочит свою невесту.

Четыре месяца прошло, и Лидия с 3-х месячным ребёнком поехала по маршруту. Ужас, наверное, из-за денег...

Прошло 10 лет. Я уже давно работал в Каргасокском районе, и приехал в райцентр на семинар работников киносети. На крыльце РДК в группе киномехаников я увидел Василия Александровича. Он, оказывается, тоже переехал в Каргасокский район и работал на Толпаровской киноустановке. Встреча произошла бурно, потискались друг друга. Он внимательно меня осмотрел и сказал:

— Знаешь, ты больше походишь на директора, чем на киномеханика.

Не знаю, как это он определил, но через 7 лет я действительно принял Каргасокскую дирекцию киносети и проработал в этой должности свыше 20 лет.

Тепляков ушёл работать в леспромхоз, как он сказал:

— Буду баланы катать, деньги зарабатывать, а киноустановку передам Лиде.

Он подарил мне фотографию, где он стоит у киноаппарата с рулоном кинофильма, а я на заднем плане. Я вспомнил, что нас фотографировал учитель в Ново-Михайловке в феврале 1954-го года.

Тепляков мне рассказал о семье Ишковых. Пётр бросил пить, испугавшись приступа падучей болезни, что с ним однажды произошла, и теперь он работает заместителем директора киносети. Ох, и достаётся от него выпивохам.

А ещё через некоторое время его назначили директором Колпашевского отделения кинопроката. Я искренне радовался успехам Петра Никитича на работе. Это стал совсем другой человек.

При встречах на областных совещаниях, которые иногда проходили и на Колашевской земле, я всегда был их желанным гостем.

САМБАЙНУ, ГОБИ

1

В мае 1955-го года нас, учебный полк железнодорожных войск, отправили из Улан-Удэ в Монголию.

В пограничном городке Кяхте нас вывели из вагонов, которые стали досматривать пограничники. А мы все расположились на большом привокзальном пустыре, покрытом новой зеленеющей травой. Мы расселись прямо на траве. Проходящая мимо женщина сказала:

— Ребятки, это поляна тарантулов. Видите круглые дыры? Это их норки. Не суйте туда пальцы, тарантул может укусить, а он ядовитый.

Мы никогда не видели тарантулов живыми и решили выгнать их из норок. Сбегали за ведром, набрали на станции воды и начали кружками выливать воду в норку. Почти полное ведро вылили в норку, прежде чем показался хозяин.

— Смотрите, парни, какой он толстомясый!

Я не помню, что мы с ними делали, но кажется, что не убивали этих пауков. Кругом паслись телята, козы, и не видно, чтобы хозяева их беспокоились. Раз не убивают их местные жители, значит, пусть живут.

Но вот раздалась команда: «По вагонам!» — И мы поспешили в свои теплушки.

2

Граница — шлагбаум, перегораживающий железную дорогу. С одной стороны наши пограничники. С другой — монголы.

Вот и свершилось первое пересечение границы другого государства. Кругом поля, засеянные хлебом, и видны стада коров.

— Это только рядом с нашей границей у монголов госхозы, а далее дикие степи и пустыни, где пасутся многие миллионы

скота, и лишь изредка можешь увидеть людей. В стране как свершилась революция, так всё и было без изменения до 1947-го года. Сейчас идут какие-то подвижки в политике государства, но малосущественны. Госхозов очень мало — всё принадлежит помещикам-феодалам, — рассказывал замполит.

Подъезжая к Улан-Батору, увидели небольшой город, окружённый большим количеством юрт. Их больше в 4–5 раз, чем сам город. Мы погуляли по столице монголов. Впечатлил лишь памятник Сухэ-Батору и дешёвизна в магазинах. Наш рубль равен монгольскому тугрику, но на один тугрик можно купить товаров в десятки раз больше, чем на рубль. Отрез на костюм из дорогой у нас ткани «бостон» стоит более тысячи рублей, здесь 50 тугриков! Но у нас не было тугриков. Замполит сказал, что нам на руки будут выдавать по 17–18 тугриков и на счёт в Союзе будет накапливаться по 27 рублей в месяц.

В Улан-Баторе мы узнали от офицеров, что нас повезут в пустыню Гоби, которую пересекает в северной части однопутная железная дорога, идущая в Китай. Её строили в Монголии солдаты наших железнодорожных войск. Дорога эта, как говорил капитан Усов, имеет большое международное, политическое, экономическое, стратегическое значение и соединяет Китай с Советским Союзом. Со стороны Китая дорога строилась самими китайцами от Пекина до Джанкюя на границе с Монголией, а мы от Улан-Батора до Джанкюя через пустыню Гоби.

На всём пути по Гоби вдоль дороги валялись погибшие верблюды, коровы, лошади. Мы думали, что это их посбивало поездом, но оказалось, что зима 1955-го года была суровой. Случилась ужасная гололедица, и скот погибал от бескормицы, так как не могли пробить лёд копытами. Сено возили из Союза и сбрасывали вдоль дороги. Животные подтягивались к дороге, но разве на всех хватит — их же миллионы!

3

Нас привезли в город Сайн-Шанд. Станция была в новом городе и располагалась в центре «Долины смерти». Сюда со всей округи свозили мёртвых и полуживых людей. Мы узнали, что, по местным поверьям-обычаям, заболевший человек не должен болеть более 12 дней. Не успел за это время

выздороветь — считалось, что умер, и его увозили в Долину смерти. Даже на первое время оставляли кувшин с водой и хлеба. По полю ходили собаки — трупоеды, считавшиеся священными. На них были надеты красные ошейники. Они подходили к человеку, обнюхивали его и, если он был ещё жив, не трогали.

Так вот почему у монголов не растёт количество населения, — подумал я, — ещё в школе готовил реферат о Монголии, и тогда у них числилось населения 1 миллион человек и сейчас столько же.

Когда спланировали дорогу, то пришлось бы обходить эту долину, но это очень удорожало строительство. Проектировщики решили не обходить эту долину. Но получился конфликт: сюда съехались вооружённые монголы до тридцати тысяч человек. Оружие у них можно купить свободно: винтовки, карабины, патроны, кинжалы, ножи и пр. — в магазинах, но не всякому это по карману — всё очень дорого. Жизнью заправляют помещики, а у простого арата не каждый день было что поесть. А здесь собрались все с оружием, наверное, помещик снабдил их. Приехали руководители страны и как-то удалось всех уговорить разойтись по домам. Наши солдаты продолжили работу. Вначале собрали ещё живых людей, отправили их в госпиталь, а кости захоронили, закопали бульдозерами.

Мы интересовались, сколько же скота у помещика — феодала, проживающего в Сайн-Шанде? Сказали, что только крупных животных свыше 300 тысяч, а овец — не менее полумиллиона.

Нас разместили в старой казарме, выложенной из бутового камня. Эти казармы были построены полковником Жуковым ещё в 30-е годы. Позднее, когда у нас было свободное время, мы ходили на полигон и собирали части неразорвавшихся снарядов и гранат. Казармы стояли недалеко от высохшего озера. Когда здесь проходил Пржевальский, вода ещё плескалась в этом озере, но в 30-тые годы воды уже не было. Если поковырять поверхность песка сухого озера, там песок влажный, а воды нет. Воду привозили из Дзумбаина, находящегося в 50-ти километрах от Сайн-Шанда. Пустыня вокруг городка вроде зелёная, если смотреть издали, а так травинка от травинки 30–40–50

см друг от друга. На вкус как лук, но её поедали верблюды и овцы. Да больше и нечего. Интересно, когда идёшь по пустыне, из-под ног сразу убежали до десяти и более ящериц. Мы ловили их за хвост, но они, как наши юркие ящерицы, своих хвостов не оставляют. Где-то к обеду в пустыне появлялись миражи. Сколько раз мы пытались подойти к ним поближе, но бесполезно — они словно отодвигались. Иногда ошибались: вот появилось озеро. Оно медленно к нам приближается и через 2–3 часа подходит к нам. Это большой гурт овец. Овцы белые, кончики ушей чёрные, сами красивые, крупные. Шерсть на них чистая, словно помытая.

Спросишь, чьи? — ответ один: «Помещика». Имя за давностью лет запомнил. Чабаны всегда голодные и просят хлеба и махорки.

Своего скота у них не было, а оплата за работу и сохранность отары мизерная, семьи голодают. Конечно, мы им давали и хлеба, и махорки, и видели, как у них счастливо блестели глаза.

Нас заставили копать траншеи для прокладки телефонного кабеля по улицам отстроенного городка. В каждый двухквартирный дом отводки. Дали лом, кирку, лопату, а рукавицы забыли. Копать оказалось невозможно, это не грунт, а сплошная бетонная плита. До того затвердела земля от такого жаркого солнца. От удара ломом оставалось маленькое белое пятнышко. Намеченные лейтенантом участки земли по 5 метров на каждого удалось продолбить всего в глубину сантиметров на 15 за весь рабочий день. Вечером пришли водовозки и залили наши траншеи водой. За ночь грунт «отмяк» всего на полштыка лопаты. И снова долбня. Среди нас оказались настоящие умельцы работать с таким грунтом. Это — казах Жумабеков и узбек Ташпулатов. Они на пару за два дня выдолбили свою траншею метровой глубины. Лично я — за три дня, но в руки, особенно с утра, даже ложку с кашей взять не мог. Руки превратились в сплошное кровавое месиво. Ночью не знал куда их засунуть. Утром не верилось, что можно будет взять что-то в такие израненные руки. Наконец выдали рабочие рукавицы. Сказали беречь, и мы ими пользовались только тогда, когда работали с ломом.

После работы бежали на «озеро» и зарывались в песок, стараясь поглубже просунуть руки во влажный песок и хотя бы минут на пять почувствовать облегчение.

В нашей столовой работало несколько монгольских девушек. Нам старшина рассказал, что это из тех, кого подобрали в Долине смерти, и что за ними уже несколько раз приходили родственники и требовали их выдачи. Девушки плачут и умоляют их не отдавать, так как родственники считают их умершими и обязательно умертвят. Оказывается, если даже мать вернётся с Долины смерти, её убивают и срочно убирают юрту, откочёвывая на новое место. Они уверены, что это пришёл «дух», выживающий семью с этого места.

В старом Сайн-Шанде расположены магазины, дома, в которых живут китайцы. Около их домов огородики, где на грядках растут морковь, лук, чеснок, салат, капуста и ещё какие-то овощи, а около юрт, коих великое множество, ничего не видно.

— И не увидите, — сказал нам старшина, — посмотрите на их сапоги, носки загнуты вверх, чтобы нечаянно не ковырнуть землю. Это великий грех. Потому они и людей не закапывают, а выкидывают в степь. Увидите сами, когда прогуливаться будете — трупы кругом городка валяются.

Действительно, сколько мы их видели, когда нас отправили километров за 20 от города. Они под таким жарким солнцем пустыни быстро мумифицировались и не разлагались. Некоторые трупы были связаны проволокой.

— Это для того, — сказал старшина, — чтобы они не смогли, когда очухаются, уйти к юрте. Разве хочется перекочёвывать, особенно молодым?

Немного поодаль от китайских домов стояло аккуратно побеленное здание.

— Это тюрьма, — сказал нам замполит.

— А почему она огорожена такой низкой стеной, нет часовых с вышками, нет колючей проволоки?

— Такую тюрьму уникальную вряд ли ещё где найдёшь. В тюрьме очень жёсткая дисциплина и самодисциплина. Староста, которого избирают сами заключённые, держит строгий порядок. У него есть палач, который приводит в исполнение любой его приказ, а также и высшую меру — удушение. Один раз

в год заключённый может уйти в отпуск на месяц, который не засчитывается в срок «отсидки» в тюрьме. За опоздание даже на час — смерть. Приговор в исполнение приводится немедленно, и труп выбрасывается к выходу. Захоронение — это уже дело начальника тюрьмы, который на работу приходит утром. Староста докладывает об обстановке в тюрьме и высказывает просьбы и нужды заключённых. И ещё очень интересный факт: если осуждённый получил, скажем, год тюремного заключения, он имеет право набрать своих родственников 12 человек, отбыть в тюрьме один месяц с ними, и его отпускают. Срок наказания прошёл.

4

Через месяц мы закончили работу в городе, и нашу роту увезли от Сайн-Шанда километров на 20 в пустыню.

Грунт здесь помягче. Это сразу поняли, когда стали устанавливать 10-местные палатки. Здесь нам определена работа — делать водоотводные каналы вдоль железнодорожного полотна. Ширина канавы 80 сантиметров с полукруглыми откосами. Грунт бросать к железнодорожному полотну и делать планировку. Работать под шаблон. Мы, теперь уже опытные землекопы, сразу брали по пикету. Номера пикетов через 10 метров. Каждый пикет уже был определён, и мы по номерам узнавали у техника, сколько в нём кубометров грунта надо выбрать. Норма — 4,5 куба, если глубина канавы до 1,2 метра, свыше 1,2 м — 3,6 кубометра.

Жара. Термометр в тени показывает 60 градусов по Цельсию. Форма одежды: трусы, пилотка, на одной ноге сапог. Сапог, конечно, был на той ноге, кто как привык наступать на лопату. Мне повезло — пикет попался песчаный и глубиной до 2-х метров. Теперь мне не нужны кирка и лом, я взял только лопаты — штыковую и подборку. Правда, планировку приходилось делать в 2–3 приёма — далековато от полотна Ж.Д. Научился экономно отбрасывать грунт. Копнул и сразу бросил, не отводя лопату в сторону для взмаха. Дело пошло. Понаблюдал за работой жилистого Жумабекова. Это какой-то часовой механизм, такая ритмичная работа. Стал ему подражать и не без успеха. Мы все брали социалистические обязательства

и в основном все старались выполнить их. У меня обязательство — 120 процентов.

Мне удавалось выбросить грунта до 10 кубометров. Делал заначку, и когда бывало совсем не вмоготу, записывал выполнение плана на 120 % и ложился под палатку, у которой были подняты края снизу, и чувствовалось какое-то движение воздуха.

Пить хотелось беспрерывно. Подойдёшь к цистерне с водой, привезённой из Дзумбаина, зачерпнёшь литровый ковш тёплой воды и выпиваешь без остатка. Животу тяжело. Не успел добежать до траншеи — пить снова хочется. Весь мокрый. Пилотка почти до половины делается белой от соли. Плохо помогали меры старшины утром, когда он заставлял съесть кусочек селёдки и запивать кружкой воды. Это помогает не при такой температуре воздуха, да и не при такой нагрузке.

Очень мешали мухи. Чёрная туча вдруг опускалась на нас. Небольшие мухи лезли в нос, рот, глаза, уши. Это хуже, чем комары. Нашествие мух продолжалось до часа, а иногда и более. Ужас. Они же, наверное, принесли нам эпидемию дизентерии. Жаль, что собак перестреляли — теперь трупы никто не поедал, и они валялись по всей округе. Вполне вероятно, облизав эти трупы, эти же мухи лезли к нам во все «дыры». Хотя трупы быстро мумифицировались, зараза-то оставалась.

Первых заболевших отделяли от нас и увозили в госпиталь, а когда все заболели, кто работал в этом аду, не то что в госпиталь, даже в санчасть не стали пускать. Не было даже таблеток, а на работу продолжали гонять. Работали, шатаясь от болезни. Мы не очень протестовали против такого насилия, считая, что нам просто не повезло. В госпиталях ребята наели морды — мы называли это «ряшки», а мы отощали и стали доходягами.

Изредка по новой дороге проходили пассажирские поезда из Китая или в Китай, но мы не обращали на них внимания и сидели с голыми задами вдоль дороги, корчась от приступов дизентерии. Стали, как аборигены. У них это в порядке вещей. Пустыня, спрятаться негде, и, к примеру, прогуливаются парень с девушкой, захотели оправиться — тут же это и сделают, несколько не стесняясь друг друга. Мы, когда работали в Сайн-Шанде, привечали одну старушку. Подойдёт к нам и сразу просит: «Самбайну, махорка, махорка!» Мы давали ей горсть

махры, которую она отправляла в рот и, посасывая её, садилась на корточки около траншеи. Мы попытались с ней пообщаться, но бесполезно, кроме слова «махорка» она ни слова не знала по-русски. Понаблюдает за нами часок, ещё попросит махры, и уходила. Но однажды, когда она сидела и наблюдала за нашей работой, вдруг поднялась нестерпимая вонь, и мы увидели, как у неё из-под халата выплывает коричневый вонючий ручеек. Сысоев, около которого она присела в тот раз, замахнулся на неё лопатой. Старушка с проклятиями пошла от нас прочь. Подошёл наш лейтенант, посмеялся и сказал, что это у них происходит, как у животных: пришла пора — и опросталась. Вот и мы теперь так же, никого не стесняясь, сидели вдоль дороги.

Сами мы были загоревшими, и кожа на теле не облазила, но вот с носа кожа «сходила» аккуратно через день. Царапины долго не заживали. Удивлялись, как же так, когда были дома, такая царапинка затягивалась очень быстро. Военврач объяснил, что это из-за сухого климата. Ну и климат: днём 60 градусов, а ночью температура была около нуля. Тонкие одеяла и сверху шинель плохо грели, и это был не сон, а мучение... Утром подъём в 6 часов. На горизонте поднималось огромное красное солнце. Оно ещё не грело, и не верилось, что уже через час начнётся жара. Мы начинали делать гимнастику при зрителях. Зрители — это большое стадо верблюдов, которое каждую ночь приходило к нашему лагерю, растягивалось цепочкой и наблюдало за нами. Потом животные, как по команде, поворачивались и уходили в пустыню. Иногда они приходили к нам и днём. Мы вначале думали, что это дикие, но на всех верблюдах были уздечки, даже на самых маленьких. Значит, хозяйские. Вначале мы их побаивались и не подходили к ним. Но потом с кусочком хлеба, да ещё подсоленным, смело подходили и даже гладили их, особенно верблюжат. Верблюды облазили, шерсть висела на них клочьями, и офицеры просили нас начесать им их шерсти. Целыми мешками повезли эту шерсть они своим жёнам. Пытались покататься на них, но не сумели заставить их лечь. Володя Кретов взобрался на верблюжонка. Верблюжонок заплакал, как ребёнок. До сих пор этот плач стоит в ушах, как вспомню этот случай. Интересный был этот парень из Москвы. Сын высокопоставленных чиновников, после окончания третьего курса

института сбежал в армию, чтобы избежать постоянной опеки родителей. Выше среднего роста, с нескладной фигурой. Удивительно неподготовленный человек к самостоятельной жизни. Гимнастёрка на нём выглядела, как на корове седло. Как ни затягивали ему сержанты поясной ремень, пряжка сваливалась к брюкам, а гимнастёрка собиралась складками спереди. Сколько он нарядов вне очереди получал и всё бесполезно. Строевик он никакой. Не понимаю, как он был отправлен в учебный полк. И какой он будет сержант, его же сразу просмеют солдаты.

...На плач верблюжонка к нему бросилась мать-верблюдица, и, хотя Кретов успел соскочить, она харкнула на него своей воючей слюной. Он побежал к цистерне обмыться, но наш помкомвзвода Жеребных не разрешил взять воды больше одного ковша:

— Вечером обмоешься, иди работай так. Работать он по хорошему не может, а тут смотри, какую прыть проявил. Надоело ему с ящерицами заниматься, решил на верблюдов переключиться. Ты не думай, что это смиренная тварь, верблюды и покалечить могут, а то и убить, знаю такие случаи.

Работать Володя тоже никак не мог научиться. План-задание он выполнял всего процентов на 20–30. Как ни показывали ему отбрасывать грунт, он не мог это повторить. Копнёт и несёт землю на бруствер и положит.

— Ты можешь просто вот так кинуть, — показываешь ему.

Нет, бесполезно. Уже в Улан-Удэ я его спрашивал:

— Скажи, Володя, ты нарочно так работал, когда рыли траншеи?

— Да нет, просто у меня это не получается, да и к чему, всё равно я буду заниматься наукой. После армии окончу учёбу в институте, затем аспирантуру, буду писать диссертации, заниматься любимой работой.

— Так с ящерицами ты проводил эксперименты, когда собирал их десятками и каждой закладывал в рот немного махорки? Как их начинало корчить, парализация мгновенная происходила. Мы уж думали, что ты маньяк, любитель мучить животных.

— Да нет, я люблю кошек, но вот собак боюсь, любил возиться с хомячками, белыми мышами и крысами, а с ящерицами просто забавлялся, интересно было узнать, как они будут

себя чувствовать через некоторое время. Сами видели, что через 5 минут они убегали.

Наконец мы свою работу завершили. Даже понравилась эта водоотводная канава, уходящая далеко за горизонт. Мы получили тугрики и сразу в магазин Сайн-Шанда. Платили нам только за выполненную работу сверх плана, а это означает, что многие ничего не получают. К нам приезжала автолавка, в которой были продукты, которые можно было взять под запись: пряники, шпроты, гигиенические товары. Многие проели «наркомовские» 17 тугриков и рассчитывали купить что-нибудь на память о Монголии на заработанные деньги, а получили «пшик», хотя норму выполняли. Повозмущались, да и на этом дело кончилось. Усов, командир нашей роты, сказал:

— Вы что, забыли, как военнослужащие выказывают своё несогласие? Разъясню для непонятливых — молча и только шевелением больших пальцев ног, да и то, когда они в сапогах.

Моего заработка хватило только на часы «Москва» с чёрным циферблатом и светящимися цифрами и стрелками.

5

Мы ездили в сторону Китая. Там уже начались горы. Они совершенно чёрные, голые, без растительности. Даже этот пустынный лук не растёт. Неприятная картина, словно всё выгорело. Я поднимал камни, похожие на каменный уголь и пробовал разбить — крепкие, но разбить можно. Разлом тоже чёрный. Между гор видны долинки, заросшие мелким кустарником и травой. Посидели на траве, хотя нас предупредили, что в этих местах много ядовитых змей. Не видели ни одной, хотя и поискали их. Володя Кретов, оказывается, любит этих гадов и хотел бы иметь в своей коллекции такую чёрную змею. Не нашли, и слава Богу, а то нам рассказали потом, что она может плевать ядом прямо в глаза. Правда, Кретов не поверил, он сказал, что ни об одном случае в литературе об этом не сказано.

Побывали мы в Сайн-Шанде в средней русской школе-интернате. В ней учились дети русских специалистов, работающих где-то в Монголии, дети монголов и дети русских эмигрантов. Когда мы проезжали гористую часть Монголии ещё до Улан-Батора, видели русскую деревню, в которой жили казаки,

убежавшие с семьями от советской власти. Как говорил капитан Усов — это семёновцы. Они для нас готовили и распиливали лес. Мне не повезло съездить за лесом, но кто был там, рассказывали с восторгом о горячей встрече наших курсантов и сержантов, о танцах на улице, о сватовстве старых казаков. Тогда ещё не пускали русских эмигрантов в Союз, а молодёжь рвалась на родину предков. Девушки выходили замуж за советских солдат, и те вывозили их в СССР. Они были согласны даже на фиктивные браки.

Даже в этой русской школе монгольские девочки носили только национальную одежду. Нас удивляло, что у всех их кривые ноги, даже приезжие артистки из Улан-Батора были в халатах и все с кривыми ножками. Сделали вывод: они все прекрасные наездницы.

В этой школе мы услышали песню на слова С. Есенина: «Глухари». У нас ребята пели совсем не так. Этот мотив мне понравился больше, и с тех пор, если приходится напевать — пою только так.

Довелось нам побывать и под дождём. Земля пустыни Гоби перекалённая и вода не сразу впитывается в неё. Во все стороны несутся потоки, образуя целые реки, которые всё смывают со своего пути. За нами прислали машины и вывезли всех из разорённого городка в город. Дожди в пустыне — редкое явление, и вот мы сподобились увидеть это светопреставление. Дорог здесь нет, и машины мчатся по пустыне, ориентируясь по солнцу. Нам везли из Китая по железной дороге продукты, а дорогу размыло, и поезд сошёл с рельсов. Наш взвод послали к месту крушения, чтобы перегрузить продукты в другие вагоны. Многие синие бумажные мешки с сахаром размокли, промокли чай, рис, только консервам ничего не сделалось.

В Гоби мы прожили почти 5 месяцев. Как хочется домой — в Союз...

Вот и граница. Мы приветствовали пограничников:
— Советским пограничникам физкульт — ПРИВЕТ!
И снова в Кяхте досмотр...

13.08.09 г.

У «СВЯЩЕННОЙ» ГОРЫ

В марте 1956-го года наш учебный полк был объявлен расформированным в связи с сокращением армии на один миллион двести тысяч человек. Железнодорожные войска было решено ликвидировать совсем. Но как-то вовремя спохватились, что без этих войск, как без поганого ведра в хозяйстве. Бывших курсантов учебного полка отыскивали в разных частях, досрочно присваивали сержантские звания и отправляли младшими командирами в части.

А пока нас снова повезли в сторону Монголии и, не доезжая километров 20 до райцентра Гусиноозёрска, высадили на берегу озера, которое называлось Гусиное Озеро. Оно было довольно большое: длина 20 км, ширина 5 км. Нашу 8-ю роту оставили на этом полустанке. Здесь пока не было никаких строений, если не считать небольшой домик метрах в двухстах от нас, поближе к сопкам. Небольшими, конечно, в сравнении с возвышающейся за ними огромной сопке, называемой Священной горой. На сопках

не видно никакой растительности, но местный житель — пастух из соседней деревушки, сказал, что в мае они покрываются травой и он пригоняет сюда пасти овец. Как здесь тепло, и мы не видели снега. Он уже растаял, и почва сверху подсохла. Циренпи-лон, так звали пастуха, рассказал, что высокую гору зовут Священной, и его родители по праздникам, бурятским, конечно, ходят туда молиться. Раньше они ходили в дацан в Гусиноозёрске, но он уже давно не работает. Если видели кинофильм «Его зовут Сухэ-Батор», то он снимался здесь, и дацан тогда ещё работал. Ещё он рассказал, что примерно через неделю здесь будет сильный ураган, который бывает ежегодно, и посоветовал палатки, которые мы начали устанавливать, покрепче закреплять, иначе унесёт их ураган.

Это предупреждение пастуха многими из нас всерьёз не было принято. Как об этом пожалели!

Ураган

1

Мы обустроивались. Ставили палатки, которые были вместимостью до сорока человек. Некоторых сержантов повесили в должности. Командиры взводов — офицерская должность, а их у нас всех забрали. Все помкомвзводов стали командирами взводов, а командиры первых отделений стали помощниками командиров взводов. Из курсантов, которые пользовались авторитетом у товарищей и младших командиров, выбрали командиров отделений. Поскольку я был командиром первого отделения, стал помощником командира первого взвода. Было принято в полку, что помкомвзводы первого взвода автоматически становились заместителями старшин рот. В будущем это мне испортило много крови, а пока задача — поставить взводную палатку и хорошо её укрепить.

Но вначале мне было приказано сделать прорубь в озере для забора воды. Это мне задание, как сибиряку. Стоит тепло, снега нет, а озеро подо льдом. Я опасался выходить на лёд, но вдруг увидел, что по озеру едут рыбаки на лошади. А мы боялись!

Толщина льда достигала 2-х метров. Снега на нём практически не бывает, всё сносится ветром. Лёд прозрачный и как бы потрепанный. Так красиво это смотрится! У нас были только ломы и

лопаты. Я сказал капитану Усову, что нужна бы пешня для работы на льду, ломом такую толщину трудно пробить. Эта просьба взбесила Усова:

— Выполняй подручными средствами, прояви солдатскую находчивость, но чтобы через 2 часа вода на кухне, у меня в штабе (штабом он стал называть отдельно стоящий домик, в котором он обосновался с писарем роты) была, а также в бачках всех палаток!

— Слушаюсь, товарищ капитан!

Взял с собой двух курсантов и пошли к озеру. Я был опытным землекопом, но это совсем не то. На наше счастье, приехали рыбаки, и мы побежали к ним смотреть, как они долбят лунки. Я увидел на снях запасную пешню и попросил у бригадира её, чтобы выдолбить прорубь.

— А вам приходилось работать пешнёй?

— Нет, — честно признался я, — но мы понаблюдали за вашей работой, и думаю, что сумеем.

— Нет, так не пойдёт, вы нам запросто можете сломать пешню.

Наверное, увидел огорчение на моём лице, улыбнулся и сказал молодому рыбаку:

— Ванюшка, иди, помоги солдатикам.

Через полчаса прорубь наша была готова, и мы стали наблюдать, как готовили проруби, а потом стали замётывать невод рыбаки.

Они выдолбили большой квадрат, затем метров через 200 ещё один. По сторонам квадратов, примерно метров через 20 пробивали лунки и стали проталкивать длинную жердь, к концу которой был привязан невод. Было видно подо льдом, как движется жердь. Когда прогнали жерди до большой проруби, верёвку привязали к вороту и лошадь выкрутили невод. Улов был хороший, и бригадир сказал мне:

— Вы принесли нам удачу, заберите вот эту рыбу себе, сварите уху или пожарите.

12 здоровенных рыбин мы притащили на кухню.

— Вы что, Емелину щуку в проруби выловили? — спросил повар.

— Да, а вон и фляги с водой идут.

Степан Говорухин, наш теперь взводный, оставался устанавливать палатку. Нижние кромки палатки только подвязаны за колышки. Я потрогал их — забиты слабо.

— Слушай, Стёпа, Циренпилон говорил, что дня через 3–4 должен быть сильный ураган. Такое крепление даже хороший ветер вырвет. Давай обошьём низ досками, тогда поспокойнее переживём стихию. Он говорил, что это обязательно бывает каждую вёсну.

— Обшивай и давай быстрее веди взвод в столовую, надо до ужина сделать столы, скамьи. Хватит сухим пайком питаться. Взвод Лучкова кухню построил, провели туда электричество и повара уже приступили к приготовлению ужина. Вся рота форсирует постройку зала. А я иду доложить ротному о предполагаемом урагане и о необходимости укрепить основания палаток.

Мы пришли на строящийся объект. На вкопанные столбы прибили бруски, а на них прибивали тёс. Прибивали гвоздями «соткой». Ко мне подошёл Иван Аксёнов, наш главный консультант по строительству, он успел до армии получить специальность столяра-плотника и теперь был в почёте:

— Товарищ сержант, гвозди бы надо на 120–150, если вправду будет ураган, тёс поотрывает — смотрите! — и он легонько, без усилий вырвал тесину, прибитую сверху двух тесин. Это называется прибить в разбежку. Я сказал, что сейчас придёт взводный от капитана, продемонстрируем ему крепость прибитых тесин, всё же торец «здания» столовой, которая обращена к «Священной горе», откуда обычно налетает ураган по рассказу Цирена, приказал пробить гвоздями на 150 мм. Пришёл Говорухин от капитана. Вижу — Степан расстроен и сразу ко мне:

— Ты что опять надумал, за гвозди капитан шкуру с тебя дерёт. Знаешь, как он взъерепенился, когда я рассказал об урагане и укреплении низа палатки досками. Приказал доски оторвать, а тебя, а заодно и меня, обозвал паникёрами и велел тебя примерно наказать. Да вон он идёт сюда, держись.

Капитан Усов быстро приближался к нам и, ещё не дойдя до нас метров 10, с раздражением заговорил:

— Ты что за панические слухи здесь распускаешь?! Ты, почему проявляешь ненужную инициативу?! — и понёс в разнос.

Я молчал, хорошо зная, что если промолчать и не оправдываться, он быстро остывал и начинал говорить нормальным голосом. Посмотрел, как ловко наши парни делали столы и сбивали скамьи около столов, и остался доволен. Когда закончили обустройство городка и объявили об ужине, он перед строем объявил благодарности взводу Лучкова и взводу Быкова за быстро установленные палатки и кухню с кладовой. Мы тоже хорошо поработали, но нас не упомянул. Хорошо то, что и не поругал, хотя мои ребята с удивлением посматривали на меня, ведь мыщё и прорубь сделали, «поймали» рыбу, успели до ужина сделать столы и сиденья, укрепили стенку столовой, укрепили палатку. За ужином я объяснил курсантам, что инициатива наказуема, а у капитана Усова это выглядит прямо проступком. После ужина мы с Говорухиным ещё раз осмотрели крепление палатки, определили расположение отделений и места для командиров отделений.

После вечерней проверки всему взводу мы с Говорухиным объявили благодарность...

2

Ночью загудело, захлопало. Палатка наша вздулась. Мы с Говорухиным соскочили и быстро оделись. У нас свет был пока от аккумулятора, и лампочка была привязана к одному из двух стоек, приподнимающих середину палатки. Стойки заканчивались штырём, на который надевалось завальцованное в брезент палатки металлическое кольцо. Когда палатка вздулась, штырь вышел из кольца. Я только успел показать рукой в то место Степану, как верх палатки сильно прогнуло, штыри воткнулись в ткань палатки, и раздался сильный треск, а верх палатки «треснул» до самого бокового шва. Говорухин прокричал:

— Взвод, подъём! Тревога!

Все вскочили, быстро оделись и с испугом уставились вверх, откуда сыпался снег. Я отдал приказ надеть шинели и не успел ещё договорить, как что-то тяжёлое забарабанило по нашей палатке, и вдруг что-то тяжёлое шарахнулось по нашей палатке и прикрыло небо. Снег перестал сыпаться в палатку. Мы с Говорухиным, оставив старшим во взводе командира первого отделения Ефименко, выскочили на улицу и увидели, что нас накрыло палаткой. Это, наверное, Лучкова, он не закрепил палатку досками,

заработав благодарность Усова. Мы, вцепившись за палатку, видели, как мимо нас пролетали доски, мешки, бачки и другой столовский инвентарь. Попробовали выйти из-за палатки, как нас протащило метров на 20. Кое-как задержались, и, согнувшись пополам, с великим трудом добрались до входа в палатку. И вовремя. Мощнейший порыв ветра сорвал с нашей палатки палатку Лучкова и в нашу снова запуржило снегом. Верх опять вздуло и начало трещать снизу. Пока мы со Степаном были на улице, Ефименко воспользовался относительным затишьем и вдел в кольцо верёвку, привязал верх палатки к врытому столбику, на которых лежали лаги, а на них настелены нары. Ветром приподняло верх палатки, с лёгкостью вырвав столбик вместе с нарами, и опять над нами разверзлось небо. Я пошутил:

— Ефименко, инициатива наказуема, почему не посоветовался с капитаном Усовым?

— Виноват, товарищ сержант, разрешите всему отделению взобраться наверх палатки, может быть, удастся удержать палатку.

— Командуй! Но сначала посмотри, не унесло ли брёвна, лежащие у палатки.

— Есть!

— Осторожнее, ураган может утащить в озеро.

Через минуту он появился:

— Брёвна здесь!

— Отбери самых крепких парней, и поднимайте брёвна наверх.

Говорухин сказал, что пойдёт проверить обстановку в городке и попробует дозвониться до ротного.

Брёвна сбросали наверх, но верх палатки взлетал то вверх, то вниз, и возникла опасность, что в любую минуту бревном может разmozжить кому-нибудь из нас голову. Решил всех отправить наверх, забрав матрасы и одеяла. Все мы укутались и вылезли наверх палатки. Всё равно и в палатке не было теплей. Наверное, всем на всю жизнь запомнились эти качели.

Вернулся Говорухин и рассказал, что обе палатки улетели, кухню унесло вместе со столбами, зал стоит и целая стенка только там, где мы пробрили гвоздями на 150 мм. Крышу со столовой унесло, но курсанты все прячутся там. Удивительно, но полевой телефон работал. Опять же мы пробросили провод по земле и поставили телефон в столовой, собираясь завтра поставить столбы

и провести телефоны в каждую палатку и на кухню. Не хватило времени. Капитан Усов звонил в штаб батальона, там заверили, что часа через 3 должны подойти за нами машины.

Наконец пришли машины. Было уже 2 часа дня. Нас подвезли к РДК. Недалеко от дома культуры мы увидели два дома без крыш.

— Смотрите, каждый год бывает ураган, а у домов всё равно срывает крыши. Не может быть, чтобы не укрепляли крыши, а их сносит каждый раз у других домов. У ДК тоже вон какой клок вырвало, — сказал Ефименко, кивнув на крышу.

Нас встречал директор ДК и сказал, что можем располагаться в фойе и зрительском зале. Хотя в зале было прохладно, нам показалось тепло. Мы вповалку разлеглись в зале и быстро уснули, несмотря на голодный желудок. К вечеру привезли хлеб, консервы и в термосах горячий чай. Поели и снова задремали, но вдруг появился капитан Усов. Он приказал всем собраться в зале и объявил о проведении политинформации. Я матернулся и приказал командирам отделений собирать своих курсантов. Усов любил, чтобы отделения садились по ранжиру в зале по местам, и внимательно следил за переключкой. Как всегда, он развернул газету и, надевая очки, сказал:

— Лучше, чем здесь напечатано, не расскажешь, поэтому я читаю.

Это мы здорово обыгрывали. У меня это хорошо получалось. Я, стараясь подражать интонации и голосу Усова, поправлял свои очки, и говорил знакомую всем фразу. Гомерический хот...

На следующий день ураган утихомирился, и нас повезли в свой городок. Ё-моё, Мамай прошёл!

На месте нашего городка стояла наша палатка, и полуразрушенная столовая без крыши. На той стороне озера виден высокий берег и, вполне вероятно, что наше имущество лежит под берегом. Поделился своими мыслями с Говорухиным, и он согласился со мной.

— Бери отделение Ефименко и идите, только как думаешь, по льду сейчас не опасно идти, ураган мог и раскатать лёд?

— Мы осторожно пойдём, а для страховки возьмём по тесине, если провалимся, тесина не даст утонуть.

Вышли на лёд, остерегаясь, но лёд был ещё крепок, и мы быстро прошли 5-тикилометровую дистанцию. А вот и наше имущество. У берега, вернее, у яра вперемешку лежали палатки, доски, груды крупы и макаронных изделий. Мы взяли котлы, бачки и фляги, чайники и вернулись с добычей домой. Самое главное — два котла, без них не будет ни щей, ни каши.

Наш взвод стал приводить в порядок свою палатку, а других отправили за своим имуществом.

Все заметили, что капитан Усов резко изменил своё отношение к нашему взводу и ко мне лично.

Я сказал Говорухину фразу из бессмертного произведения А.С. Грибоедова:

«Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь».

Восхождение

1

После урагана установилась прекрасная погода. Зазеленела трава, и удивительно быстро исчез лёд. Воды в озере стало заметно больше, и она приблизилась к нашим палаткам. Утром после зарядки мы умывались в озере. К концу апреля вода у берега хорошо прогрелась, и мы стали купаться. В Улан-Удэ в полку у нас не было условий для стирки обмундирования, и мы ходили в затасканных гимнастёрках. Теперь в свободное время взял кусок хозяйственного мыла и щётку, быстро постирал и расстелил на траве, гимнастёрка под жарким солнцем высохла моментально.

Местность красивая. Отроги Яблонового хребта. Мы находились в долине, и самого Яблонового хребта от нас не видно. Здесь уместна поговорка: «За кустами и леса не видно». Нам всё заслоняла высокая сопка, которую аборигены называли Священной горой. Циренпилон теперь пригонял овец сюда, к подножию сопки. Он оставлял их под присмотром своей собаки и приходил к нам покурить. Мы выкладывали фундаменты под двухквартирные дома из бутового камня. Никто никогда не работал с камнем, а теоретически это понял только курсант Новиков. Пренебрежительнейший тип этот курсант, но вот этим удивил. Приезжий

техник-лейтенант у всех приказал переделать, а Новикова похвалил. Я сразу воспользовался этим моментом и назначил его бригадиром. Ему это назначение, видать, понравилось, и он ходил и поправлял каменщиков, учил! Своё бывшее отделение поставил на постройку привокзального туалета. После бетонирования стен ямы нужно было сделать бетонную арку, на которой в будущем будет кирпичная стена. Иван Аксёнов сделал опалубку. Этого тоже назначил бригадиром. Этот парень из колхоза мне пришёлся по сердцу: такой хозяйственный умелый мужичок.

Циренпилон, приходя к нам, садился на корточки, прямо как та бабушка из Монголии, вытаскивал трубочку, набивал её нашей махоркой и наблюдал за нашей работой. Иногда рассказывал про свою жизнь, про жизнь в совхозах, находящихся за озером. Там два совхоза — один специализируется по овцам, другой держит только коров мясомолочного направления.

— А где лучше живут? — спросил его однажды. Он махнул рукой в направлении озера, что означает в совхозах. Помолчал немного и сказал: « Там деньги дают, а у нас даже табаку не на что купить».

Я дал ему пачку махорки, уж очень ему нравилась махорка Томской фабрики.

— Слушай, Цирен, а что ты не перейдёшь в совхоз, раз говоришь, что там лучше?

— Ты что, не отпускают из колхоза, а кто убежал, с милицией возвращают, да и тюрьмой страшает председатель.

— А вы когда пойдёте на Священную гору? — вдруг спросил он — Завтра у нас, бурятов, праздник, и старики пойдут туда молиться. А вы в тот день не ходите, старики не любят, если им мешаете.

— Мы планируем сходить в следующее воскресенье, может быть, дорогу покажешь нам?

— Нет, это тайна, только старики знают, проследите за ними, может быть, не заметят.

— Нет, это не по нам, уж лучше пойдём прямо.

— У вас, русских, есть пословица: «Сорока прямо летает, да дома не ночует», никогда бурят прямо не пойдёт, кто знает, какая там дорога.

— Да вон же она, совсем близко эта гора!

- Э-э, это обман зрения!
 - А как же тогда такие ветхие старушки туда ходят?
 - Я же говорил: туда есть тайная тропа, и только они знают, как пройти на эту гору.
 - Туда пойдём прямо, а обратно — неужели не увидим эту тропу?
 - Ну, не знаю, не знаю, даже молодые буряты не могут её отыскать.
- Не поверил я, а зря.

2

Меня заинтересовало культовое место на Святой горе, чем оно отличается от обрядов северных народов. Да и сама Священная гора разве неинтересна? Через Говорухина обратился к командиру роты, чтобы разрешил сводить всех, кто желает, на эту экскурсию. В воскресный день на утренней поверке вышло из строя 10 человек. Говорухин всех переписал и список передал ротному.

Мы решили идти прямо на Священную гору, рассчитывая, что до её основания 2–3 сопки. Бодро прошагали до первой сопки и начали восхождение. Крутая горка, но сравнительно быстро одолели подъём. С сопки открылся чудненький видок: Видны берега всего озера, видны посёлки вокруг озера, и виден городок Гусино-озёрск. Недалеко от нашего городка видны два больших корпуса без крыш, сложенных из красного кирпича. Это пленные немцы начали строить какой-то завод. Нас водили посмотреть их. Какая аккуратная кладка! Мы спросили капитана: «Зачем нам его показываєте, всё равно мы так не сумеем».

— По всей вероятности, вы будете ломать их для строительства домов на этой станции.

Кто-то предложил спускаться с сопки бегом, т. е. скачками. Я согласился, но предупредил, чтобы старались не падать, иначе можно разбиться о выступающие кое-где камни. И мы помчались! Это было ужасно. Скакал и думал, вернее, молил Бога, чтобы никто не упал, ведь это верная смерть. Остановиться невозможно, упасть — верная смерть. Только бы целыми все добежали, только бы все добежали, Господи, какой всё же я дурак, что согласился на это. Наконец спуск закончился, и мы ещё по инерции

вбежали метров на пять на следующую сопку. Все в изнеможении упали на землю.

— Ну, Анатолий, спасибо за добрый совет, думал, живыми нам всем не добежать!

— Я, товарищ сержант, дальше не пойду, подвернул ногу.

— Кто ещё не пойдёт?

Ещё один передумал, а если честно, то и я бы не прочь вернуться.

— Доложите о своём возвращении Говорухину, и больше бегать не будем.

Мы взобрались на следующую сопку и медленно спустились на другую сторону. Потом снова и снова, а Священная гора нисколько не приблизилась. Потом шестая, восьмая, десятая...

Гора оставалась визуально всё на том же расстоянии. Решил успокоить ребят, хотя у самого на душе стало как-то неловко:

— Ребятуськи, это обман зрения, двигаем дальше.

Кажется, только перевалив семнадцатую сопку, мы увидели основание Священной горы. Виднелась тропа, идущая вверх между двух высоких скал, стоящих вплотную к самой горе. Мы спустились с последней сопки, отдохнули и пошли по тропинке между скал вверх. Шёл и удивлялся, как же такие старые, немощные старушки взбираются на моление.

Вот и терраса, на которой стоит жертвенник — это большой, четырёхугольный камень с плоской поверхностью. Посередине камня углубление и видна зола. Сколько же здесь зажарено баранов за многие столетия! Кругом груды бараньих костей. На жертвеннике лежала груда монет. Посмотрели — все советского производства более поздних годов. Рядом с жертвенником стояла пирамидка из камней. Под каждым камнем лежали рублёвые и трёхрублёвые купюры. На всякий случай предупредил курсантов, что разграбление культовых мест преследуется законом. Влево от жертвенника была небольшая терраса, примерно с тридцатью небольшими берёзами, увешенными белыми тряпками, лентами, на которых видны оттиски молитв и надписей, напечатанные иероглифами.

Гора ещё продолжала идти вверх, и на вершине виднелась вышка. На вершину мы пошли только вдвоём с Марком Безгачевым, остальные прилегли на тёплые камни берёзовой террасы.

Когда взошли на вершину Священной горы, онемели от восхищения: перед нами открылась панорама горных вершин, которые покрыты снегом. Вот он — Яблоновый хребет. Какое обширное пространство гор! Видимо, нам повезло, как говорил Цирен, некоторые из старых людей с этой сопки никаких гор не видели — всё в туманной дымке. Мы орали от восторга, звали ребят подняться наверх и полюбоваться этой красотой. Но тщетно, они просто все спали от усталости в этой украшенной берёзовой рощице. У нас дома вышки триангуляции ставили обычно 42-хметровой высоты, здесь всего метра 3–4. Прочли надпись, прибитую к вышке, что нарушение вышки преследуется законом. Марк рассмеялся: «Интересно бы узнать, кто ещё, кроме нас, её прочёл?» Да уж, старушки, эти божьи одуванчики, вряд ли ползут выше берёзовой рощицы.

Мы разбудили спящих курсантов, т. к. наше время истекло и надо срочно возвращаться. Попросил внимательно смотреть за тропинкой, чтобы нам её не потерять. Но прошли тропинкой только до первой сопки. Тропинка вдруг исчезла. Покрутились, покрутились и вновь начали штурмовать голец. Я пошутил:

— Кто-то из вас похулиганил при осмотре культового места, пока не вернёте, что взяли, нас отсюда не выпустят.

Все посмотрели на Семёна Мегеля, я тоже, и заметил, что карман его брюк подозрительно оттопырен. «Вот сукин сын, наверное, денег нахватал у жертвенного камня», — подумал я, но никаких мер не стал применять. Если бы кто-нибудь из курсантов что-то сказал, была бы причина проверить, а так можно смертельно обидеть человека.

— Да, ребяташки, придётся нам снова штурмовать сопки, — сказал я и первым начал карабкаться на крутой бок гольца.

Пришли с большим опозданием — на 2 часа. Степан сказал, что командир роты приказал обед опоздавшим не оставлять, так осерчал за наше опоздание. На вопрос — почему так задержались, ответил: «До святой горки стоит 17 гольцов, один другого круче». Зато хорошо усвоил старинную поговорку: «Хвали горку, как перевалишься», и правильно говорил Цирен, что прямо летают сороки, да дома не ночуют.

БАЙКАЛЬСКИЕ СТРАДАНИЯ

Малиновка

1

Через три месяца работы у «Священной горы» нашу роту посадили в «телятник» и повезли на запад. Сказали, что везут на озеро Байкал. Прозвучало и название места нашей дислокации — полустанок Малиновка.

Ночью остановились на берегу Байкала. Срочная выгрузка, так как заняли путь, интенсивность движения по которому через 3–4 минуты. Это была Транссибирская железнодорожная магистраль.

Нас привели к длинному бараку, в котором в два яруса стояли железные койки. Мы со своими матрасами, набитыми соло-

мой, быстро осваивали новое жилище. Наш старшина уехал в отпуск ещё в июне, и всё имущество роты «свалилось» на меня. Хорошо, что каптенармус был опытный и помогал мне разбираться с хозяйством. Как много на меня навалилось всяких дел, да ещё и за взвод ответ должен держать, и целиком за роту.

Столовая мне не понравилась. Стены, потолок давно не белены. Пол грязный, как в колхозной хомутарке, где почему-то никогда не моют полы. Только подметают. Приказал Ефименко с его отделением выбелить стены и потолок. Полы в столовой не крашенные. Это надо хорошо выскоблить. Курсанты не знали, как это делается. Засучил рукава, хорошо смочил одну плаху и выскоблил армейским ножом. Затем смыл чистой водой, вытер сухой тряпкой.

— Задача ясна? Вот чтобы весь пол в столовой был таким, как эта плаха! Столы тоже выскоблить.

Пошли в казарму. Здесь полы были покрашены, и площади здания уже были распределены между взводами. Оставили дежурных, которых заставил обмести тряпками стены и потолок от пыли и тёлёт. Когда всё было сделано в столовой, пришёл Усов. Он был

приятно удивлён, удовлетворённо похмыкал, и попросил сделать такой же порядок в его «штабе». То ли краски иной у предшественников не было, то ли по какой другой причине, но полы в казарме и штабе были покрашены тёмносиней краской. На меня это действовало удручающе, и я вообще не видел такой покраски полов.

— Ладно, с месяц и так поживём, а дальше видно будет. Будем здесь жить, всё перекарасим, — подумал я.

2

Началась тяжёлая, каторжная работа. Чтобы обеспечить нормальную, ритмичную работу роты по укреплению берега Байкала, необходимы материалы: гравий, цемент, пиломатериалы. Наша задача — построить бетонную волноотбойную стену высотой в 5 метров вдоль всего берега Байкала, по которому проходит Транссибирская магистраль. Сейчас дорогу предохраняют деревянные ряжи, срубленные каторжниками в начале 20-го века. Это толстые брёвна, разделённые на секции 2 на 2 метра и высотой 2 м. Секции набиты бутовым камнем. Мы строили бетонные стены ближе к Байкалу, у самой кромки воды. Делали фигурные рамы, ставили их через 5 метров и обшивали досками изнутри, для того, чтобы, когда бетон затвердеет, можно было разобрать конструкцию и использовать далее. Привезли 3 бетономешалки, сделали помосты к каждой секции, установили их, и работа пошла. Когда заливали основание, а оно было шириной 3 метра, то сбрасывали туда бутовые камни, которые брали из ряжей. Работали целый световой день, до тех пор, пока не кончался гравий. Ночью давали «окно» на 15 минут. Поднимались по тревоге, расхватывали лопаты и бегом к месту работы. Тут же подходил состав, и мы быстро начинали разгружать платформы, пульман с цементом. Если гравий мы научились разгружать минут за 10, открывая борта в обе стороны, то с цементом проблема. Его привозили из Тайшета прямо с цементного завода, и он не успевал остыть. Жгло сквозь сапоги. Разгружали его лопатами-подборками в одну сторону, на которой мы сделали навес. У дверей можно было поставить только три человека для разгрузки цемента, и трое отгребали от стенок к выходу. Команда менялась через 3–4 минуты — нестерпимо начинало жечь ноги и забивало цементом носоглотки.

Как-то удавалось вагон очистить за 15 минут, но все были мокрыми от горячего цемента. После разгрузки — к Байкалу отмываться.

Вода в Байкале ледяная. Редко кто отваживался прыгнуть в воду. Я один раз прыгнул и назад пробкой вылетел. Вода прозрачная и дно кажется рядом, но глубина здесь сразу 2–3 метра. Все хотели разгружать только гравий. Разгрузили состав — и спать, а здесь надо обязательно принять холодный байкальский душ. Я каждый раз менял взводы на разгрузку цемента, поэтому вряд ли кому удалось увильнуть от этой горячей работы.

Мне больше всего нравилось поднимать камни из ряжей. Высота 2 метра. Пока сверху брали из одной секции, ещё справлялись курсанты, а когда выбирали на метр и более, даже вдвоём с трудом поднимали. Я становился один и подавал тяжёлые камни килограммов по 50–60 кг курсантам, стоящим на срубе ряжа. Брёвна такие толстые, что по ним ходили, как по плахам. Такая ежедневная тренировка по 8–10 часов сильно укрепила меня. Однажды взводный сержант Татарченко что-то начал ко мне приставать. Я схватил его за ремень и высоко поднял одной рукой, спокойно сказав:

— Распибу об стенку, если ещё хотя бы раз завьпендривашься.

Это подсмотрели курсанты его взвода, и вся рота быстро узнала об этом инциденте. Неприятная история, но она так сыграла мне на руку. Это я почувствовал, когда на вечерней прогулке и утренней гимнастике мои команды стали исполняться чётко и беспрекословно, хотя раньше некоторые курсанты проявляли недовольство:

— Вы больше всех нас гоняете на утренней гимнастике!

— Я забочусь о вашем здоровье, и потом, я тоже с вами бегаю, делаю зарядку, да ещё и командую, показываю упражнения.

Мне, конечно, жалко ребят. Подниматься утром после ночной тревоги, да после такой тяжёлой работы днём тяжело, но расслабиться нельзя, не мешает утренняя разминка, а наоборот, поможет телу, и сон улетучится.

Все бетонные работы мы освоили. Мне не понравилась работа с перфоратором, уплотняющим бетон. В своём взводе работу с перфоратором назначал только желающих. Лучков с Татарченко — только провинившихся. Я нарочно пару часов поработал с перфоратором и потом отходил от тряски минут десять. Нет, я лучше буду поднимать камни из ряжей. Хотя по должности мне

этимися работами можно было не заниматься, без этого у меня хватало хлопот. Нас кормили ежедневно красной рыбой. Ящик с солёными горбушами или кетой повара опускали в горную речушку и до утра держали в воде, она становилась пресной. Быстрое течение вымывало всю соль.

К концу месяца нас обрадовали: сюда едут комсомольцы. Строительство волноотбойной стены на Байкале была объявлена комсомольской стройкой.

91-ый километр

1

Когда нас везли в телятниках на место службы в город Борзя Читинской области в 1954-м году, то проезжали по берегу Байкала, где было 64 туннеля. Теперь эти туннели затоплены. Во время затопления в 1955-м году этих туннелей 4-й батальон не был отправлен с нами в Монголию, а был отправлен на Байкал для разборки железной дороги в затопляемой зоне. Объём работы был очень большим, а в августе 12-я рота шоферов была отправлена на целину для уборки урожая, поэтому много километров железной дороги ушло под воду. 10-й и 11-й ротам выполнить задание по разборке пути оказалось непосильной задачей. Вода так быстро стала прибывать в Байкале, что пришлось досрочно вернуться в Улан-Удэ обеим ротам. Когда мы приехали из Монголии, эти роты работали в самом Улан-Удэ по укреплению берега реки Селенги.

Ребята рассказывали, как они удирали по затопленным туннелям в сторону Иркутска, а оттуда уже приехали по новой электрифицированной железной дороге, идущей прямо от Иркутска до Слюдянки. Там всего три туннеля. И вот наша рота сейчас направлялась на эту новую дорогу.

Нас выгрузили на 91-ом километре от Иркутска и недалеко от Шелехова. Получили 10-тиместные палатки, и капитан Усов распорядился устанавливать их прямо под насыпью. Насыпь высотой не менее 20-и метров. И как раз крутой поворот. А это значит, что у километрового состава запросто на наши головы может выдавить вагон или цистерну. Обратился к капитану:

— Товарищ капитан, смотрите, здесь сразу идёт крутой поворот, это опасно! Товарный состав может выдавить вагон прямо на палатки.

Усов поморщился, не любил он инициативы, но разрешил палатки устанавливать метров на 100 подальше от насыпи. «Штабную» палатку приказал установить в 20 метрах от насыпи. Котлопункт — две полевые кухни и цистерну с водой, установили по линии первого ряда палаток. Здесь же установили грибок для дневального. Отсюда всё хорошо просматривалось, и если установить столб с лампой, дневальному видны все входы в палатки, а также вход в штаб, где будет жить командир роты.

Устанавливая палатку для себя с первым отделением первого взвода, приготовил себе спальное место слева от входа, далее командир отделения и курсанты по ранжиру. Пришёл Усов и сразу заорал:

— Опять самовольничаешь, почему расположение постелей слева направо, а не наоборот! Где вас будет искать посыльный по тревоге! Немедленно переложите постели наоборот! Ваша постель должна лежать сразу у входа!

— Правильно, сразу любой преступник выведет из строя командира, а потом делай, что хочешь с остальными.

— Мне надоели ваши инициативы, немедленно сдавайте роту сержанту Татарченко!

Слава тебе, Господи! Как мне не нравилась эта ноша! Я моментально оформил акт передачи и расписался. Не успел Усов дойти до своей палатки, а я уже всё хозяйство сдал. Надо ковать железо, пока горячее.

Татарченко побыл старшиной всего дня полтора — прибыли офицеры принимать роту и с ними свой старшина.

Капитана Усова отправили домой. Как ему не хотелось этого, но с нашего учебного полка все офицеры попали под сокращение. А это прекрасные командиры, разве можно их сравнивать с теми, кто нами стал командовать! Вот кого надо было гнать поганой метлой из армии.

Командиром роты прислали старшего лейтенанта Рознова, бывшего замполита. Рознов рассказал нам, что рота наша передана в отдельный путейский железнодорожный батальон. Все рядовые к осени будут отправлены или по домам, или по другим частям. Все дружно выкрикнули: «Лучше домой!» Далее Рознов рассказал, что наш батальон располагается в Ангасолке, а отдельная рота в Култукке, и наша до зимы будет здесь, на 91-ом километре. Всем сержантам, исполняющим должности командиров взводов, вернуться к исполнению обязанностей помощников командира взвода. Таким образом, я и взвод сдал. Как мне стало легко! Но я понял, что командира отделения перерос, и дальнейшее использование меня в этой должности как-то неразумно. Но при такой заварухе, как проводилось сокращение вооружённых сил, даже офицеры не знали, что будет завтра с ними. Командиром нашего взвода стал молодой красивый офицер, лейтенант из Ленинграда. Он прямо нам сказал, что в армии он человек случайный, что у него есть жена, работающая в штабе части вольнонаёмной. Служить он не хочет и очень надеется, что попадёт под сокращение, которого ждёт с нетерпением.

Более бесполезного человека для армии мне не приходилось видеть. Он прямо подрывал нам дисциплину в роте. Вот собрали роту для проведения политинформации. Лейтенант стоит перед нами, размахивая руками, оглядываясь на подходящего к нам ротного:

— Пусть ротный думает, что я вам речь толкаю.

А говорить с личным составом роты совсем не умеет.

Ротный командир из замполитов, а значит, говорун добрый. Он без всяких бумажек рассказал нам о текущих событиях в стране и за рубежом. Рассказал о предстоящей работе. Нам предстояла работа по ремонту водоотводных канав от 91-го километра в сторону города Шелехово. Вы видели, когда ехали сюда, что дорога идёт то сквозь большие горные выемки, то по высоким насыпям, как у вас здесь. Новая дорога спрямила путь от Иркутска до Слюдянки в 5 раз. Если по старой дороге было 64 туннеля, то по новой всего 3. Дорогу начали строить пленные немцы, продолжили заключённые, потом комсомольцы, а достраивали железнодорожные войска. В этой работе принимал участие и наш отдельный путейский батальон. Нам приказано устранить все недоделки до конца, сделать ремонт канав, а вернее, сделать их новые и ждать приказа о дальнейшей службе. Курсанты, а теперь солдаты, остаются в моём распоряжении здесь до тех пор, пока не выполним намеченную программу работ.

2

Утром, выведя своё отделение на зарядку, поприветствовал:

— Здравствуйте, товарищи солдаты!

— Ой, вот уже мы солдаты, зачем столько времени потеряли!

Мне тоже мало пришлось общаться с солдатами и теперь придётся привыкать. Кого пришлют взамен, а может быть, попаду под сокращение?..

Но, увы, отправляли домой, как правило, нарушителей воинской дисциплины, а затем тех, кому до конца службы оставалось несколько месяцев. Но это несколько позднее, а пока мы принимали объекты работы. Оказывается, под Иркутском располагается вечная мерзлота. Кто бы мог подумать, такая тёплая солнечная погода, а земля глубоко не прогревается. Сделанные раньше водоотводные канавы вышли из строя: откосы канав прогрелись и сползли на дно. Кругом кедрачи, море трав и мха, а земля «отходит» сантиметров на 20–50. Как-то не укладывалось это в голове, как при таком тепле так плохо прогревается земля. Кругом ягоды, а шишки какие крупные у кедр, у нас такие редко где встретишь. Кругом горы — отроги Восточных Саян. Местами торчат на ровном месте скалы высотой метров 50. Мне так хотелось залезть на такой «столб», и однажды влез. Почти на самом верху небольшая площадка, на которой росла сосна метров 10-ти высотой и гладкая

стенка, испещрённая надписями, кто и когда побывал здесь. Метра через 3–4 и сама вершина. Взошёл на вершину. Она плоская и сильно скошена в ту сторону, по которой невозможно залезть, по крайней мере, таким «скалолазам», как я. Затем я спустился на площадку с сосной и посмотрел вниз, где дожидался меня мой товарищ. Он был такой маленький, не больше спичечного коробка. Мне часто приходилось залазить на высокие кедр, и даже, раскачав вершину кедр, перепрыгивал с неё на рядом стоящую кедр. Но здесь не то. Ноги у меня подкосились, голова закружилась, и я сел на край этой проклятой скалы. Михаил кричит:

— Спускайся, чего расселся, времени уже много, надо возвращаться.

— Не могу, боюсь!

— Ты не смотри вниз, отвернись и спускайся по той бороздке, по которой залезал. Только не смотри, я буду тебе говорить, куда надо ногу поставить.

Кое-как переборов приступ страха, страха высоты, я медленно стал спускаться, нашаривая ногой выступ по команде Михаила. Головы не поворачивал, но слышал голос Быкова всё ближе и ближе. Наконец почувствовал, что уже совсем близко от земли и посмотрел вниз. Осталось метра 3–4, а это уже не страшно. Я знал, что там мягкий мох, оттолкнулся от скалы и прыгнул. Михаил поругал меня:

— Ты что, с ума сдвинулся, зачем прыгнул с такой высоты? А если бы под ноги попал камень, переломал бы ноги!

Действительно, рядом со мной торчал большой камень из мха. Я с трясущимися руками и ногами опустился на этот камень. Да, мне жителю равнины такого безрассудного поступка больше делать нельзя без тренировки. Посидел минут пять, успокоился, повеселел.

Вышли на дорогу и строевым шагом пошли в расположение части.

Мы оба любили строевую подготовку и соперничали, чей взвод лучше пройдёт на смотре. А чтобы хорошо ходили служивые, надо самому быть хорошим строевиком. И мы старались, используя каждый удобный случай. Эти импровизированные тренировки и сблизили нас перед концом службы Быкова. Спустя много лет мне нет-нет, да и приснится сон, в котором по Байкальской дороге мы с Михаилом идём, чеканя шаг. Этот сон всегда к добру!

И вот первая расчистка канав. Если в Монголии мы долбили землю ломами, то здесь черпали жижу совковыми лопатами, а жижа снова заливала всё, что «выкопали», и опять её становилось столько же там, где взято. Стали делать опалубку — ящик без дна. Вычерпывали из ящика эту грязь, натаскивали мох и камни, устилали дно мохом и камнями. Крупные камни разбивали кувалдой. Ящики передвигали, делали полуторные откосы и снова закрывали поверхность откосов камнями на мох. Если не класть мох, то очень быстро камни съедут на дно канавы, так как земля быстро таяла, а мох препятствовал таянию грунта. Были и новые раскопки. На удивление, грунт местами не «тёк». Но и здесь встречались преграды — огромные камни перегораживали канаву. Если не хватало силы такие камни «выдрать», его взрывали шашками. Мне пригодилось знание мино-подрывного дела, которое мы изучали в полковой школе в Улан-Удэ. Это была единственная практика в моей жизни. Основная специальность, которую я получил в полку — начальник электростанций до 85 киловатт. Она мне пригодилась только при работе в кино.

Ангасолка

1

В баню нас водили пешком в Ангасолку. Мы располагались выше в горах. От нас хорошо просматривался Байкал, а вернее, его частица. В Ангасолке же, несмотря на то, что она ближе к озеру на 5 километров, его не видать. И что удивительно, не так заметно и землетрясение. Сидишь в палатке, ничего не замечаешь, не чувствуешь, как вдруг вода в кружке или в графине начинает «плясать». Это довольно частое здесь явление, и мы быстро привыкли к этому. Но вот ночью как-то неприятно было, когда лежишь, и твоё тело начинает потихоньку колыхаться во время сна. Сон пропал. Раньше я не знал, что на Байкале такие частые землетрясения. Наверное, потому-то и были такие камнепады, когда дорога шла по берегу с 64-мя туннелями. Наш земляк Павел Станкевич, когда их эшелон проходил эти туннели, попал под камнепад, и его сильно покалечило. Огромный камень проломил крышу вагона и накрыл спящих призывников. Нас пронесло, но один камень тоже пробил крышу и врезался в печь-«буржуйку», отапливающую наш вагон.

Такой грохот — мы все замерли, ожидая ещё «гостинца» с гор, но поезд нырнул в туннель, а на другой стороне было тихо.

В баню шли сначала в сторону Шелехово, проходили небольшое село, и шли через железную дорогу. Затем через кедрачи к шоссе, ведущей в Слюдянку. На пути встретилась поляна, вся багрово-красная. Это ягоды куманика. Такой вкусной, сладкой ягоды, да ещё в таком количестве, я ещё не видел. У нас она растёт на кочках, у пней, но совсем небольшими кусточками, а здесь сплошь! Роте объявил привал, и все наелись от «пуза». Я набрал ягод полную пилотку и нёс в Ангасолку — у ПП ждали меня девчушки — дочери старшины ПФС, с которым мы подружились, когда я ещё исполнял обязанности старшины роты. Не знаю, чем я пришёлся ему и его семье по сердцу, но они стали мне как родные. Старшина удивлялся:

— Тебя мои дочки любят больше, чем меня, никогда они меня так не встречают, а я тоже никогда с пустыми руками домой не иду, то конфетки припасу, то вафли.

— Ты домашний, к тебе привыкли, а я гость редкий.

— Они тебе покоя не дают, всё возишься с ними.

— Потому-то я им и интересен, что принимаю их игру.

Погоуляв по Ангасолке, сходяв в военторговский магазин, а иногда и в клуб, мы возвращались в свои палатки.

2

Пришла осень. Ночью в этих палатках стало спать холодно. Сразу вспомнились «дубарные» ночи Гоби. Плотно закроешь полость палатки — душно, немного раскроешь — холодно. Всё равно оставляешь небольшую щель, и свежий ветерок «бил» прямо в нос. Нос так заложило, что не чувствовал никаких запахов. Обоняние, коим я хвастался, исчезло. Даже не верилось, что меня хотели при призыве определить в химические войска. Открывали различные флаконы, давали понюхать. Нужно было сказать, чем пахнет. Когда дошла очередь до меня, я попросил только открывать пробки и сразу закрывать, называя запахи. Удивил комиссию. Здоровяк капитан сказал обо мне:

— Это уникам. Его надо обязательно отправить в химические войска.

И вот теперь этот «уникам» перестал чувствовать запахи даже в армейском туалете.

Когда весной 1957-го года в Москве цвела сирень, мне прямо к носу подносили её цветы, я не мог уловить их аромат.

Только через пару лет ко мне вернулось обоняние, но уже на «уникама» я не тянул.

Начались морозы, а нас что-то не торопились переводить в Ангасолку в казармы. Мы все перебрались в одну большую палатку, поставив нары в три яруса. Морозы крепчали. Ночами было по 40 градусов. Такого «разброса» температур мне ещё не приходилось встречать на таком малом пространстве. На 91-ом километре температура -40, в Ангасолке через 5 км -30, в Култукке ещё через 5 км -50, в Слюдянке, которая находилась уже на берегу Байкала в пяти же километрах от Култукка, — всего 10 градусов мороза. Култук — это как аэродинамическая труба. Холодные массы воздуха двигаются то с гор в сторону Байкала, то наоборот, и всегда прохладно. В Култукке стояла рота нашего батальона, в которую «сплавляли» отцы-командиры самых недисциплинированных солдат батальона. Начальник штаба по воскресеньям садился на крыльцо штаба и фиксировал солдат, уходящих в самовольную отлучку в Култук или в Слюдянку. Нас, прикомандированных к

этому батальону, удивляло и беспокоило такое отношение офицеров батальона к такому грубому нарушению дисциплинарного воинского устава. Нам пока удавалось в своей роте удерживать настоящую воинскую дисциплину.

В связи с венгерскими событиями нашу роту было решено отправить туда. В ожидании отправки прошёл месяц. Спать в палатке стало невмоготу. Утром волосы примерзали к подушке. За печью следили, она постоянно была раскалена докрасна, но разве можно натопить улицу! Вдруг истопники доложили, что уголь на исходе. Решили утром идти за углём в Ангасолку, Ночью вдруг забарабанило по крыше палатки. Оказывается, ночью проходил товарный состав, и на нас выдавило два вагона-пульмана с антрацитным углём. Вагоны лежали как раз на том месте, которое отводил нам под палатки капитан Усов. Угля теперь много, но неужели мы так и будем жить в этой палатке? Особенно от морозов страдали ребята из Средней Азии. После одного дикого случая, когда у одного узбека от мороза побелели уши, и кто-то крикнул ему: «Три уши, отпадут!» — он так энергично начал их тереть, что отломились кончики ушей, было приказано всем южанам носить шапки только с завязанными клапанами.

Наконец и мы дождались перевода в казармы Ангасолки. Надо признать, что и в казармах было прохладно. Бушлаты снимать не хотелось. Солдатам разрешалось под гимнастёрку надевать тонкий свитер, если у кого он был. Но главное — волосы к подушкам не примерзали!

Зато стали ходить в клуб. Каждые суббота и воскресенье — танцы, на которые приходили жёны и дочери военнослужащих и гражданские девушки. Кино почти каждый день. Цивилизация, от которой мы отвыкли, уже девять месяцев мы были только в мужской компании.

Кинемеханик был без прав, и ему перестали выдавать фильмы в Иркутском кинопрокате, а сдать на права он не мог. Я обратился к командиру взвода с предложением съездить и сдать на права хотя бы помощника кинемеханика, так как до этого учился в Новосибирской школе кинемехаников и был призван в армию с середины курсов. Я думал, что надо ехать сдавать экзамены в Иркутск, а там повстречаться с землячкой, которую направили на работу из Новосибирска. Но оказалось, что ехать надо в Читу, но это же здорово!

В Петровск-Забайкальске в РУ учился мой брат Николай, который был направлен туда из Среднего Васюгана. Мне выдали увольнительную на три дня. Решил на обратном пути сделать остановку в Петровске, предварительно отправив Николаю телеграмму. В Чите не стал задерживаться, все городские достопримечательности я посетил ещё тогда, когда выехал из города Борзя Читинской области в Улан-Удэ в полковую школу в 1954-м году. В Чите делали пересадку. Теперь, сдав экзамены на права киномеханика, я сразу устремился на железнодорожный вокзал и сел на проходящий поезд. Утром рано в Петровске меня встречали Николай с ребятами, бывшими детдомовцами из Айполово, которые меня хорошо помнили. К сожалению, в памяти остался только один парень — Баландов, по прозвищу Кулик. Его имя и фамилии встречающих ребят за долгие годы позабылись.

Я провёл день и остался ночевать. Рано утром один Николай проводил меня на вокзал...

В Иркутск я съездил только один раз. В кинопрокате зарегистрировали моё удостоверение, и командир части мне сказал, что теперь мне там делать нечего, кинобанки будут выдавать любому солдату в течение года. А через неделю началось такое, что мне стало не до кино...

Почти всех наших солдат, бывших курсантов, отправили в другие части. Остались только командиры отделений, назначенные из числа курсантов, писаря и кладовщики. Офицеров в роте снова не осталось ни одного. Опять принял взвод, а от старшинства роты категорически отказался. Началась какая-то чехарда с личным составом роты. Иногда за неделю состав роты изменялся полностью. Вот так, наверное, на фронте в войну. Мы ничего не могли понять в этой игре. Одних отправляли домой, других забирали в другие части, а многих отправили в штрафбат. Маршал Конев стал наводить порядок в армии. Он сказал, что судить будем столько, сколько нарушений будет в частях. У нас стали накапливаться солдаты, выходцы из Средней Азии: казахи, узбеки, таджики. Их никто не забирал, и наша рота процентов на 70 состояла из «среднеазиатов». Поскольку Татарченко опять занял офицерскую должность, сержанты уговорили меня исполнять обязанности старшины роты. Всё равно в Москве нас будут принимать офицеры, а значит, и старшина будет свой.

С личным составом пришлось повозиться основательно. Узбеки притворились, что не понимают по-русски и часто стали не выполнять приказы. Однако Татарченко и Лучков, жители Ташкента, хорошо знали узбекский язык с детства, но не подавали вида до поры, до времени. Однажды они собрались в ленкомнате и, смеясь, рассказывали друг другу, как им удаётся дурачить сержантов. В комнате сидел Татарченко, готовился к проведению политинформации. Он внимательно слушал их и записывал те эпизоды, о которых они рассказывали друг другу. Потом встал и на чистейшем узбекском языке сообщил им, что теперь они избалованы и пусть ещё попытаются только схалтурить, они узнают, что такое кузькина мать. Добил их вошедший в комнату сержант Лучков, которому Татарченко пересказал о случившемся, говоря на узбекском языке. Тот заорал на них тоже на узбекском языке и немедленно послал всех на уборку снега от всей казармы. Я ничего не мог вначале понять, куда это они так дружно побежали, но вышли смеющиеся сержанты и всё рассказали. Теперь, наоборот, лучшими солдатами стали узбеки. Они подозревали, что и я знаю узбекский язык, особенно после того, как я несколько раз ответил на их вопросы, заданные на родном языке, и, видимо, впопад.

Мы собрались в комнате, называемой ленинской. Мы — это сержанты, и пригласили присланного нам и.о. командира роты.

Вопрос всех волновал один: как с таким «сливом» мы поедем в Венгрию? Капитан улыбнулся и сказал:

— А с чего вывзяли, что поедете за границу? Кого надо, они уже там, а вас в лучшем случае оставят в Московском военном округе.

Замените тех, кто сейчас там в командировке. И потом, если нужны там, предоставят зелёную улицу, не очень нужны — будем до Москвы несколько недель добираться.

— А вы, товарищ капитан, будете нашим командиром роты постоянно?

— Нет, только до Москвы, и назад в Читинский военный округ.

— А вы не знаете, почему нам собрали в батальон такой сброд? Всякой твари по паре: выпивохи, психи и, извините, ссыкуны.

— За это несут ответственность командиры частей, наше дело доставить их без ЧП до места назначения.

Да, пришлось нам немало повозиться, прежде чем навели относительный порядок в роте. Принимали чрезвычайные меры.

Несколько человек отправили в штрафной батальон, часть отправили домой, если убеждались, что это не симулянты. И всё же некоторые нас обманули. Кто ночами мочился в постель, а из-за этого в казарме стоял стойкий запах привокзального туалета, всех определили в одну комнату, которая почему-то плохо отапливалась. В неё поселили 8 человек, страдающих энурезом. Через 2 дня, вернее, ночи, четверо выздоровели. Ещё через два дня опять двое, но двое продолжали мочить постели. С помощью военврача, (а он, кстати, единственный офицер, который нас не бросал ещё с Монголии, наверное, потому, что холостяк), двоих «ссыкунов» комиссовали. При отправке их домой я приглашал в свой закуток по одному, расспрашивал про родителей, про то, как добираться до дома. Один говорил, что с детства энурезом страдал, но ему не верили ни дома в военкомате, ни в армии. Честно, я не поверил тоже. Такой красавец, атлетически сложен, высок ростом и болен такой неприятной болячкой. От него несло так, что даже мой «контуженный» нос этот аромат пробил.

— Как же вы поедете, с вами же невозможно в купе будет ехать?

— У меня есть деньги, куплю 2-хместное купе.

— Всё, что могу сделать для вас — выдать комплект белья и б/у обмундирования, чтобы пока так не несло, пока купите билет.

Со вторым парнем разговор получился интересным, откровенным.

— Товарищ сержант, документы у меня уже в кармане, простите меня, но вам я признаюсь, что никогда я не мочился в постель, даже в раннем детстве. Но я не хочу служить в армии, а под сокращение не попадаю, вот и решил таким способом избавиться от службы.

Подивился его выдержке, стойкости, но спросил:

— А если бы война, кому же защищать Родину?

— Да вы что, это же святое, в военное время за это расстрел, и это правильно!

— У вашего друга по «несчастью» есть деньги, он хочет откупить купе, может быть, вас возьмёт с собою.

— Нет, он действительно болен, и хочет побыть один, а я люблю ездить в общем вагоне.

— Берите бельё, выбирайте по себе обмундирование — и счастливого пути.

Наконец подошёл долгожданный состав, мы погрузились и стали ждать команды отправления. Накануне я сбежал попрощаться со знакомым старшиной и его семейством. Там находился знакомый офицер, в подчинении которого были охрана складов ВВ и СВ от Иркутска до Слюдянки. Они вместе с моим другом Костей уговаривали меня перейти к взрывникам начальником охраны. Вот и сейчас бросились уговаривать остаться.

— Да мы уже погрузились!

— Ничего, снимем.

И последний аргумент Кости:

— Смотри, как мои девчонки плачут, не хотят, чтобы их друг уезжал!

Меня в армию никто не провожал, а проводы этой семьи надолго остаются в памяти.

Состав тронулся, и началась дорожная жизнь, которая длилась около месяца, а точнее, 29 дней. Последний день омрачился ужасным происшествием на станции Сортировочная. Выйдя на перрон, я увидел, что рядом через путь останавливается эшелон, из которого начали выскакивать солдаты. Оказалось, ребята едут из Венгрии. Началось братание с нашими служивыми, расспросы. Меня беспокоила дорога между нашими эшелонами, и я прошёл немного по перрону. Этот путь сворачивал за эшелон вновь прибывших солдат. В любое время может на этот путь придти другой поезд и наделать беды. Предупредил всех, чтобы с перрона не сходили. Наши послушно сошли с пути, но с другого поезда солдаты даже «ухом не пошевелили», оставались на пути. Только отвернулся к своему поезду, как раздались страшные крики. Где стояли солдаты, электричка на полном ходу врезалась в них. Это было ужасное зрелище. Мы стали помогать вытаскивать пострадавших и изуродованные трупы солдат. Вокруг стоны, крики, кровь. Было собрано трупов, а вернее, фрагментов человеческих 17 человек. В Венгрии остались живы, а здесь, в Подмосковье, нашли свою смерть. Как обидно, ведь погибли из-за своей беспечности.

Нашему эшелону дали зелёную улицу.

БЛАЖЕННЫ ЖДУЩИЕ, ИБО ОНИ ДОЖДУТСЯ

Китайцы говорят, что никогда не надо возвращаться туда, где был счастлив. В этом я убедился, когда в 1957-м году возвращался со службы из армии. Из Каргаска до районного центра Новый Васюган ехал на речном трамвае, который представлял собой крытую домиком баржу со шкиперской будкой. Баржу на длинном тросе тащил небольшой катер. Мне очень хотелось сойти в Айполово, где я учился в интернате народов Севера и где прожил пять лет. После голодных военных и особенно двух послевоенных лет я вдруг попал в такое место, где кормили три раза в день. Утром давали двести граммов хлеба, черпачок каши или капусты, стакан подслащённого чая. В чай добавляли сахарин. В обед, если бы не с голодухи приехал, то даже можно было наестся. Давали по 100 граммов хлеба, тарелку супчика или щей и немного каши или снова капусты. Бывало, что в капусте находились посторонние предметы. Так мне однажды в капусте попала задняя часть мыши. Без всякого возмущения я взял мышку за хвостик и выкинул. Капусту, конечно, съел. Почти наедался, но «сыти» ещё не было. Вот ужин был просто символический — кусок хлеба да стакан подсахариненного чая. Иногда везло, когда попадалась горбушка, всё же чуть больше объёмом была пайка и есть хотелось меньше...

Через год стали кормить получше, но ужин был в 7 часов, и через 2–3 часа снова хотелось есть. Осенью уходили в лес и пекли картофель, который находили в огородах, перекапывая их после уборки картофеля хозяевами. А сколько было черёмухи! Причём урожай на неё был каждый год. С 1949-го года кормить стали хорошо, но картофель продолжали печь в лесу ежедневно. Любовь к печёной картошке осталась на всю жизнь.

Итак, мы путешествуем на этом трамвае. В Каргаске я встретился со своим одноклассником Владимиром Тагаевым, теперь

уже студентом Томского университета. Он ехал на каникулы к матери, которая жила в остояцком посёлке Озёрное, в тридцати километрах от Айполово и столько же и от Нового Васюгана. Ему было всё равно, как ехать, но говорили, что от райцентра дорога получше.

Мне уже не раз приходилось ходить по этой дороге от Айполово. Прошли пятнадцать километров как раз до того места, где Нововасюганская дорога сходится с Айполовской. Это было летом, и никакой дороги — одни направления. Оставалось до Озёрного еще столько же пройти, но мы повернули на тропу, ведущую к Айполово. А как мы там оказались, об этом чуть позднее.

С Владимиром не виделись пять лет и с интересом приглядывались друг к другу. Ростом он был ниже среднего, раздался в плечах, возмужал. Держался с достоинством. Мы в Каргаске взяли по булке хлеба, а на большее у нас и денег не было. Правда, мне сестра Валя ещё в Томске наладила узелок со сладостями, так что было с чем чаёк «погонять». На трамвае ехали вербованные семьи для работы в колхозах Васюганского района. Мы с Владимиром захватили очень уютный уголок. Моя шинель была приспособлена для ночлега — одну полу я использовал вместо матраса, а другую — вместо одеяла. Подушкой служила согнутая в локте рука, подложенная под голову. Как хорошо спалось под шумок воды Васюгана, струящейся по борту баржи!

Под Калганакон в деревеньке Петровка мы увидели маму Владимира Айдарова, нашего одноклассника. С Владимиром в интернате учились его брат Толя и сестра Лида.

Увидев нас, мама Айдаровых обрадовалась, стала приглашать домой попить чайку, но трамвай уже отходил. Тогда она насыпала нам в куженьку чебаков. Вот этому мы были рады, ведь так хотелось пошвыркать горяченького. Я познакомился со шкипером баржи.

Это была солидная женщина. Они с девчонкой-матросом жили в будке-рулевой. Правда, я ни разу не видел, чтобы кто-то рулил. Роль рулевого исполняло дерево, привязанное за кормой на длинной верёвке. Владимир почистил рыбу, а шкипер сварила уху и пригласила нас в каюту

У неё тоже был в армии сын или племянник, и потому бравый сержант, т. е. я, пользовался особой симпатией. Стала всегда

нас с Владимиром приглашать на обеды и ужины, поняв, что у нас есть-то было нечего. К сожалению, я забыл, как её зовут и не смог позднее её разыскать, чтобы как-то отблагодарить за её к нам доброту.

В Айполово мы не стали сходить — Владимир торопился в Озёрное, а мне надо было доложиться в райвоенкомате о прибытии в долгосрочный отпуск.

Мой младший брат Анатолий успел жениться, и семья его жены жила в Новом Васюгане. За пять лет я не забыл этот посёлок и, попрощавшись с Тагаевым, бодро зашагал на улицу Рабочую. Встречная женщина мне так описала дом и самого хозяина, что я без труда опознал в усатом мужчине своего свата. Он тоже сразу догадался, что за военный идёт по их улице:

— О, это наш, здравствуй, Леонид, мы уже ждём тебя.

Мы обнялись. Мне сразу стало как-то уютно и спокойно на душе, и я стал знакомиться с многочисленной роднёй. Мне хотелось сходить к Сысолятиным, дальним нашим родственникам, но то, что мне рассказали о них, очень расстроило меня. Оказывается, жена Александра Макаровича, троюродного брата нашего отца, стала сильно пить горькую, и лучше туда не ходить, не провоцировать Варвару на выпивку. Жаль, конечно. Как я любил бывать там и как хорошо меня там встречали! Частенько, когда учился в Айполово, ходил в райцентр и общался с их ребятнёй, которых я считал своими сёстрами и братьями.

Утром сходил в военкомат, получил военный билет и воинское требование на проезд до Ново-Игола на самолёте. На самолёте мне ещё не приходилось летать, тем более на легендарном ПО-2. В аэропорту пообещали увезти меня в первую очередь, как солдата, но самолёт будет только дней через пять. Мне это подходило — так хотелось побывать там, посмотреть, каким стало Айполово, что с моими бывшими друзьями.

Сват Иван, узнав, что я хочу съездить в Айполово, подсказал, что слышал, что сегодня «вниз» пойдёт почтовый катер, и он может договориться, чтобы взяли меня. Это бы было хорошо, по зимнику до Айполово километров двадцать, но надо переплывать Васюган, а обласка на этом берегу может не быть. Раньше-то я одежду привязывал на голову и вплавь на ту сторону. Но сейчас вода уже холодная — не полезешь.

И вот я в Айполово. Сразу же жестокое разочарование: моей любимой улицы нет — вся «ушла в питьё», т. е. берег поглотил Васюган. Люди разъехались либо перенесли дома поближе к увалу, с которого мы так лихо съезжали на лыжах. Пройдя по посёлку, никого из знакомых не встретил. Пошёл к школе, возле которой стояли кедры, около двух десятков. «Своего» кедра не оказалось. Меня оставляли в интернате на круглый год — летом разнорабочим. Мы сажали картошку, занимались ремонтом интернатских корпусов и школы. Этой работы хватало до самого нового учебного года. В интернате были рабочие лошади, и им готовили сено, пилили дрова и много другой работы было по хозяйству.

Кедр свой нашёл, вернее, пень от него. Постоял около него, как около могилы, сняв фуражку. Поскольку мы оставались здесь хозяевами на лето, никто не имел права залазить за шишками на них. Однажды мы с Анатолием Полумогиным, который тоже всегда оставался на лето рабочим интерната, пошли за шишками к этому кедрачу. Я забрался на одно дерево, на котором, как показалась мне, самые крупные шишки росли. Дерево было с двумя макушками, оно раздваивалось почти от середины. Я поотбивал у одной шишки и перелез на другую вершину...и ничего не успел понять — голова у меня вдруг оказалась внизу, руками не успел перехватиться покрепче и оказался на земле. Вторая вершина откололась от ствола, и хорошо, что я залез так высоко, а потому и упал на верхние ветви, скатился на землю между корней и соображаю — зашибся я или нет. Анатолий почти слетел с дерева и с криком подбежал ко мне:

— Леонид разбился!

Я скосил глаза и увидел бегущих сюда людей, до этого наблюдающих за нами.

— Не ори и помалкивай! — прошипел я и быстро на четвереньках убежал за кедрач.

Анатолий смекнул, что со мной всё в порядке и медленно стал собирать шишки. Надо признаться, что мы с ним частенько делали розыгрыши, и было смешно наблюдать за лицами разыгрываемых. Вот и на этот раз решили поразвлечься.

— Что, здорово разбился?

— Кто?

— Да мы же видели, как Лёха летел вверх тормашками вместе с этой вершиной!

— Вершину вижу, сама чего-то рухнула, мне облегчение — шишек побольше соберу.

— А где же он? Мы же видели, как вы вместе пришли и полезли на разные кедры!

— Не знаю, Лёха сразу ушёл в школу красить крыльцо.

Я проскочил к школе, где у нас стояло ведро из-под краски, схватил кисть и начал делать вид, что старательно мажу кистью по доскам крыльца.

А однажды мы сделали вид, что разодрались. Били друг друга ладонями. Вначале не сильно, но каждый раз тот, кто ударял сильнее, и ответ получал чувствительней. Вот уже удары посыпались, наносимые изо всех сил. Вот уже кровь засочилась из разбитых губ, показались ручейки из носа. Собралась толпа любопытных, кто-то из девочек истошно закричал, призывая старших на помощь.

— Вон воспитательница бежит!

Мы останавливались, обнимались и шли на Васюган обмывать разбитые лица. Воспоминания увели меня в сторонку дальнюю, навалились на меня, стоящего у пня.

Зашёл к Ветовым — Георгия дома не было, он, оказывается, работает в Новом Васюгане. Тётя Лена — мама Георгия — меня узнала сразу. Девочка Нина за пять лет сильно выросла.

— Ну, Нинка, иди, твой жених из армии вернулся за тобой, — пошутила мать.

Десятилетняя Нина стрельнула на меня глазами и, засмутившись, быстро убежала.

Когда я приехал в Айполово в 1947-м году, ей было несколько месяцев от роду, я частенько прибегал к ней. Тётя Лена шутила, что будет растить мне невесту.

Все годы, пока учился здесь, я оказывал ей внимание и старался принести чего-нибудь вкусенького из того, что нам давали в интернате.

Пошёл в Дальний Яр, где располагались интернатские корпуса. До 1949-го года там жили детдомовцы, потом их перевели в Средний Васюган, а в освободившиеся здания заселили нас.

Эти посёлки разделяло болото метров в двести. Столько змей, сколько было на этом болоте, больше мне нигде не приходилось видеть. Недаром оно называлось Змеиное. Почему-то загадал

про себя, что если увижу змею, то мне повезёт. Вот они, голубушки, сразу две лежат, греются на солнышке. Подошёл поближе, полюбовался. Какие же они всё-таки красивые. Вспомнил, как Леонид Ветов хватал их, ползущих, за хвост и быстро дёргал в сторону хвоста. У змеи от такого действия от кожи отрывался скелет и она могла только чуть-чуть приподнимать голову и шипеть. Потом ножом делал круговой надрез у головы змеи и молниеносно сдирал шкуру с неё. Из шкуры шивал красивые браслеты.

Болото было устлано гатью и засыпано песком. Почему-то вспомнилось, что у нас в Тайгинском совете гати устилали дерном. Это более трудоёмкая работа, а интересно, что дольше сохранялось? Не припомнил. Постоял, поразмыслил и решил, что песок просочится в болото и постепенно уйдёт в топь, а дёрн, пока не пойдут дожди, долго будет служить насыпью. Зато песок легче добывать и быстрее можно засыпать ухабины.

От созерцания змей и других мыслей меня оторвал такой знакомый голос:

— Тычё, медведь косолапый, застрял здесь, жду его, жду, а он с гадами тут прохлаждается.

Няня Медведь, откуда ей стало известно о моём приезде?

— Сорока на хвосте принесла, ишь какой медведище стал, да ещё в фуражке, под ремнём, при погонах, а сапоги-то как надрал — глядеться можно.

Ко мне быстро приближалась с распростёртыми руками наша банщица и прачка Анна Забейвороты. Она всегда нас называла медведями, и самую её прозвали няня Медведь. В интернате, как и в детдоме, обслуживающий персонал было принято называть нянями: поваров, уборщиц, сторожей, дворников и т. д. Но воспитателей, директора, кастеляншу, медиков, даже санитарок только по имени-отчеству.

— Тычё, забыл, где находишься, только катер подошёл к берегу, уже все знали, что ты приехал, Знают каждый твой шаг. Смотрел, где твоя Райка жила. Не смотри, она уже второй год на Сахалине, в Корсаково в аптеке работает. Моя Лидка выросла, вот и будет тебе невеста. Правда, она сейчас у родни гостит, но дождёшься. Пошли быстрее, а то блины стынут — пока ты тут бродишь, напечь успела.

Ну, всё такая же неугомонная наша нянечка Медведь! От нее я узнал, что произошло за эти годы: кто родился, кто умер, кто уехал и куда, кто из старых учителей и воспитателей ещё остались, о судьбе моих одноклассников и всё-всё. Мы проговорили почти до утра.

Узнал, что наш классный руководитель Андрей Иванович Томилов живёт здесь, женился на бывшей своей ученице, работающей сейчас воспитателем. Он построил себе большой дом из одного из бывших корпусов детдома. Конечно, я с радостью повидался со своим учителем и воспитателем, Однажды осенью к нам сразу приехали четыре фронтовика: Рассказов Николай Афанасьевич — директор, Галкин Андрей Павлович — историк, Белов Алексей Николаевич — географ, Томилов Андрей Иванович — математик. Это было нечто!

Хотя были у меня встречи и прелюбопытные — уезжал я с Айполово с тяжёлым чувством.

Правда, одна встреча запомнилась. В клубе ко мне подошла улыбающаяся девушка:

— Я Мая Малышева, не узнал?

Мая училась в институте народов Севера в Ленинграде. После танцев поехали покататься по Васюгану, и здесь я впервые услышал песню «Вот кто-то с горочки спустился», спетую Маей. Утром нас с ней на лодке повезли в Новый Васюган.

Уже без сожаления посмотрел я на высокий берег Васюгана. Вспомнил, как я проспори́л Льву Нипсу́сту, когда мы на глаз попробовали определить высоту яра Васюгана. Я лазил по нему, и в первый раз он мне показался очень высоким. С непривычки лазить по кручам у меня поджилки, тряслись и залазил-то на самом низком месте.

Это потом мы научились спускаться огромными прыжками и залазили на самом трудном участке. На самом яру колхоз сеял горох, который всегда нас притягивал. Это гороховище в большей мере нас научило прыгать по яру. Мы ели спокойно горох, поглядывая на сидящего в засаде бригадира. Он нёсся на лошади, стараясь отрезать нас от леса, но мы, подпустив его поближе, прыгали под яр и затаивались в вымоинах. Бригадир швырял в нас камни, палки и спихивал даже брёвна, но мы были в мёртвом пространстве и визжали от удовольствия, глядя на его потуги выкурить нас из яра...

Поспорив с Лёвкой, мы купили катушку ниток. Я говорил, что высота яра 200 метров, а Лев говорил — метров 100. Взяв за конец нитки, Лев устремился вниз. Меня ждало жестокое разочарование — высота яра оказалась всего 47 метров.

В Новом Васюгане встретился с Володей Малетиным. Он учился в военном училище в Кемерове. На мне был кожемитовый ремень, а у него кожаный, который мне понравился, а ему ещё больше мой. Кожемит, конечно, красивый, блестит, но пока новый, а через год начнёт трескаться его поверхность. Я честно сказал об этом, но ему нужен был именно такой. Довольные оба таким разменом, пошли мы в клуб на танцы. Там было большое фойе, где под аккордеон кружилось не менее пятидесяти пар. На танцах увидел Лиду Айдарову и других знакомых девчонок. Лида познакомила меня с Герой Бедаревой, как оказалось, с моей будущей снохой. На следующий вечер я надел гражданскую одежду. Мне впору пришлось одежда Виктора Мныша, моего нового родственника.

Утром меня пришёл проводить Владимир Малетин. Пристал ко мне, чтобы снял погоны, они нужны ему для племянника. Неохотно я снял погоны и, как оказалось, зря. Мать так хотела посмотреть на меня при полном параде, и при встрече я ощутил некоторое её разочарование.

Мы прошли к самолётику. Пилот сел в первую кабину, а для пассажиров отдельная кабина на два посадочных места. Женщина с ребёнком и я. При взлёте нас сильно бросило на провода, мы чуть-чуть не задели колесами их.

Я не успел испугаться, но увидел, как побледнела моя попутчица. Мы почти сели на уличную дорогу, но самолёт круто пошёл вверх и вот уже выше крыш домов. Женщина ругнулась: «Вот паразит, ведь чуть нас не угробил».

Наконец показался посёлок. Мы с попутчицей познакомились в полёте, ещё при посадке она успела мне много рассказать о жителях посёлка, вернее о всех посёлках, т.к. не так уж много людей было в этих поселениях, и я почти всех знал. За десять лет, пока меня не было здесь, многие подросли, да и новые народились, но такие узнаваемые, что я безошибочно определял, к какому семейству они относятся. Хотя самолёты стали летать более-менее регулярно, почти вся деревня сбегались к прилёту самолёта.

— О, Ситников прилетел! Пошли чай пить!

— Нет-нет, сразу пойду в Тайгу.

Подхватив чемодан и гармонь в футляре, которую послал со мной сват Иван Анатолию, я зашагал к матери в Тайгу, не ожидая лошади, которую пообещал мне мой крёстный Афанасий.

— Оставь хоть чемодан, я привезу.

— Нет, он лёгонький, да и гармошка тоже не затянет.

Но Афанасий меня не пустил.

— Вот сейчас отвезу мешки на ток, возьму почту в Тайгу и поедем.

Но я доехал только до крышки — так почему-то мы называли ток: 1-я, 2-я и т. д. крышки. У ветродуя я увидел свою Лёлю, жену Афанасия. Бросив ручку ветродуя, она побежала ко мне навстречу:

— Крестничек приехал! Афоня, ты хоть чаем-то его попоил?

— Ну разве уговоришь его, вон чемоданы-то еле уломал на телегу положить, всё равно почту к ним повезу.

Афанасий загрузил телегу зерном и поехал в посёлок к сушилке, а я быстро зашагал по знакомой дороге в соседний посёлок. Сколько же раз я проходил по ней, когда в детстве носил сводки, с которыми меня посылал председатель колхоза в сельсовет. Иногда получалось и по два рейса в день. Афанасий меня не догнал. Я налегке шёл очень быстро, и 10 километров мне показались за 5–6, чуть больше часа — и я уже у Чучканки. Небольшая речушка была в полукилометре от покотины посёлка. Денёк выдался уж очень хороший, прямо летний. Воздух чист и прозрачен и такой густой, прямо лёгкие распирает. Я скинул гимнастёрку и умылся. Усталости не почувствовал никакой. Интересно, увижу ли здесь я щучку, всегда здесь травянки или, как мы называли больших щучек, четвертушки. Стоит, родимая!

С хорошим настроением почти бегом к деревеньке. Вышел к огородам напрямик к дому. Столько лет не был дома, сердце зачастило — сейчас выйдет мама. И точно — открывается дверь и с крыльца спускается и протягивает ко мне руки моя мама. Сколько лет я никого не называл «мама» — послушаются ли мои губы, чтобы выговорить это святое слово?

А ведь спросила меня мать, почему я без погон и почему на воротнике шинели другая фамилия. При «дембеле» всегда

служивые старались экипироваться в новое обмундирование. Вот и я так сделал. Чувствовал, что не удовлетворилась мама моими объяснениями, и мысленно матернул Владимира вместе с его племянником, ведь чувствовал, что в деревне надо появиться в полной форме. Вон как гордо носил форму Василий Сысоев, которого встречал отец аж в Орловке. 60 километров и из них половина пути по болоту. На плечах погоны старшины. Хорошо служил земляк. Я тоже мог бы надеть погоны старшего сержанта, так как был представлен к этому званию, но надо было ещё подождать неделю, а в Москве идёт фестиваль Молодёжи и Студентов, так хотелось посмотреть! Меня начальник штаба хотел торознуть на месяц:

— Северные районы демобилизуют в течение месяца с 1 августа по 1-е сентября. Вот и будешь демобилизован 1 сентября.

Но штабным писарем был мой бывший курсант полковой школы в Улан-Удэ, пока нас не разогнал товарищ Хрущёв. Благодаря ему, Хрущёву, мы оказались в Москве. Эту историю расскажу позднее, а пока стою по стойке «смирно». Писарь воскликнул:

— Но, товарищ подполковник, документы уже подготовлены все, и вам осталось только подписать солдатскую книжку.

Подполковник выругался и подписал книжку. Я бегом на электричку и в Москву. От станции Лось до Москвы полчаса езды до Ярославского вокзала. Побродил по площадям столицы и вернулся в часть. На КПП сказали утром:

— Тебя видел начштаба и приказал больше не пропускать.

— Ну что ж, буду спать на вокзале...

Василий Сысоев подошёл к нам и сказал, что ждёт завтра, 3 октября, на торжество по случаю возвращения со службы. Мама тоже посоветовала сходить, проветриться, с друзьями повстречаться. Афанасий привозил почту и сказал, что из армии вернулись Пётр Епимахов, Николай Голиков, Иван Лаптев. Первых двух хорошо помнил, играли вместе, вместе в школу собирались, и интересно было повстречаться с ними. У меня же никакой гражданской одежды не было. Мама купила рубашку, а брюки и курточку натянул брата Анатолия. Встреча была пьяной. Пока мы собрались к Василию, Николай с Петром были никакие. Я всю старался удерживать ребят, но бесполезно, да и матери их старались нас накачать на радостях, ведь три года не виделись. Я пил

мало. До армии я совсем не выпивал и сейчас только пригубливал бражку и восторгался вкусом. Умеют её здесь варить, выпьешь и ещё хочется. Но мне не хотелось уподобляться Петру — выпьет стакан и в отключку, т. е. спит. Зачем пить, если всё время спать — этого я никогда не мог понять.

На вечер собралась почти вся деревня. Никогда не думал, что в такой дом может войти столько людей. Хозяин дома Сысов Михаил Константинович поблагодарил всех гостей за то, что пришли порадоваться вместе с ними возвращению сына из армии и поздравить родителей, дождавшихся своих сыновей живыми и здоровыми, и которые сейчас сидят с нами за столом, со своими счастливыми матерями, и очень жаль, что не приехала Марфа Прокопьевна, которая по известным причинам ждала своего сына десять лет. И дождалась, как сказано в писании: «Блаженны ждущие, ибо они дождутся», и мы дождались, хотя переживаний было много, ведь события в Венгрии нас потрясли, и мы не надеялись на такой мирный исход. Мы знали, что к соседям стали поступать гробы и ожидали худшее... но Бог милостив, и вот мы здесь собрались, чтобы отдать честь живым.

Вечер прошёл прекрасно. Далеко за полночь все успокоились, разошлись по домам.

— Сегодня даже Сергей ни на кого не задрался, — сказал Михаил Константинович. — Как это тебе удалось так тихонечко увести его домой, а главное, и там не скандалил, по крайней мере, никто не убежал из дома, — обратился он ко мне.

— Да поговорили солдатики с ним, и он понял, что никто его здесь не боится, и успокоился.

Мы легли с хозяином на одну койку. Рано утром передали сообщение, что в Советском Союзе запущен первый искусственный спутник Земли. Утром с гордостью провозгласили первый тост за нашу Великую Родину!

У меня навсегда осталась в памяти эта дата и место, где я находился в то время.

Язык до Киева доведет

Песчаное. Лёхе показалось, что краше этого озера он ещё не видел. Полукругом, на одну треть, его охватывал посёлок лесников, тоже названный Песчаным. Остальную часть высокого берега

занимали вековые сосны. Вода в озере светлая, мягкая, щелочная и к питью не пригодная. Рыбы нет. Женщины брали воду только для стирки. Сразу у берега глубина достигала три и более метров. Бросишь монету, она, кувыряясь, медленно опускается на дно и лежит на песчаном дне вроде бы совсем рядом, нагнись — и монета твоя. Ан нет, Лёха не смог достать, даже когда нырнул за ней. Вода ласково обволакивала тело и не хотелось долго выходить из неё. Клуб стоял на самом берегу озера, на этом естественном пляже. У самой кромки воды стояла электростанция. КЭС-5 с двигателем ЛЗ\2 и генератор мощностью 750 ватт.

А оказался здесь Лёха неожиданно — негаданно. Он поступил в дорожно-механический техникум и вдруг встретил своих друзей, учившихся на курсах киномехаников. Геннадий Горбунов хотя был старше Лёхи на целых пять лет, но предпочёл дружить с ним. Ходили на рыбалку — силять щук. Геннадий научил Лёху плести силышки из конского хвоста. Делалась петля, одним концом привязанная к длинному пруту-удилищу. Медленно шли по берегу, стараясь, чтобы тень не падала на воду. Увидев стоящую щучку, медленно опускали удилище с петлёй и старались её завести за голову щуки. Если удавалось завести, делали резкий рывок вверх — и щука на берегу. Никогда Геннадий на правах старшего не брал себе больше, только делилась рыбка поровну. Вместе с Геннадием ходили за шишками. Лёха убедился, что Геннадий совсем не трус, как считали его ровесники. Если рядом стояло несколько кедров, то он не спускался на землю, а раскачивал верхушку кедры, на которую взобрался, и делал прыжки на макушку соседней кедры. К этому приучил и Лёху, который был легче и прыгал по веткам, как белка.

И вот встреча в Томске. Киномеханики уже окончили учёбу на курсах и собирались по домам. Геннадий стал звать Лёху в Колпашево Но Владимир Станкевич из Кургаска возразил:

— Ну зачем ему в Колпашево, давай сразу в Новосибирск. Пойдём сейчас к начальнику управления кинофикации и дадут направление в школу киномехаников. Там учатся со всей Сибири и Дальнего Востока.

Но Лёхе захотелось пообщаться с Геннадием, и он решил ехать с ним в Колпашево. Геннадий рассказал, что все они теперь живут в Песчаном, и Булыгины тоже там. Сам Василий

Яковлевич работает сейчас заведующим клубом, что очень позабавило, ведь Булыгин всегда работал парторгом, наверное, с 30-х годов. Он был в Тайге парторгом и именно он принёс чёрную весть о гибели отца. Когда умерла его жена, он женился на сестре Геннадия Евдокии. Евдокия родила ему сына Валерия, с которым Лёха любил возиться, когда учился в Айполово. Там Евдокия была директором интерната, а Василий Яковлевич — снова парторгом. А теперь в культуру подался — освобождённых парторгов теперь в посёлках нет, вот и приспособливаются, как кто сможет.

Вот и захотелось Лёхе повидаться с земляками. Да и Геннадий настойчиво звал — будем опять вместе, а учёба от тебя не уйдёт, какие ещё твои годы.

В Колпашево приехали утром и сразу пошли в отдел кинофикации. Начальник отдела Меркулов побеседовал с Лёхой, задал несколько вопросов по устройству двигателя внутреннего сгорания и его сразу приняли мотористом кинопередвижки. С Виктором Кузивановым, с которым вместе ехали из Томска (он тоже учился на курсах) они поехали в Новоильинку. Геннадий сказал, что немного отдохнёт и будет принимать передвижку — вот тогда он приедет к нему. Хотя Лёха был недоволен таким оборотом дела, но делать нечего, раз стал киномехаником, надо начинаться.

Получили в кинопрокате кинофильм «Волга-Волга» и поехали. У Виктора в поселке жила мать. И вот первый рабочий день на поприще кино.

Виктор дал Лёхе книжку билетов и поставил у входной двери — торгуй. Заметив его стеснительность, неуверенные действия у двери, группа молодых парней нагло отодвинули его в сторону, пригрозив и прошли в зал без билетов. Виктору, подошедшему узнать как дела, Лёха рассказал про парней. Виктор был местный, среди своих пользовался авторитетом и быстренько разобрался с ними. Порядок был восстановлен.

После кино мать покормила их ужином, но в ночлеге Лёхе отказала. Видимо, подумала, что у него могут быть вши или что другое. Лёха видел, что Виктор неудобно себя чувствует, успокоительно помахал рукой и направился к клубу. Ключи от замков клуба ему отдал Виктор. Клуб располагался в центре села. Это

была церковь, приспособленная под клуб. Даже купола не сброшены, только кресты сняты.

— Ну что, раб Божий Ляксей, привыкай, сам выбрал себе такую жизнь, — сказал сам себе Лёха и стал сдвигать скамьи, делая постель. Положил противопожарную ткань, на неё экран, благо он был полотняным и экраном же укрылся. Но заснуть сразу, как он умел, не смог. Напали какие-то страхи. В здании слышны какие-то шаги, движения, хлопанье двери, хрипы, стоны. Нет, так дело не пойдёт, надо вставать. Проверил крючки на дверях, проверил окна. Кто-то ходит наверху под куполом, прямо ужас начал пробираться. Вспомнился «Вий» Гоголя, его героя, умершего от страха.

— Нет, так нельзя, — громко выкрикнул Лёха и с молотком в руке обошёл сцену, подсобные помещения. Нашёл дверь, ведущую на лестницу купола. Взошёл наверх и увидел решетчатый ставень, который от действия ветра двигался взад-вперёд, а в пустом зале, да ещё ночью, слышны хлопанье дверей, шаги. Облегчённо рассмеялся, страх моментально улетучился. Посмотрел на спящую, угомонившуюся деревню, подбил молотком торчащий гвоздь и плотно закрыл ставень, закрепив гвоздём. Прошёл в зал, лёг на приготовленное ложе и сразу уснул.

Неделю проехали с Виктором по деревням и стал просить Виктора отпустить его в Песчаное.

— Да ты что, это же пешком надо идти от Колпашево 60 километров. Дорога тебе неизвестная, как идти? Есть весной дорога и водным путём, но сейчас только пёхом.

Но отпустил.

Из Колпашево утром рано Лёха почти пробежал 8 километров до Тогура. А дальше иди туда, не зная куда. Спросил у одного дедка:

— Не подскажите, где идёт дорога на Песчаное?

— Где-то вниз по Оби. Слышал, что надо через Кеть переехать, а там ещё километров полсотни.

Переехал Кеть и в посёлке Рейд спросил, где дорога. Махнули рукой и Лёха бодро зашагал в том направлении в неизвестность. Хорошо, что Виктор рассказал мне какие должны быть посёлки на пути. Вначале будет посёлок Север, а потом Комарово, Чёрный Мыс, Ломовая, Пиковка и через километров двенадцать твоё Песчаное. А откуда заходить — он не знает.

— Ничего, язык до Киева доведёт, — и Лёха двинулся по просёлочной дороге. Видно, что луга заливные. Какое разнотравье! Небо синее-синее, солнце теплое, птицы распевают. Красота! Часа через полтора лёгкого, быстрого хода Лёха забеспокоился. Ведь уже должен быть Север по времени, а никаких признаков на горизонте, чтобы где-то была деревня — не видать. Вдруг увидел, что навстречу идут две женщины. Приободрился — значит, есть живые люди. Спросил про Север.

— У-у, милый, да ты идёшь совсем не туда. Здесь дальше-то и дороги нет никакой. Надо идти на Север-то через посёлок Шпальный, что за лесозаводом. Пошли назад.

Дорогой она мне рассказала, что приходилось ходить пешком в Пиковку. От Тогура до Пиковки 40 километров считают, а там 12 километров до Песчаного хорошая лесовозная дорога.

— Сейчас переедем реку у Рейда и иди прямо берегом до Шпального. Иди прямо по деревне, не сворачивай и дорога пойдёт по берегу Кети до самого перевоза, а там и Комарово рядом. Дальше не заблудишься, одна дорога до Пиковки, а там спросишь, куда на Песчаное.

Огорчился, ещё не ел и становилось тоскливо на душе, до вечера трудно мне будет, но, может быть дойду.

На этот раз дошёл до перевоза без приключений. Паромщик взял рубль за перевоз и, расспросив Лёху — куда и зачем идёт, подробно рассказал, как идти дальше. Перехватив голодный взгляд Лёхи на лежащий на столе хлеб, усмехнулся и, отрезав горбушку хлеба, налил в кружку смородинового чая.

— Небось, сегодня ещё не ел?

— Не пришлось ещё.

— Да, парень, не верится, что сегодня ты сможешь дойти до места.

Лёха побарахтался в воде, вспомнив, что всегда купались на Окунёвке, когда ходили пешком из Айполово в Новый Васюган. Оставалось километров пять, прыгнем в воду и как будто заново на свет народился, так освежала водичка.

Полегчало, конечно, но впереди ещё 30 километров. Слишком много пробегал лишнего. Засветло не дойду, так придётся может быть, в копне ночевать.

Прошёл Север, Комарово, вот и Чёрный Мыс. Идти надо ещё далеко, а солнце уже за кусты цепляется. Попрошусь, может быть пустят ночевать. Никто даже слушать не хочет. Зашёл в две предпоследние халупы, думал, раз плохонькие избушки, то люди в ней помилосерднее живут. Куда там, даже на порог не пустили. На самом краю деревни стоял красивый, обихожанный дом. Вдруг на него навалилась такая усталость. Он едва передвигал ноги.

Ну, сюда и пытаться заходить не буду, раз уж в такие домишки не пустили, — подумал Лёха и поплёлся мимо дома.

— Молодой человек, молодой человек, идите сюда, — услышал он женский голос.

Повернулся и увидел миловидную женщину, стоящую у ворот и приветливо улыбающуюся.

— Я видела, как вы заходили в дома, наверное просились переночевать и никто не пустил?

— Да.

— Заходите, — пропустила его в калитку, — переночуете у нас. Куда это на ночь глядя направился?

— В Песчаное.

— Да до него ещё 25 километров! Даже больше, ведь по Ломовой надо идти только 5 км.

Она собрала быстро на стол картофель, огурцы, хлеб, молоко.

Сама расспрашивала. Очень удивилась, когда узнала, сколько уже прошагал. Постелила постель под фикусом. Когда-то дома у матери Лёха спал под таким растением. Тепло, šťastливо улыбнувшись хозяйке, Лёха внезапно провалился в сон.

Утром рано Лёха соскочил и хотел сразу бежать, но хозяйка принесла из погреба холодного молока, дала краюху хлеба и заставила съесть.

Отдохнувший, сытый, Лёха шёл очень ходко и эти 15 километров до Ломовой прошагал часа за полтора. Деревня Ломовая, растянувшаяся на несколько километров, представляла из себя хуторские постройки. Недалеко от неё большое село Пиковка. Спросил у тамошней ребятни дорогу на Песчаное.

— Иди всё прямо, не собьёшься.

Вот и Песчаное. Лёха любовался красотой озера, его белоголубой водой. Так захотелось ему сбросить всё и залезть в

воду, но вдруг услышал высокий голос матери Геннадия. Надо же, 5 лет не слышал, а сразу узнал!

Пошёл на голос, перешёл улицу и увидел тётку Анну.

На семейном совете собралось восемь человек, решили, что никуда больше не пойдёшь, а останешься здесь работать с Геннадием — ему как раз моторист нужен.

В маршруте 5 посёлков: Песчаное—Пиковка—Пашкино—Плотбище—Зайкино. Это летом, а зимой ещё Кальджа и Центральное в 50 км от Песчаного. Песчаное — в центре, и получается, что от Зайкино до Пиковки — 12 км, от Пиковки до Песчаного — 12 км, от Пиковки до Пашкино — 12 км. Везде леспромхозы, только в Зайкино колхоз и нефтебаза.

Все повеселились Лёхиным приключениям. Позднее Лехе рассказывали, что Чёрный Мыс славился тем же, что у них Власово.

«ЦОБ-ЦОБЕ!» ИЛИ ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ КИНОМЕХАНИКА

Жара стояла невероятная. С паутами и оводами. Они атаковали беспрерывно. Особенно этим отличались желтые и полосатые. Леха Шалыгин поймал одного, измерил — три с половиной сантиметра.

Ехали они на быке. Они — это Леха, киномеханик, и моторист кинопередвижки Петька Типсин. Петька невысок ростом, коренаст. Роскошные черные кудри ниспадали до плеч, небольшие круглые серо-голубые глаза наивно смотрели из-под густых сросшихся смолистых бровей. По мнению Лехи, они совсем не подходили ему: «Ему бы надо большие и карие». Так думал он при первой встрече, когда принял его вместе с кинопередвижкой. Старый киномеханик ушел в это время в отпуск. На два месяца.

До армии Леха один год работал на этом маршруте, и через четыре года захотелось ему посмотреть, как стали жить люди, захотелось встретить своих старых друзей. Да и дела сердечные были. Слышал, что те, с кем дружил, повыходили замуж. И вот месяц уже пролетел. За это время ему вновь удалось приучить зрителей к точности. Они знали, когда в поселке будет кино, его название и время демонстрации. От этого часа он не уклонялся ни на минуту, заранее согласовав с местным начальством.

Транспорт в образе быка достался сегодня из-за Петьки. Отличный баянист и гармонист, развеселый характером — девушки за ним, как говорится, гужом.

Каждый приезд киномехаников был праздником. В то время — конец пятидесятых — танцевали все вместе, и стар и млад. Петька играл прекрасные вальсы, фокстроты, танго, цыганочку, барыню... Часа через два уходили пожилые, от души благодаря за доставленное удовольствие. Потом удалялись молодые семьи, и, наконец, часам к трем ночи оставалась одна молодежь.

Бригадирами было заведено: придешь на хозчасть к шести утра, можешь получить выездного жеребца для переезда в другой поселок, придешь к семи — получишь хорошую рабочую

лошадь, к восьми достаются коняги похуже, а если еще позже — получишь клячу или быка.

— Пойду, сосну пару часов, надо бы пораньше в Сугот приехать, — сказал Леха Петьке, — будем делать перетяжку двигателя.

— Ну поспи. Я сегодня спать не собираюсь и в шесть часов как раз буду на хозчасти.

Поверил ему Леха и пошел спать... Проснулся он от солнечного луча, пробивающегося прямо в глаза сквозь дырку в крыше. Посмотрел на часы. Мать честная! В это время должны уже быть в Суготе, что за расстояние 12 километров для жеребца.

Соскочил он с сеновала и бегом на хозчасть. Петьки нигде не видно. Бригадир уже ушел завтракать, а «кинщикам» велел выдать быка. Он единственный и остался.

— Будете брать? — спросил конюх, — а то тоже пойду завтракать.

Делать нечего, киносеанс в соседнем поселке объявлен. Проклиная Петьку, Леха взял запряженного быка и повел его к клубу.

— Ты, слышь, бригадир сказал, что возчика вам сегодня не даст. Быка заведите бабке Макарихе, она сегодня хотела картошки дочери привезти, вот и пригонит его обратно.

— Ладно, — Леха знал эту агрессивную и крикливую старушку.

Петьку он еле-еле разыскал. Тот крепко спал, обнявшись с Таней, девушкой, приехавшей на каникулы из Томска. Леха схватил ковш, зачерпнул воду из бочки и вылил на оголенное Петькино тело. Посмотрев на его растерянное лицо, Леха махнул рукой и пошел к клубу.

Бросив взгляд на быка, Петька понял, что виноват и молча стал грузить аппаратуру.

— Ты прости, капитан. Не помню, как уснул...

Капитанами он называл всех киномехаников, с которыми работал.

— А у Татьяны фигурка-то — божественная! Ты хоть попросился с ней?

— Да зачем? В Суготе Надюха ждет. Увидишь. Еще красивше!

— Ну, даешь, Казанова.

Поехали. Порадовались, что бык идет ходко, и часа через три будут на месте. Успеют перетяжку мотору сделать. Петька заворчал:

— К чему каждый месяц движок перетягивать? Не стучит же...

— Ну, братец, когда застучит, поздно будет.

Тут бык вдруг хлопнулся со всего размаха на бок.

— Вот гад! — заорал Петька. — Нам дали того, который оглобли ломает!

Оказывается, этот хитрец падал на оглоблю и переламывал ее. Особенно если женщины ехали на нем. Но им повезло, оглобля осталась целой. Петька схватил стежок и стал лупить быка по бокам, по хребту, по голове. Полное игнорирование, словно не его молотили. Тогда начали крутить хвост, аж до хруста. Никакого эффекта. А пауты заедали. Через час-полтора после безуспешной попытки Петька упал на быка и начал его гладить, говорить ласковые слова, просить прощения. Но тщетно. Всего с километр не доехали до лога, в котором была вода. Петька взял ведро и побежал туда. Через полчаса принес коричневой жижицы, и бык с удовольствием ее выпил.

— Ну давай, миленький, давай, Чернышок, вставай!

Безрезультатно. Петька снова озверел, и снова началась экзекуция, пока не выдохся.

— Петька, давай заведем мотор и с постоянника снимем десяток вольт, ему и хватит. Не убьет, но, может, поднимет.

Петька с радостью схватился за это предложение. Быстро разматал провода, один конец подвел под хвост, другой — на клеммы генератора. Дернули ручку мотора, и едва успели вскочить в телегу. Бык подпрыгнул и громадными скачками понесся по дороге.

— Если так, то через полчаса в деревне будем! — радостно орал Петька.

Но рано ликовали. Про мосток забыли. Бык как добежал до него, так круто отвернул и прямо в лог. Напрасно Петька натягивал вожжи и орал «Цоб!». Врюхались в самую няшу. Леха успел спрыгнуть, а Петька исчез. У быка торчали только ноздри. Леха с криком «Петька!» бросился в эту коричневую жижу. В этот миг вынырнул Петька. Его роскошные кудри превратились в огромную кочку. Вытаращенные глаза смотрели будто сквозь щель косяги. На ухе повис стебель с листом кувшинки. Леха подал руку, вытащил его на телегу, урча, согнулся пополам.

Петька сначала подумал, что Леха плачет, но, присмотревшись, понял, что того душит приступ смеха. Петька обиделся.

— Чего ржешь, ногу вожжами захлестнуло, еле вывернулся из-под телеги.

Леха быстро открыл крышку проектора и снял зеркало — контроражатель:

— На, посмотри на себя, жених! Вот бы такого увидели тебя твои невестушки!

Петька глянул и воскликнул:

— Ангидрит твою перекись марганца!

Проохотались и начали горевать. До поселка — километров пять. Надо нырять и распрягать быка. А тот шумно отдувался, веер брызг взлетал вверх.

— Ну, язви его, прямо как кит. Давай, Леха, еще заведем мотор, шарахнем все 110 вольт, и пусть «за все хорошее» он останется в этой тине. Скажем — захлебнулся.

Только мотор чихнул, как бычара взвился столбом и в несколько секунд вымахал на берег. Ящики были плохо закреплены от крутизны съехали в няшу. Ушла следом и электростанция.

— Петька, быка держи, чтобы не убежал!

Электростанцию привязали за вожжи, и бык помог вытащить. Потом нащупали ящики и вытащили на берег. Посмотрели друг на друга — и снова смех до икоты. Только вроде затихнут, как кто-то покажет пальцем на другого, и снова хохот. Нашли под корягой воду, обмыли аппаратуру. Нашли все, кроме реостата.

— Ну что ж, Казанова, ищи реостат!

Больше часа Петька лазал по дну, но бесполезно.

— Нет его здесь, я уже каждую ямку обшарил.

— Да черт с ним! Замкнем постоянно проводком, обойдемся. Вылазь!

Не успел Леха это проговорить, как увидел реостат. Тот запутался проводком за спицы колеса и висел под телегой. Немного поматерились и начали собираться. Леха сцедил полведра воды из радиатора электростанции и дал Петьке пополоскать голову.

На удивление, бык охотно пошел по дороге. Вечерело, и жара немного спала. У околицы села их встречала нетерпеливая толпа молодежи и разгневанная бабка Макариха с батогом...

ЧАСТЬ 2.

***ЖИТЕЙСКИЕ
ИСТОРИИ***

А ЛАГУН-ТО ПУСТОЙ!

Беркутовы готовились к юбилею — Марии Илларионовне исполняется 60 лет, её супругу Кузьме Ильичу — 70. Мария Илларионовна попросила зятя Петра купить 15 килограммов сахара, чтобы поставить бражку. Отменная получалась бражка у Илларионовны, гости с удовольствием выпивали её, отодвигая рюмки с «базарским» пойлом. Зная об этом, она сказала, что ни вина, ни водки брать не будем, пьют брагу, ну и пусть пьют на здоровье, и нам экономия. У них был 3-хведёрный лагун, говорили, что дубовый, привезённый ещё с Алтая. Илларионовна накипятила воду, развела сахар, приготовила сусло, и всё вылили в лагун, положив туда и дрожжей. Пётр поставил лагун на русскую печь и к вечеру он уже зарокотал. Дед Кузьма следил, чтобы не выбило пробку. Пётр крепко забил пробку, газ стремился выдавить её, но лагун, хотя и трясся, выдерживал такое колоссальное давление. Через сутки лагун с печи сняли, Илларионовна обмазала тестом всю пробку, и Пётр спустил его в подполье, прямо против лаза, чтобы Илларионовна могла контролировать целостность пробки, уж очень Кузьма Ильич был ненадёжен, всегда покушался на этот «запретный плод».

Кузьма Ильич обычно к вечеру уже требовал снимать пробку, но здесь приговор Илларионовны — открыть лагун только в день юбилея. Приходилось помалкивать. Пару дней он лежал на своей лежанке около русской печи, побряхтывал. Обычно в деревенских домах русские печи стояли сразу влево от входа, у них — вправо и полатей не было, слишком низкий потолок. Крышка в подполье была в кути, и Мария Илларионовна, прежде чем затопить печь, приоткрывала крышку и смотрела на пробку. Дня через 2–3 вдруг запахло бражкой, и дед Кузьма стал весёленьким. Первым делом кинулись посмотреть лагун. Стоит целёхонький, на тесте ни трещинки.

Илларионовна устроила шмон, как сказал дед Кузьма, но ни бутылки, никакой другой ёмкости обнаружено не было. И караулили его, и чуть ли не обыскивали проходящих соседей, думая, что из них кто-то приносит — бесполезно. Дед Кузьма

даже песни мурлыкать стал: «Сосновые клёпки, дубовое донце, не чурайся, моё сердце». Эту песню он пел Илларионовне на заре «туманной юности». Она уже и в магазин ходила, спрашивала, не брали ли деду спиртного под запись. Продавцы клялись, что дед, слава Богу, уже месяц у них не был. Осталось до юбилея два дня, Илларионовна стала увещевать Кузьму Ильича:

— Перестань, ради Бога, выпивать, хотя гостям покажись трезвым.

— Всё, мать, сегодня с утра завязал, выпил последний маленький глоточек.

И, правда, два дня дед был совершенно трезвый, суетился, помогал вовсю готовиться домашним к юбилею.

В день юбилея Илларионовна сказала Петру:

— Скоро гости начнут подходить, слазь в подпол, да налей ведро бражки, чтобы при гостях не лазить.

Пётр спустился в подпол, разбил засохшее тесто на пробке-затычке. Он взял с собой небольшой табурет, чтобы поставить на него лагун для удобного выливания браги в ведро. Лагун был тяжеловат, когда ставил его сюда. Он поднатужился, чтобы поднять лагун на табурет, и чуть не упал, если бы лагун не задержал, ударившись в пол.

— Мать, лагун-то пустой! — крикнул зять.

Обследовав лагун, обнаружили в дне его воткнутый шланг. Оказывается, дед Кузьма, когда никого не было дома, залез в подпол и просверлил дно в лагуне, вставил шланг, протянув его под русской печью к лежанке. Приделал снизу лежанки крючок и подцеплял шланг к нему. Пососёт, завяжет шланг и на крючок. За 3,5 недели он полностью осушил этот лагун.

БЛАГОСЛОВЕННАЯ

Анна Болеславовна Афолина — моя одноклассница. Мы с ней учились в Айполовской семилетней школе. С тех пор уже свыше 60-ти лет мы не общались. Это целая жизнь. Так хочется узнать, есть ли кто ещё живой из наших одноклассников. Вроде Зоя Попкова (девичья фамилия) живёт в Кемеровской области, а другие все уже ушли в мир иной. Буду рад, если ошибаюсь. Все мы — дети войны, перенёвшие голод, холод и унижение...

Из нашего класса мало кто окончил высшее учебное заведение, так как учиться ехать было не в чем и не на что. Запомнились три Владимира, которые получили высшее образование: Тагаев — геолог; Седельников — военный, генерал-лейтенант, военный атташе на Кубе; и Малетин — военный, полковник. Думаю, ещё одна девочка из нашего класса — Тамара Игнатова имела возможность получить высшее образование. Но судьба её мне не известна. Все мы, одноклассники, вправе говорить, что «мой возраст был в детстве войной измаян».

Где душа нашла приют

Отец Анны Афоной Болеслав Якис из обрусевших литовцев или, как в деревне называли, литвинов. В Сибири он родился, так как ещё деды были высланы сюда за участие в восстании поляков. Точно не знаю, участвовал ли он в гражданской войне, но в Красную Армию был призван, и служил на Дальнем Востоке до 1923-го года. Вместе с ним служил Егоров Андрей, земляк, который много рассказывал ему о богатом Васюганском крае. Вместе с ним пришли со службы, вместе погуляли, перезнакомились с роднёй. С этих пор его хорошо узнали в Кыштовском районе Новосибирской области, а также на Васюганской земле. Он был столбярком высокой квалификации, и его руками изготовленную мебель до сих пор можно найти в деревнях Черновке, Орловке и в

самой Кыштовке — районном центре, а до революции — в уезде. Как он попал в Айполово, точно неизвестно, но по одной легенде, он, оставив свою жену с сыном, сбежал с чужой женой в «остяки», т. е. в край Васюганья, где жили Егоров с семьёй и знакомые ханты, приходившие изредка из-за болота по приглашению купцов. «Чужая» жена — это Саломея из семейства Ижболдиных. Белокурая, белотелая, голубоглазая, весьма привлекательная женщина. На Игольской земле жили Ижболдины, родня Саломеи. Такие же белокурые, голубоглазые дети сидели за столом, когда зашёл к ним. Ощущение было такое, словно я увидел полянку с незабудками. И даже много десятилетий спустя, когда я читал стихи Никона Сочихина, прочёл: «В сырой осоке незабудки глазами синими глядят», мне вдруг припомнилась эта сцена, увиденная мною в далёком детстве.

Болеслав Якис хорошо узнал эту местность по рассказам Андрея Егорова и мечтал побывать на Айполовских ярмарках, где хорошо можно было реализовать свои изделия. Эти ярмарки проводились дважды в год — зимой и летом. Якис думал получить много заказов от местных жителей на свои поделки, особенно от русских: купцов, промышленников, учителей и другого люда, по воле случая оказавшихся здесь, вдали от цивилизации. Айполово было центром довольно большого края, на территории которого в тридцатые годы было образовано несколько сельских Советов, в том числе Айполовский, первым председателем стал Кунгуров. К сожалению, имя его не запомнил, но 40–50-е годы председателем сельсовета был его сын Кунгуров Вавила. Вторым председателем сельсовета после Кунгурова был избран на этот пост Якис Б.М., значит, хорошим авторитетом пользовался Болеслав Мартынович (Мартинovich), если ему было доверено руководить таким большим краем. В 1927-м году его сменил молодой охотник — хант Могутаев Вениамин (реализация политики выдвижения к руководству национальных кадров).

У четы Якисов в Айполово родились Григорий, Екатерина, Александр, Георгий, Анна, Мария, Елизавета. Была ещё одна девочка, но она умерла в младенчестве. Мама большого семейства Саломея Гавриловна стала часто болеть и в первые годы ВОВ она умерла. Все тяготы семейной жизни легли на неокрепшие ещё плечи Кати, которой не было и 17 лет. Отец как-то от воспитания

детей отстранился, а одной Кате это была непосильная ноша. Анна вспоминает, что бывшая учительница Чис Варвара Ильинична написала письмо в РОНО или СОБес о бедственном положении семьи, приехали, посмотрели и Аню, Машу и Лизу забрали в детдом, который находился здесь же. Маленькую Лизу Катя попыталась оставить с собой, но директор детдома Потуремский Т.С. пообещал, что пусть немного побудет с сестрёнками, а потом посмотрим. Детдомовский контингент — это дети из оккупированных территорий и дети ссыльных, родители которых умерли от голода и болезней.

Аня — старшая, и считала себя обязанной защищать сестёр и себя от нападков группы хулиганствующих воспитанников. Она коршуном налетала на обидчиков, несмотря на то, что порою они были старше её и сильнее. Сколько раз её избивали жестоко, но Аня и не думала поддаваться угрозам и отчаянно защищалась.

Её заметила работница детдома, высланная из Прибалтики, Ванаус Елизавета Ивановна. Эта беленькая, голубоглазая и озорная девочка очень нравилась ей. Однажды Аня после очередной драки убежала из детдома. Но это не центральная Россия, где забрался в товарняк, и... «застучали по рельсам колёса». Здесь бежать некуда. Аня выкопала ямку в снегу, чтобы лечь и умереть, как мама. Елизавета Ивановна шла с работы и наткнулась на неё. Она привела Аню домой, обогрела, смазала ей «боевые» раны и царапины, и приняла решение Аню удочерить.

«Бои местного значения» со старшими девочками и угрозы расправиться с ней продолжались до тех пор, пока в 1950-м году детдом не перевели в село Средний Васюган, и начались дни благоденствия. Теперь никто не грозит, о драках позабыто, как и о своих дружках-хулиганах, кто её защищал.

Елизавета Ивановна была всесторонне развитой, образованной женщиной. Она, казалось, умела всё: и вкусно приготовить, и сшить, связать, хорошо играла на гитаре, пела, и, как выяснилось много позже, играла на фортепиано, когда проводила занятия с молодёжью посёлка в клубе, изучая танцы народов страны в методической литературе, поступающей в клуб.

Когда перевели детдом в другой посёлок, Елизавета Ивановна стала шить одежду для интерната народов Севера, а также выполнять заказы для местных модниц. Аня с удовольствием

осваивала уроки шитья, вязания и всего того, что умела и могла новая её мама, прошедшая школу домоводства в Эстонии. Если что не получалось, Елизавета Ивановна терпеливо заставляла переделывать работу, показывая, какой шов должен быть ровным и как должно выглядеть изделие.

Внешне Аня очень изменилась, теперь это чистенькая, ухоженная, прямо пай-девочка. Но попробуй, тронь — отпор получишь мгновенный. Умела девочка за себя постоять. По окончании семилетней школы Елизавета Ивановна сказала дочери: «Надо учиться дальше, пиши заявление директору школы в Новом Васюгане». До райцентра по реке 50 километров, а зимником 20, но летом, осенью и весной добираться до школы можно только пешком. Тогда не было у людей лодочных моторов, а на обласке время в пути ещё больше затратишь, и все в основном ходили пешком. И так Аня со товарищи отходила в школу три года. Аня почему-то хотела учиться в Ленинградской сельхозакадемии, получила из академии вызов, но внезапная болезнь матери — и выезд пришлось отложить. Время было упущено. Выйдя из больницы, Елизавета Ивановна посоветовала дочери поступить хотя бы в техникум. Аня с радостью, не задумываясь о материальном благополучии, выехала в Томск. Она была уверена, что её, как бывшую воспитанницу детдома, не оставят без внимания в облсобесе, помогут материально и обеспечат квартирой. Там же сказали, что раз тебя забрали из детдома, то тот пусть и заботится о твоём содержании. Этого они с матерью не ожидали, а денег у них было только на дорогу. Аня упорно каждый день с утра до вечера приходила в собес, но жестокосердие областных чинов не могла пробить. Голодно пришлось Ане: еда — кусочек хлеба и вода. Для ночёвки нашла заброшенный сарай и спала там, пока не была направлена от техникума железнодорожников в колхоз Бакчарского района. Теперь о еде и где поспать не приходилось беспокоиться, только о работе, а её Аня никогда не боялась. По окончании работы в колхозе она была зачислена в техникум на отделение автоматики и телемеханики. Колхоз прислал на техникум Почётную грамоту и премию для Якис А.Б.. Это были для неё большие деньги, и она сумела купить для себя необходимое для студенческой жизни.

Повороты судьбы

Аня училась хорошо, а это гарантия получения стипендии и сносного существования. Как говорится, не до жиру, быть бы живу.

По окончании учёбы в техникуме Аня была направлена на работу в город Барнаул на железнодорожный транспорт электро-механиком по автоматике и телемеханике. При получении отпуска Аня сразу решила съездить к подруге-однокласснице Софье Кефел-Оглы в г. Сухуми. Софья вышла замуж и сменила фамилию на Ригвава. Хорошо отдохнула, загорела, Анна вернулась в Барнаул. Даже захотелось поверить сёстрам Маше и Лизе, которые говорили, что Ане так повезло в жизни, повстречав такую женщину, как Елизавета Ивановна. Аня — это благословенная Богом девочка. Но в Барнауле её ожидала такая встряска, от которой она долго не могла придти в себя. Её непосредственный начальник при осмотре ж. д. транспорта попал между двумя вагонами, и его размазало на рельсах. Аня не могла себя заставить работать на прежнем месте и попросила перевода на другой участок или вообще на другую работу. Ей предложили работу

электромонтёра на хлебокомбинате и квартиру в центре г. Барнаула. С радостью согласилась. Ведь иметь собственную квартиру в городе — это давнишняя её мечта, которая может сбыться, если она пойдёт в монтеры. Конечно, да! Вот обставит всё в квартире, как надо, можно и за мамой съездить в Айполово. Вдруг получает письмо от Афонина Сергея, бывшего детдомовца из Айполово, который просит разрешения приехать в гости. Детдомовцы — это особое корпоративное братство, и, конечно, Аня была рада повидаться с ним. Встретились, поговорили, погуляли по городу. Сергей предложил Ане выйти за него замуж. Она колебалась, чтобы стать женой, надо бы полюбить человека, а Аня не испытывала ничего такого, чтобы представить этого парня в одной постели с ней. Но Сергей сумел убедить её, что его любви хватит им до конца их жизни. Аня соглашается и в 1959-м году она снова в Томске. Опять ни своей квартиры, ни приличной работы ей. Мама была против этого брака, она хорошо помнила этого подростка, и он ей был не по душе. Но Аня уже приняла решение, а это значит, что ей никто не указ. Таков её характер.

На работу Аня устроилась в строительный институт, но квартиры там не светило, и она принимает решение перейти на работу в строительный трест.

Работать она начала в техническом отделе треста. Не думала в то время Анна, что в этом отделе она проработает до самого выхода на пенсию.

Обещанной любви до конца жизни не получилось, хотя Анна родила двух сыновей — Константина, а через пять лет Андрея. Любви нет, зато есть попреки, сцены необоснованной ревности. Анна поняла, что с таким мужем не пойдёшь ни в пир, ни мир, ни в добрые люди, и принимает решение — разойтись.

«Года, как птицы в осень, улетели»

Да, года улетели, но остались воспоминания. Разве можно забыть эпизоды в жизни, как выезды на природу с сыновьями и сестрой Машей, их ночёвки в палатках у костра, или как она в первый раз сходила на рыбалку, когда приезжала в отпуск к матери в Айполово. Однажды в отпуске встретила с одноклассником Владимиром Малетиным. Тот предложил съездить на рыбалку. Это интересно. До этого она даже не могла представить, что

такое рыбачить. Владимир рано утром с удочками зашёл за ней, и пошли к реке, где у него был обласок. Васюган, казалось, ещё дремал. Поверхность воды чистая, гладкая. Кусты и деревья отражались в зеркальной глади реки. Небо синее и на нём ни облачка. Птицы проснулись и уже всю напевали. Аня ахнула от восторга увиденной красотой, такого она ещё не видела на своей родине. А воздух, какой чистый, прозрачный, и дышалось удивительно легко. Владимир остановил обласок у небольшой заводи и закинули удочки. Вдруг у Ани чуть не вырвали из рук удилице. Она сильно наклонилась назад, удерживая удочку в руках. Обласок накренился, вода хлынула через край обласка, и он перевернулся. Рыбаки оказались в воде. Рыбалка на этом закончилась, но на крючке Аниной удочки «сидел» крупный подъязок...

И вот жизнь на пенсии... Первые годы на пенсии — это очень активная жизнь. Она — председатель кооператива в Аникино. Очень хлопотливая должность, если работать по-настоящему. Но по-другому работать Анна и не умела. Кроме того, это и коллективные посещения различных мероприятий. В городе есть клубы по интересам, где можно попеть, есть где потанцевать. Было бы желание. Есть огород 5 соток, требующий очень большого труда. Но приходит время, когда по различным причинам приходится снижать деловую активность. Вот она уже не председатель, а затем и не член правления кооператива. Сил хватает только на огород и для общения с родными. Теперь главное в жизни — общение с внуками, с друзьями, с родственниками. У сыночек взрослеют дети. У сына Константина старший его сын Сергей служит в спецназе, а дочь Настя учится в 11-м классе. У Андрея трое детей. Если старший сын учится в политехническом университете, то младшему только два года, а дочь Даша в 11-м классе. Мать Елизавета Ивановна не дожила до 90 лет всего несколько месяцев.

На «общественные посиделки», как назвала Анна Болеславовна общение с подругами, тоже не всегда хватает сил, но душа-то молода, и как сказал поэт: «Всё проходит: безотрадность сменяют надежды». Эти надежды помогают жить, помогать родным по мере сил, которых должно хватить с избытком, чтобы отметить свой юбилей 80-летия, когда подойдёт срок. И как говорят молодые сейчас: улётных успехов вам в этой жизни и всяческих благ!

ТРУДНЫЕ ВЕРШИНЫ

Жизнь Виктора Степановича Вековцова у меня почему-то ассоциируются с цепью горных вершин. Где бы ему ни приходилось работать, всегда начиналось его движение вверх, то есть повышалась его деловая квалификация. Так что, если бы не жизненные ситуации, которые вынуждали его менять место работы, он смог бы достичь значительных успехов в профессиональном росте.

Как быстро годы пронеслись

Июнь 1952-го года. Жаркий день. Река Васюган уже вошла в свои берега после весеннего разлива. Ребятня не вылезит из воды целый день. В этом году берег «ушёл» в Васюган не более 2-х метров, и дорога по берегу проходит под самыми окнами домов Вековцовых, Шаповаловых. Обрывистый берег не песчаный, а с прожилками глины. Кто-то придумал проделать жёлоб от самой дороги до окончания яра, и ребята с визгом летели по нему почти до самой воды. А некоторые, помогая при спуске руками, уходили прямо в воду реки, особенно когда кто-то догадался полить эту канаву водой. Постарше парнишки летели по жёлобу вперёд головой. Вдруг вижу, что по жёлобу летит совсем «малёк». Пацану не более 5-ти лет, а не побоялся съезжать с берега, который не ниже пяти метров, вперёд головой. Подошёл к нему, приподнял за плечи: «Это чей такой смельчак, сколько тебе лет?» Ребята наперебой стали объяснять мне, кто он, откуда.

— Тише, кашкалда, говори один, — ухватил я одного за руку.

— Это Витька Вековцов, он приехал с Нового Васюгана к бабушке, — отвечал мне пацан, оказавшийся девчонкой — соседкой, которая жила с мамой рядом с нашим общежитием.

— Ну, Витька, быть тебе лётчиком-испытателем, молодец! — и я по-взрослому пожал четырёхлетнему карапузу руку.

Встретиться с этим пареньком довелось только через 18 лет, когда он после службы в армии стал работать кинемехаником. Узнал его сразу по широко расставленным чёрным глазам, которые внимательно смотрели на меня. Но это позднее...

Виктор ещё в школе заинтересовался кино, стал вечерами ходить к киномеханику — легенде Васюганского кино — Пилипенко Ефиму Ивановичу.

Он учился перематывать киноленты, заряжать их в проектор, демонстрировать, следил за работой киноэлектростанции. В общем, был хорошим помощником киномеханикам. После окончания средней школы он был принят учеником киномеханика на Нововасюганскую киноустановку. Директор киносети пообещал дать направление в Новосибирскую школу киномехаников, тем более, что дирекция киносети испытывала нужду в квалифицированных кадрах. В ноябре 1966-го года Виктор поехал в Новосибирск. Школа киномехаников была преобразована в ГПТУ-9, в этом училище уже не было столько учащихся, т. е. не стали приезжать учиться с Сахалина, Камчатки, Дальнего Востока, с Восточной Сибири, да и с Западной Сибири области стали отказываться посылать в Новосибирск на учёбу. В областных центрах открывались группы киномехаников при своих училищах. Конечно, качество подготовки киномехаников резко упало, и окончивших учёбу в Новосибирске принимали даже на должности техноруков в кинотеатры. Окончив учёбу в этом престижном училище, Виктор был призван в армию. Привезли в город Сумгаит Азербайджанской ССР. После курса молодого бойца приняли присягу, и рядовой Вековцов был назначен сразу на несколько весьма престижных (по мнению солдат) должностей в части: заведующий клубом, он же библиотекарь, он же киномеханик и почтальон — ну, оч-чень престижная должность. Недаром Виктор назвал свою службу в армии «двумя годами счастливой жизни».

Демобилизовался Виктор в ноябре 1969-го года, а 15 декабря он — уже киномеханик клуба «Нефтяник» в Новом Васюгане. Весной 1970-го года познакомился с девушкой Катей, и вся его жизнь пошла в каком-то другом измерении. Провожая Катю после кино, не хотелось расставаться. Виктор испытывал по отношению к этой девушке такие чувства, как писал Владимир Шаховцев:

*Я хотел бы стать твоею тенью,
Чтобы вечно на тебя смотреть.
Я не дал бы грусти и волнению
Хоть на час тобою завладеть.
Локоном твоим хотел бы стать я,
Чтоб на щеку и лоб свисать,*

*И украдкой, воровскою статью,
Незаметно их поцеловать.*

Наконец Катя согласилась выйти за него замуж, и 4 декабря 1970 года образовалась новая семья. Рабочком НГРЭ молодожёнам выделил квартиру.

В 1971-м году у них родился сын Сергей. В этом же году Виктор решил продолжить учёбу по специальности и поступил в Ленинградский кинотехникум, который успешно окончил в 1974-м году.

Полученные знания он успешно применил в своей работе. Зрители заметили, насколько улучшилось рекламирование кинофильмов, работа с новыми кинофильмами, работа со зрителями, обслуживание детского зрителя. Улучшение работы с населением способствовало успешному выполнению финансового плана, выполнению планов кинообслуживания населения, повышению авторитета киномеханика, как у жителей села, так и у администрации экспедиции, сельсовета, у администрации дирекции киносети.

В 1977-м году у них в семье пополнение — родилась дочь Тамара. И ещё одна радость — получили новую трёхкомнатную квартиру с водопроводом и центральным отоплением. Виктор сделал выгребную яму и установил тёплый туалет в доме.

В 1978-м году Виктор назначен заместителем директора киносети района. Теперь он отвечает за внедрение новой киноаппаратуры на киноустановки района, за повышение технической квалификации всех работающих в кино, за руководство ремпунктом киносети, средствами технического обслуживания киноустановок, автотранспорт и многим другим. Одно плохо — с квартирой пока возникли трудности. Однокомнатная квартира не устраивала семью. Жена Екатерина приезжала, посмотрела, сравнила эту комнату со своей 3-хкомнатной и благоустроенной квартирой в с. Новый Васюган и отказалась переезжать в Каргасок.

Виктор в 1979-м году был вынужден перевестись на работу в Западную НГРЭ. Вначале он поработал слесарем по КИПу, а затем оператором по испытанию скважин. Зимой Виктор учился на курсах дизелистов буровых установок и был переведён машинистом дизельной электростанции, и назначен бригадиром машинистов. В 1986-м году он переведён начальником АХО Западной НГРЭ. Карьера развивалась успешно.

Это заложено судьбой

В конце 80-х годов решили в ДК «Геолог» села Новый Васюган установить широкоэкранный кинотеатральную аппаратуру 23КПК. Виктора попросили выполнить чертёж киноаппаратного комплекса, по которому строители построили его. Затем Виктор оказывал помощь в монтаже этой киноаппаратуры мастеру, приехавшему из Томска. Дирекции киносети, в связи с тем, что на Васюганском кусте работало уже более 10-ти киноустановок на вахтах нефтегазоразведчиков и строителей дороги из Казахстана, плюс две киноустановки в клубах села и видеосалон, срочно был нужен знающий, опытный и ответственный человек. Лучше Виктора Степановича не найти, и ему предложили возглавить эту миникиносеть. С условием, что этой киносети будет выделен автомобиль для лучшего и своевременного кинообслуживания всех вахтовых и поселковых установок. Виктор Степанович принял киноустановки, получил автомобиль. Работа этой киносети была хорошо отлажена и просуществовала до конца строительства дороги и ликвидации экспедиции.

Виктор Степанович начал работать в кооперативе «Игол» механиком, а затем перешёл в пожарную часть. Познакомился с начальником МУП ЖКХ Молчановым Александром Владимировичем, который предложил Вековцову В.С. перейти работать на электростанцию. Когда пришёл на новое место работы — ужаснулся. Состояние электростанции, самого помещения оставили в душе удручающее впечатление. Вместе с ним на станцию пришли равнодушные люди, которым была совсем не безразлична судьба родного села. Это Луговской Анатолий Николаевич, Варакин Александр Иванович и другие, которые считали, что электростанция — это сердце села. Каким-то чудесным образом, несмотря на то, что шёл 1995-й год — год разрухи и развала предприятий, Молчанову удалось добыть для ремонта станции необходимые запасные части, установили новые дизель-генераторы. Заменяли деревянные, уже подгнившие столбы на бетонные опоры, протянули новые линии электропередачи, установили новые трансформаторы. Сделали ремонт самого помещения электростанции, и станция заработала на полную мощность, село оживило.

В 2003-м году началось строительство ЛЭП, которое велось со стороны Новосибирской области. К Васюгану эта линия должна подойти через 5 лет, а пока главное для жителей села — бесперебойная работа местной электростанции.

В доме Вековцовых порядок, а во дворе мычат коровы, хрюкают поросята, голосят петухи и другая живность. Тут же стоит трактор с навесной техникой, автомашина ГАЗ-157, легковая машина, мотоцикл, снегоход «Буран». Любит Виктор Степанович порыбачить и поохотничать. А осенью грибы, ягоды, кедровые орехи.

Семья разрасталась — дочери Тамара и Ирина вышли замуж, а сын Сергей женился. Все живут своими семьями. Вот внуков пока мало — в 2000-м году Тамара родила внучку Юлю — уладу сердца.

В 2008-м году к Новому Васюгану подошла высоковольтная ЛЭП, и всех работников местной электростанции уволили по сокращению штатов. Станцию законсервировали... Виктор Степанович пошёл на заслуженный отдых.

«Здесь я вырос»

У Владимира Фирсова есть стихотворение, в котором он пишет:

*Здесь край земли,
За ним — вода и мхи,
Кукушкин лён,
Торфяники,
Трясины,
Но здесь я вырос!*

Виктор Степанович родился и вырос в этих торфяниках и любит свой край до самозабвения. Выйдя на пенсию, думал досыта побродить по знакомым местам, поездить на лодке по красивым, рыбным местам. Но человек предполагает... Вдруг вначале сам приболел, а затем тяжело заболела жена Екатерина Васильевна. Начал продавать и раздавать технику, а затем скотина стала быстро исчезать с «фермерского хозяйства». 29 лет это хозяйство было наполне-но жизнью, а теперь — тишина...

Екатерина Васильевна не смогла справиться с болезнью, и летом 2012-го года ушла из жизни. Несчастье сплотило семью. Ирина вернулась из Омска, а Сергей с Тamarой живут со своими семьями здесь. Есть куда преклонить голову на старости лет, но до неё ещё далеко! «Не стареют душой ветераны».

У Виктора ещё много планов и задумок, которые должны быть выполнены. Не тот характер, чтобы раскисать, и пусть его убеждения с молодости, что «люди должны жить в ожидании чуда и всё будет тип-топ», остаются в этой жизни с ним навсегда!

СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ

23 февраля Валентине Ивановне Вековцовой исполняется 90 лет. Как жаль, что, зная её родителей и родителей её мужа ещё в 40-ых годах, и не только их, но и многих ветеранов первой мировой и гражданской войн, которые осваивали новые земли по Васюгану и его притокам, не приходило в голову записывать рассказы об их трудовом пути. Как ин-

тересна каждая человеческая жизнь, как говорят учёные-краеведы по этому поводу: «Это суммированный опыт и отдельной личности, и целого народа, и всего человечества».

Сегодня мой рассказ о замечательной женщине-труженице, которая вместе с семьёй была репрессирована в 1931-м году.

Труден житейский путь

Валя Ощепкова родилась в деревне Шипуново Омской области. Семья по крестьянским меркам — небольшая. У родителей трое детей, но двор был полон домашней скотины, птиц и лошадей. Пришёл 1931-й год. Кто не хотел вступать в колхоз, сразу становился кандидатом на высылку в Нарымский край. Не избежали этой участи Ощепковы. Хозяйство вместе с домом забрали в колхоз, а семью — на баржу и привезли в Каргасокский район. Их высадили на берег Васюгана, заросший осинником. Место поселения назвали Осинов Яр. Затем часть поселенцев перевели в Майск, где было много площадей, пригодных под пашню. Много сюда привезли людей из Алтайского края и Омской области. Было организовано 4 колхоза: «Красный Май», «Ударник», «Земледелец», «Комбайн». Построили школу, но было много детей, много молодёжи, которым родители внушали сразу после свадьбы о необходимости обучать своих детей, стараться дать им хотя бы среднее образование. Построили ещё одну школу, в которой

учащиеся постепенно с 5-го класса учились по 7-й класс. Среднее образование мало кто получал, так как надо было ехать в Новый Васюган. В институты детей «кулаков» не принимали, в техникумах проучились многие.

Валя после окончания 7-го класса стала работать в колхозе. Все дети с ранней весны до поздней осени работали на различных работах, но больше всего на пихтовых заводах. По настоянию брата Геннадия Валентина ещё один год проучилась в средней школе Нового Васюгана и от колхоза была направлена на курсы счетоводов. В марте 1943-го года она стала работать счетоводом колхоза.

В 1942-м году стали призывать на фронт всех ссыльных кулаков и их детей. Геннадий, брат Вали, был призван на фронт осенью 1942-го года. На фронте он был направлен в разведку, где зарекомендовал себя храбрым и отважным воином. В феврале 1944-го года его группа разведчиков была послана за линию фронта для захвата «языка». Это было при освобождении города Витебска. После успешного выполнения задания при переходе линии фронта Геннадий прикрывал своих боевых друзей от преследователей противника и погиб. Его похоронили в деревне Кухари Городенского района.

Закончилась война, стали возвращаться с фронта односельчане. Бывшие воины стали заменять женщин, работающих на руководящих должностях в колхозах. Вале замены не было. Она теперь — завидная невеста — её должность в колхозах пользовалась большим уважением. К ней, конечно, сватались, но сердце её было уже занято. В 1947-м году она познакомилась с налоговым инспектором Вековцовым Степаном. Он не был на фронте, но ходил на костылях по случаю тяжёлого заболевания в детстве. Тоже не легко прошло его детство — их семья была выслана из Омской области в Айполово, где он простудился и получил инвалидность. Степан сделал Вале предложение о замужестве и получил согласие. В марте 1947-го года она стала работать бухгалтером в Васюганском отделении Госбанка.

Молодожёны купили корову в ожидании первенца. Степан, несмотря на инвалидность, оказался мастером на все руки, сказалась крестьянская выучка. Он построил стайку, завели поросят, кур, гусей. Когда Виктор родился, дом Вековцовых был

уже, что называется, полной чашей. Потом родился ещё один сын, Сергей. Едва сыновья подросли, Степан стал брать их с собой на рыбалку, в лес по ягоды и грибы, собирать кедровые шишки.

Через 12 лет Васюганский район объединили с Каргасокским. Многие учреждения в селе были ликвидированы, в том числе и отделение Госбанка. Валентина Ивановна стала продавцом в магазине коопзверопромхоза. Через 6 лет её пригласили бухгалтером в центросберкассу.

В 1970-м году Вековцовы решили съездить на историческую родину в Омскую область, посмотреть родные места, где так счастливо начиналось их детство. Вначале заехали в Шипуново к родне Ощепковых — полное разочарование. Затем в Оконешниково. Здесь понравилось. Село стало районным центром, много асфальтированных улиц, много зелени. Даже старинный дом Вековцовых был ещё в приличном состоянии. Когда подросли сыновья, тоже съездили в Оконешниково, познакомились с двоюродными братьями и пригласили их посетить Васюганскую землю.

Валентина Ивановна проработала в сберкассе 15 лет и оформилась на пенсию в 1979-м году. Теперь главное в жизни — домашняя работа и внуки.

А боль жива в воспоминаньях

К.Симонов говорил: «Чувствовать себя нужным — самое главное счастье в жизни человека, чувствовать себя ненужным — самое главное несчастье в жизни человека». Слава Богу, Валентина Ивановна, уходя на пенсию, знала, что она нужна мужу, детям, внукам, нужна семье. Они продолжали держать полный двор скотины, бывала с мужем на рыбалке, ходили по грибы, ягоды, заготавливали кедровые орехи. Всех запасов хватало с избытком себе и семьям сыновей, которые и сами занимались хозяйством, но вместе косили и убирали сено. Трудно доставалась заготовка кормов жителям Васюгана. В верховье этой реки нет больших заливных лугов. Узкой полосой они идут по берегу реки и берегам чужоречья (старых русел реки). Косили, метали сено в небольшие стога, а затем на лодках и неводниках вывозили на берег Васюгана у села, где метали его в большие стога, или, по возможности, сразу увозили домой, так сказать, на базу. Нелёгкое это

было занятие, но дружная, сплочённая семья Вековцовых успешно решала эту задачу.

Недаром говорят, что жизнь человеческая похожа на зебру. В ней так же чередуются чёрные полосы с белыми, и у каждой зебры они неповторимые, как и жизнь у людей, и у данной семьи. Наступила в семье Вековцовых чёрная полоса — в 2000-ом году у Степана Кузьмича инсульт. Два года отчаянно боролась Валентина Ивановна за жизнь Степана Кузьмича, старалась поставить его на ноги. Не получилось, муж ушёл из жизни. Через 2 года новое потрясение — скоростижно скончался младший сын Сергей. В 80 лет такое горе перенести непросто. Но в жизни всегда находится отдушина, которая оттягивает всё негативное в душе человека. В жизни Валентины Ивановны роль отдушины сыграла правнучка Юля. Радостно становится на душе, как только слышится серебряный голосок Юленьки. Как приятно отвечать на многочисленные вопросы малышки! Юля достаёт коробку с наградами, примеряет к своей груди медаль и про каждую расспрашивает. У Валентины Ивановны, как и у всех женщин старшего поколения, всю войну ударно проработавших, много наград: медали, Почётные Грамоты, дипломы, Благодарности Верховного Главнокомандующего за ударный труд и другие награждения. Есть у неё самые дорогие, самые памятные награды, когда ещё девочкам вручали медали «За трудовую доблесть» и «Трудовое отличие».

И вот статус бабушки Вали изменился. Теперь она из старческого возраста перешла в долгожители. Учёные-генетики говорят, что человеческая жизнь природой рассчитана на 120 лет. Перенесённые в молодости тяготы жизни закалили организм Валентины Ивановны. Пусть и через 10 лет свой 100-летний юбилей на радость родных она встретит на своих ногах и в твёрдой памяти. У В.Ковалёва есть слова, которыми мне хочется закончить своё повествование:

*Прекрасна жизнь. День каждый чуден.
Живите всем на радость.
И пусть безоблачною будет,
Спокойной ваша старость.*

ВРЕМЯ НЕ ЛЕЧИТ

В сентябре 2013-го Калью Константиновичу Каллисмаа исполнилось бы 90 лет. Он не дождался этого юбилея всего 2 месяца. Васюганская земля для него стала второй родиной, и он достоин того, чтобы его называли сыном земли Васюганской. Это он доказал своей любовью к этому суровому краю, беззаветной преданностью к этой шире бескрайней, к дремучим лесам, полным дарами природы и всякой живностью. И недаром, уезжая из Айполово, где он прожил более полувека, как

писала Оксана Жукова в статье «Между прошлым и настоящим» для газеты «Томский вестник»: «...Бывший спецпереселенец протягивал к удаляющейся от него Айполовской земле руки, а затем поднимал их к небу»... Прощание с любимым краем, где прошли лучшие годы его жизни, было тяжёлым.

«Чужая земля»

Калью родился в Эстонии в местечке Курессааре уезда Сааремаа в семье юриста Константина Каллисмаа, члена Верховного Суда Эстонии. В семье трое сыновей Эндель (Ендель), Калью, Лимар. Старшие братья учились в гимназии города Нарва. Семья была зажиточна, держали в доме прислугу, а мама занималась воспитанием детей. Летом они всегда отдыхали на море. Калью окончил 9 классов гимназии и собирался поступать в Университет. Но этому не суждено было сбыться, помешала депортация. Пришли ночью, всех подняли ото сна. Прислугу удалили, а семье объявили о высылке в Сибирь. На каждого члена семьи разрешали взять по 10 килограммов груза — вещей и продовольствия. На вокзале мужчин сажали в другой эшелон. Поезда пошли на восток. Все заметили, как на запад двигалось много железнодорожных составов с военной техникой и красноармейцами. Поезда ссыльных часто останавливали и

даже загоняли в тупики. Узнав о том, что Германия напала на Советский Союз, многие надеялись на освобождение их и возвращение в Эстонию.

Мужчин довели до Свердловска, где Калью случайно встретил с отцом. Как оказалось, это была последняя встреча их при жизни. Калью побежал за едой и вдруг услышал, как из окна одного из вагонов его окликнул отец, который попросил у него курево. Калью уже курил втихаря от родителей, и с собой у него была пачка сигарет. Он бросил её в окно отцу. Больше отца никто не видал...

В Новосибирске всех пересадили на баржу и повезли вниз по Оби до реки Васюган.

Калью поражался огромным пространствам Сибири. А есть ещё Восточная Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток, Камчатка. Боже, какая огромная страна! По Васюгану поднимаясь вверх, в каждом посёлке высаживали по 10 семей. Калью с мамой и братьями высадили в Айполово, которое состояло из двух посёлков — Айполово и Дальнего Яра. Эти посёлки разделяло болото шириной 200 метров. Кругом болото, тайга и гнус: комары, мошка, слепни, пауты. Как писал Николай Заболоцкий:

*И сотни тварей, на своей свирели
Однообразный поднимая вой,
Ползли, толклись, метались, тили, ели,
Вились, как столб, над самой головой.*

Семьи ссыльных разместили по домам. Семье Калисмаа дали небольшую избушку. Ендель с Калью сразу пошли работать в колхоз. Русского языка в семье не знали, физической работы — тоже. Учились косить траву, сгребать и метать сено, запрягать лошадей, пахать, говорить по-русски. Лимар, которому было 10 лет, готовился в школу и, играя со сверстниками, быстро начал говорить на русском языке. Жилось голодно, а с наступлением осени — холодно. Зимней одежды у них не было, многие вещи поменяли на продукты. Холод и голод сделали своё чёрное дело. Заболели мама и старший брат Ендель. Они ушли из жизни друг за другом — мама 20 января 1942-го года, а брат через 6 дней, т. е. 26 января 1942-го года. Калью тоже заболел и отдал младшего брата Лимара в детский дом, который находился в Дальнем Яре, надеясь, что он там будет одет и накормлен.

Как удалось пережить зиму, Калью не смог понять, но на следующую зиму он уже подготовился и легче перенёс все военные тяготы. Помогло ему то, что успел получить среднее образование в Эстонии и его отношение к работе. Его взяли в колхозную контору счетоводом. А это работа в тепле, постоянный заработок, т. е. пайка хлеба на пятидневку была гарантирована. Через год тяжело заболел Лимар и умер от воспаления лёгких. Калью надеялся, что, может быть, отцу удастся выжить, он даже предположить не мог, что отец умер ещё в 1941-м году в декабрьские морозы и похоронен в с. Сосьве Свердловской области. Он остался один, так как родных в Эстонии у него нет.

«Жизни лучшие мгновенья»

Калью перевели бригадиром колхоза. Он — уважаемый человек на селе. Сам он отличался доброжелательностью к людям, готовым прийти на помощь, если человек нуждается в ней. Он познакомился и подружился с охотниками и рыбаками, увлёкся и сам стал заядлым и охотником, и рыбаком. Это так помогало в материальном плане! Высокий, симпатичный парень нравился девушкам и вдовушкам. Председатель колхоза советовал Калью остепениться и завести семью: «Давай женись, а то у тебя в душе вместо гармонии одни гормоны». Калью посмеивался, но совету председателя внял. Он, конечно, общался со своими землячками, недаром пословица говорит: «На чужой сторонushке рад своей воронushке». Но в 1949-м году он женился на местной девушке Кате Якис. Её отец Болеслав Мартынович был одним из первых председателей сельсовета, и в 1927-м году его сменил на этом посту молодой охотник хант Могутаев Вениамин. У Болеслава Мартыновича была большая семья. Сам великий труженик, он и детей с малолетства приучал к труду, к уважительному отношению к людям, особенно к старшему поколению. Так что повезло Калью с молодой женой.

За 10 лет у них родились четыре дочери: Галя, Валя, Люда, Оля. К этому времени почти все земляки вернулись на родину, но Калью об этом даже не помышлял. Он был уверен, что родина не там, где родился, а где рос, выжил, полюбил не только людей, а природу, где его любят, уважают, где ему легко дышится, хорошо и вольготно живётся. Недаром говорят: «Где любовь человека, там и весь он».

Калью так же восхищался природой Васюганья, как местный поэт из Нового Васюгана Юрий Зонов:

*Мне к душе этот рай
Васюганский наш край,
Самый близкий, родной из всех мест на земле!*

Когда ликвидировали колхоз, передав его Васюганскому коопзверопромхозу, Калью предложили должность начальника участка в Айполово.

Дочери по окончании школы уехали учиться в Томск. Галя окончила электромеханический техникум и осталась работать в Томске, Валя училась в ТИСИ, Люда по окончании Политехнического института стала работать в ТДСК. Оля после учёбы в коммунально-строительном техникуме была направлена в Омск и работает в строительной организации. Девочки определились в выборе профессий, стали выходить замуж, рожать внуков. Всем надо помогать, особенно на первых порах, пока ещё не «оперились».

Айполово стали покидать люди: вначале уехали прибалты и кавказские народности — турки, абхазцы, менгрелы, лазы и другие, затем русские, украинцы и даже ханты. Школа, медпункт, почта, лясятник, клуб, библиотека и другие учреждения закрывались одно за другим.

Калью Константинович всё же решил остаться жить здесь, так как охота и рыбалка стали главными его занятиями в жизни.

Дом Каллисмаа редко обходился без гостей. Приезжали к нему из Эстонии, из Венгрии, учёные-этнографы из Томска и других городов и стран.

Екатерина Болеславовна была очень гостеприимной хозяйкой, и всегда приветливо встречала гостей, которых приглашал к себе Калью Константинович. Она так же, как когда-то её мама, которая, несмотря на большую семью, всегда приветливо встречала командированных людей, приехавших по делам в Айполово, когда отец Кати Болеслав Мартынович работал в сельском Совете и приводил их на обед или на ночлег.

Калью Константинович бывал в послевоенной Эстонии, ему даже выплатили компенсацию за утраченное имущество, но жить там ему уже не хотелось — он начинал тосковать по Васюганской тайге, болотам. Он согласен с Ю. Зоновым:

*...И во сне когда-то он тебе приснится,
Край сибирский в кураже своём.
Васюган, болото, ягода, охота
И костёр с особенным дымком.
Нет, лучше этого края нет.*

Калью месяцами не выходил из тайги, разговаривая только со своими верными друзьями-собаками. Сколько раз они выручали его во время охоты на хозяина тайги!

Находясь уже на пенсии, он перестроил все дворовые постройки. Его двор, проходыв в стайку, баню, амбар, дровяник все были закрыты, т. е. под одной крышей. Во все хозяйственные постройки вели тротуары от дома, и можно было ходить в тапочках.

Всё сложилось хорошо, но вдруг пришла беда. В одно мгновение тяжело заболела Екатерина Болеславовна — случился инсульт. Это случилось в ноябре 1999-го года. Месяц пролежала в Нововасюганской больнице жена Калисмаа. За ней ухаживала приехавшая из Омска дочь Ольга. Никаких заметных улучшений не произошло, и на семейном совете решили Екатерину Болеславовну увезти в Корнилово к дочери Валентине — поближе к областной больнице.

Летом 2000-го года Калью Константинович погрузил вещи на самоходку и — вниз по Васюгану, теперь уже прощаясь с «сквозь сердце прожитым маршрутом».

В Каргаске перегрузили вещи на автомобиль и — в Корнилово.

«Быстро жизнь года считает»

Два года боролись за здоровье Екатерины Болеславовны, но безрезультатно, летом 2002-го года она умерла.

Калью Константинович решил построить себе дом. Строить его начали на усадьбе внука в кедраче. Воздух свежий, напоенный фитонцидами кедр.

Очень ему нравилось повозиться с правнуками. Угощал их конфетами. Они рассматривали его награды, дипломы и похвальные грамоты, заработанные во время многолетней трудовой жизни.

— Ты, деда, воевал, за что медали?

— Вот эта — за ударный труд во время войны, эта — за доблестный труд, эта — с выставки достижения народного хозяйства. Удалось вырастить хороший урожай пшеницы в колхозе — возили в Москву на ВДНХ, там наградили и т. д.

Правнуки с удовольствием ходили к старому дедушке — он так интересно рассказывал о жизни в васюганской глуши, об охоте, интересных случаях на рыбалке и охоте, о заготовке ягод, орехов, грибов, о забавных случаях из жизни остяков.

Любил Калью Константинович посидеть у раскрытого окна и послушать шум ветра в ветвях кедр. Это так напоминало ему васюганскую тайгу, помечтать, как писал Ю. Зонов:

*О рыбалке, об охоте,
Речь идёт о страсти той,
Что сердце всегда колотит
Не даёт душе покой.*

Трудоголик по характеру, он не мог празднично проводить время. То дровами занимается, то помогает на сенокосе, то в огороде. Ни одного сорняка у него на грядках не найдёшь. Следил за посадкой овощей у всех своих внуков и дочери, прореживал у всех морковь, свёклу. Поскольку жил в кедровом бору, то собирал шишки, готовил орехи. Зимой с удовольствием занимался уборкой снега. В общем, как в стихотворении Ю. Зонова:

*В его руках кипит работа,
Умеет парень жить.
А слабости — рыбалка и охота,
Он их, любя, боготворит.*

Была ещё одна страсть у Калью Константиновича — это спорт. Ещё в гимназии он занимался бегом и занимал призовые места. Любил езду на велосипеде и очень любил футбол. Родные в Томске покупали ему абонемент на все футбольные матчи. Правда, последние два года жизни он стал смотреть футбольные матчи только по телевизору.

6 марта 2013-го года Калью Константинович упал на улице и сломал шейку бедра. Это — катастрофа. Великий труженик не мог смириться с неподвижностью. Он сказал: «Так жить я не хочу». И как не уговаривали его, что ещё выздоровеет, не помогло. Через 4 месяца Калью Константинович ушёл из жизни в надежде на встречу в той, другой жизни, со своей дорогой Екатериной Болеславовой. Все, кто его знал, родные, внуки и правнуки навсегда запомнят 17 июля, как день памяти этого трудоголика, рыбака и охотника и помянут «незлым, тихим словом».

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Профессор Байтингер в своих воспоминаниях пришел к выводу, что немецкий народ в России подвергся геноциду. Там ведь и русские подвергались такому же издевательству, только вначале 30-х годов им досталось еще хуже. Если российских немцев в 1941-м году размещали по селам, где было хоть какое-то жилье, то в 1931-м году русских выбрасывали на дикий берег Васюгана и других таежных рек прямо в лес и болото на комары.

Время было такое. Но об этом времени забывать не надо, чтобы не повторилось вновь. Для этого и существуют такие проекты, как в Каргаске «Прощение и память» — одна из форм духовно-нравственного воспитания молодежи.

Отец Федор, священник Спасской церкви в Каргаске, участник экспедиции «Прощение и память» по местам поселений «спецпереселенцев», сказал: «Радостным явился тот вывод, который сделали участники проекта, о том, что невинные страдания «спецпереселенцев» явились для нашего края не проклятием, но благословением. Что наша земля, Отечество, заслуживают от нас, его сынов, любви и преданности, что память о наших героях является основой для будущего развития и благополучия России».

Мой рассказ об одной из преданных дочерей Сибири Иде Давыдовне Киршиной, в девичестве Герлитц.

«У дерева есть корни, у людей прошлое»

Ида родилась в Саратовской области, Ундервальском районе в селе Цюрих в 1927-м году. Отец Герлитц Давид Генрихович — участник гражданской войны. Он вместе с братом-близнецом был в Чапаевской дивизии. Впоследствии отец рассказал, что они «вытащили из воды убитого Чапаева В.И. и похоронили». Почему-то никто не поверил, хотя Давид Генрихович уверял,

что сможет показать то место, где захоронен комдив. А может, зря не поверили, и надо было сделать эксгумацию.

В селе говорили по-немецки, и, хотя в школе было преподавание русского языка, Ида не могла говорить по-русски. Ей было 14 лет, она успела окончить 6 классов. В мечтах она уже было в Саратовском институте, но грянули война и депортация немцев Поволжья. Посадили их на пароходы и повезли по Волге. Затем пересадили в железнодорожные вагоны. В этих «телятниках» довели через месяц до станции Мошково Новосибирской области. Ночью стали разгружаться. Отец остался охранять имущество, а ее сестру Эллу и маму Терезию Генриховну вместе со всеми разместили в помещении клуба.

Запомнилась ужасная теснота и как спали сидя — лечь не было возможности. Утром к клубу стали съезжаться возчики на телегах, которые прислали колхозы. Мужчины в колхозах ушли на фронт, и председатели колхозов были рады каждой паре рабочих рук. Пришла сеноуборочная отрада, а впереди — уборка хлебов.

Семью Герлитц разместили в небольшой комнате у русской женщины, у которой было пятеро детей. Сердобольная русская женщина, увидев, что у Герлитц ничего нет покушать, дала картошку и немного хлеба.

Ида с Эллой уже через несколько дней лопотали по-русски. Ида вдруг вспомнила все русские слова, которые она учила в школе, папа хорошо разговаривал по-русски, только у мамы была проблема. Отца на второй день послали на работу, и Ида пошла работать через три дня. Перебирали картофель. Председатель разрешил отобрать на семена картофель и для себя. Отвели участок земли. Подготовили ее для посадки. Кроме картофеля, мать посеяла морковь, свеклу и другие овощи.

К великому огорчению председателя и горя для немецких семей, всех мужчин через месяц забрали в трудармию. Снова основная рабочая сила в колхозе — женщины, подростки, старики и дети. Ида хотела учиться дальше, но комендант приказал продолжать работать. Элле, которой было 12 лет, разрешили идти в школу. Девочки к осени уже полностью освоили русский язык, так сказать, преодолели языковой барьер. Взрослым еще нужен был переводчик в общении с местными жителями.

Только стали привыкать к новым условиям жизни, как через год — новая высылка. Теперь повезли на север Томской области.

Их на барже привезли до п. Чилино Каргасокского района. В каждом поселке высаживали по 10–15 семей. Иде запомнилась встреча местных с вновь прибывшими. Все внимание было сосредоточено на большой семье Шеферов. Сходя с баржи, каждый из них держал в руках музыкальный инструмент. Вечером Шеферы пришли в клуб и стали играть. Замечательный оркестр. Все танцевали, а это так сближает. Иде повезло, в этой деревушке тоже не ощутили каких-то дискриминационных действий ни со стороны местных жителей, ни со стороны администрации. Все жили материально одинаково плохо. Кто хорошо работал, тому почет и уважение. Война никого не щадила, какой бы ты ни был национальности.

Мария Рейс написала стихотворение:

*Как много горя принесла война,
Как много слез и массы обездоленных.
Как много жизней унесла она
Людей в невзгодах и боли несломленных...*

Мария Рейс в своих стихах мечтала о мирной поре, где люди не знают никакой вражды:

*Не жалея сил, в тылу трудились люди,
И фронту помогали, как могли,
И верили, что враг повержен будет,
Исчезнет навсегда с нашей земли.
И люди снова жили б в мире,
И слово страшное «война» чтоб навсегда забыли,
Все человечество навек чтоб мирно процветало,
И между странами вражды чтоб никогда не стало!*

Через год, осенью 1942-го года пришел с трудового фронта отец, Давид Генрихович. Его комиссовали по болезни. Но, Боже мой, радость-то какая! Ведь живой, и это главное! Сумели поднять на ноги, права пословица: были бы кости, а мясо нарастет.

И действительно, здоровье пошло на поправку, но в 1944-м году пришло несчастье, прошла по деревне эпидемия брюшного тифа. Многие переболели, многие умерли. Не обошла болезнь

и их дом. Заболел отец, а с ним и младшая дочь Элла. И оба умерли. Ида опасалась за здоровье мамы, уж очень подкосила ее смерть любимых мужа с дочерью.

Время лечит. Пережили и эту трагедию. В этом помогли Иде забота о матери и тяжелый труд в колхозе. Иду отправили от колхоза на работу в леспромхоз. Шесть лет отработала она в этой отрасли. Зимой заготавливали лес, а летом сплавляли его. В леспромхозе Ида получила деньги, приделалась сама и маме покупала одежду, продукты. Когда четыре колхоза объединились — это Чилино, Петровка, Перфильево и Тымск, Иду перевели на МТФ недалеко от Тымска.

У Иды произошло событие, перевернувшее всю ее жизнь. В деревне появился парень, приехавший навестить сестру. На вечеринках в клубе Ида познакомилась с ним. Они сразу понравились друг другу, задружили. Дружба переросла в любовь, и когда парень, которого звали Иван Киршин, предложил Иде выйти за него замуж, она дала согласие. Так в 1956-м году образовалась новая семья. Жить они решили в Каргаске.

*«Еще не скоро молодость
да с нами распрощается...»*

Переехав в Каргасок, Ида вначале устроилась на работу в РДК техничкой, а Иван пошел в промкомбинат. Он, оказывается, был неплохим портным и шил пальто, костюмы.

Как-то раз Иду в РДК увидел председатель райпотребсоюза Капралов С.Ф., который раньше бывал в командировках, оставившись у них на квартире.

— А ты что здесь делаешь? — увидев Иду, спросил он.

— Работаю.

— Ну, эта работа не для тебя, приходи завтра же к нам.

Ида пришла и сразу же была назначена заведующей магазином. Муж Иван не только хорошо шил, все у него получалось, за что бы ни брался. Про таких мужчин говорят: «Этот мужик с руками». А, кроме того, он был заядлым рыбаком. Они вместе с Идой по выходным дням проводили время на рыбалке, а когда купили лодку с мотором, то стали ездить по ягоды, грибы.

Рождение сына очень обрадовало Ивана:

— Научу его всему, что сам умею!

И научил. Федя после окончания ТИСИ работает инженером-механиком, увлечен рыбалкой и охотой.

Ида Давидовна отработала в должности заведующей магазином 26 лет. Каких только происшествий ни случилось! Очень важно подобрать коллектив продавцов, работающих по солидарности, на доверии друг к другу. Однажды к ним пришла девушка Света на работу. Поработав немного, она говорила, что денег нет даже на хлеб. Ида дала ей пять рублей. Вечером Ида шла по улице и вдруг увидела Свету, которая везла диван. Ида спросила:

- Где взяла деньги, говорила, что нет?
- Деньги нашлись, а тут диван продают.
- Значит, ты деньги взяла в магазине. Все, ты уволена по недоверию.
- Не имеете право увольнять, не пойман — не вор.

Навсегда запомнилась встреча с грузчиками. Привезли товары в магазин. Иде не понравились работники, а когда узнала, что они недавно освободились из колонии, еще строже стала за ними присматривать. Однажды пришли в магазин — там все перевернуто. Были деньги надежно спрятаны, и в столе только грудa разменной монеты и рядом пакет с неотмывающейся краской. Деньги воры не нашли, но пропало несколько пар обуви, четыре куртки и женское осеннее пальто, которое хотела купить одна из продавщиц, ожидая выплаты зарплаты. Сигнализация не сработала, так как воры взломали потолок и по лестнице, стоящей у печи, спустились в зал. Милиция, допросы, переживания.

Ида Давидовна сказала следователю, что воры перепачкались краской, везде отметины, надо искать по рукам или одежде. Те грузчики уже уволились и уехали. Недели через две Ида встретила знакомую женщину из Киндала, а на ней такое же пальто, как у них украдено. Пригласила ее на чай и стали разговаривать. Как бы ненароком спросила:

- Какое у тебя пальто красивое, где покупала?
- Ой, да мне его подарили мужики, что у нас в Киндале квартируют. Знаешь, у них что-то с руками, как помогают руки — полотенце красится и не отстирывается.

Все ясно, дальше дело техники.

В 1986-м году в семью пришло горе — внезапно скончался Иван Федорович. Сказалось ранение, полученное на фронте. Как писала Светлана Штар:

— Груз пережитого слишком тяжел,
Для того, кто в двадцать пошел.

Ида Давидовна на пенсию ушла в 1983-м году. Она видела, что Иван Федорович страдает от ран, но не подавал вида, что ему где-то больно. Последние годы он работал в пожарной части. Сутки отдежурил, трое суток дома, а это значит — отдых на реке Оби.

«Мы жизни ничто не поставили в вину»

Главной своей задачей Ида Давидовна стала считать: дать образование Федору. Федор успешно окончил ТИСИ, и его призывали в армию. Он два года прослужил в офицерском звании и прибыл в Каргасок, благо его специальность всегда востребована.

На вопрос: «Есть ли обида на советскую власть?» ответила, что обида единственная — не дали поучиться, а остальное пережитое — история. Никакой дискриминации от людей она не ощущала. И сейчас при встрече односельчан из Чилино и Тымска она привечает, как родных. И те всегда приглашают ее в гости к себе в деревню.

Разве можно забыть совместную прожитую жизнь? Там была молодость, и в памяти остались только хорошие воспоминания. Кто хорошо работал, тому всегда почет и уважение. Медали за доблестный труд получали далеко не все.

Как было не гордиться, когда после войны им вручали эти медали? А потом она получила удостоверение «Труженица тыла», ветеранскую медаль, а сколько юбилейных медалей, значков и знаков, сколько грамот, дипломов и других документов — их солидную пачку показала Ида Давидовна. На память правнукам есть что оставить.

Сын Федор, оставив матери квартиру, построил себе дом, а маме провел воду, сделал ванную комнату, туалет. Квартира полностью благоустроена. Восемьдесят пять лет исполнилось Иде Давидовне, но она, несмотря на эти годы, всегда активна

в общественной жизни, посещает все мероприятия, проходящие в Каргаске.

Уже не однажды съездила в Томск на встречу с губернатором, когда он собирает ветеранов по каким-либо памятным датам.

От всей души хочется пожелать Иде Давидовне и в дальнейшем быть такой же активной в общественной жизни, быть счастливой бабушкой и прабабушкой. Все так же с любовью и приветом встречать своих старых друзей, в тяжелые годы военного лихолетья оказавшие ей и ее семье такое людское участие. Как писала Л. Татьяничева:

*...Без людского участия
Быть счастливой нельзя.
Область личного счастья
Населяют друзья.*

Пусть ваш дом всегда будет таким теплым и гостеприимным.

А ЖИЗНЬ ГЛУБОКА И ПРЕКРАСНА...

Матакуев Гафур родился в городе Урумчи в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе Китая в 1930-м году. Фамилии детям давали по имени отца, но Гафур перед получением паспорта жил у деда Матакуя, то и фамилия ему дана по имени деда.

«Я шел один своим путем»

Семья Гафура жила зажиточно, у них была отара овец в тысячу голов, коровы, лошади. Гафур получил начальное образование и стал помогать родителям по хозяйству.

В 1947-м году Гафур был призван в армию. Из солдат набирали в офицерское училище, Гафур дал согласие и стал учиться на командира. Но через год он серьезно заболел, и его комиссовали. Он еще в армии начал мечтать научиться водить автомобиль, поэтому сразу поступил работать на автобазу, где стал учиться на шофера.

Получив права водителя автомобиля, Гафур стал работать на металлургическом заводе в г. Коктобай водителем грузового автомобиля. На металлургическом заводе в Коктобае работали советские специалисты. Русские инженеры и рабочие полюбили старательного и исполнительного шофера и называли его Александром, Сашей, Саней.

Новоявленный Саня стал усиленно изучать русский разговорный язык. В 1949-м году Саня выехал в Казахстан на уборку урожая, затем — целинная эпопея, где Саня работал в совхозе «Семипалатинский». Он тогда не предполагал, что из Китая он уехал навсегда.

В 1961-м году Саня уволился из совхоза и поступил в Аягузскую гидрологическую партию. После курсов он — шофер буровой установки СТУ-150. В 1963-м году он — уже шофер и мастер по бурению в Талды-Курганской партии. С ним работали парни, у которых родственники жили в Каргаске. Парни стали звать Саню на Север, там больше заработки. Особенно у тех, кто работает в нефтеразведках — они получают полевые.

Саня вдруг согласился, и в октябре 1964-го года они прибыли в Каргасок. Он даже и не думал, что приехал сюда на всю оставшуюся

жизнь. Вначале устроился в Томксельстрой, где проработал около года и перевелся в Усть-Сельгинскую нефтеразведку. Бурильщиком Саню не взяли. Если в Казахстане он работал мастером по бурению, и бурили скважины до 500 метров, то здесь — до трех тысяч метров. Надо вновь учиться. Ему предложили «вахтовку» и два с половиной года он возил рабочих на буровые.

В 1967-м году Усть-Сельгинская нефтеразведка была преобразована в Каргасокскую нефтеразведочную экспедицию. Саня решил перейти работать в ОРС НГРЭ. На машине он ездил за товарами, прибывшими на баржах из Томска, развозил их из базы по магазинам.

В Орсовском коллективе преобладали женщины, которые Матакуева стали звать Сашей, а за глаза — Саша-китаец. Он нравился женщинам тем, что вел здоровый образ жизни. Алкоголь не употреблял. Находилось много невест, но Саня-китаец не замечал настойчивых ухаживаний, а вернее, делал вид, что не понимает таких женских притязаний.

Всегда в свежей поглаженной рубашке, наведенные стрелки на брюках выгодно его отличали от товарищей по работе. Одно время они вместе жили на квартире с директором киносети района Терещенко В.В. Саня вдруг заинтересовался техникой показа кино. Он стал изучать типы киноаппаратуры, находящиеся на вооружении в киносети.

В поселке Геологическом новый клуб КНГРЭ, и первым киномехаником стал Матакуев Гафур. Это событие произошло в декабре 1970-го года. Затем в экспедиции построили новый дом культуры, в котором установили театральную широкоэкранную киноаппаратуру. Ровно 10 лет проработал киномехаником Саня, и в декабре 1980-го года перешел в ОПОУВД водителем-бригадиром.

К этому времени Саша все же женился. Его избранницей стала Александра Маковецкая, работающая в ОРСе в то время экспедитором. Совместные поездки сблизили их, а затем пришла и любовь. Саня узнал, что Александра приехала из Омска, ее родители жили в Каргасокском районе в поселке Еремино по речке Чижакке, куда были высланы из Омской области в 1931-м году. Они сошлись на ноябрьские праздники в 1969-м году, а брак зарегистрировали в 1991-м году. Александра Михайловна оставила себе

фамилию первого своего мужа Маковецкого. И вот уже 43 года они живут во взаимном уважении и любви. Как писал А. Галич: «С каждым днем любезнее житье...».

Через два года Саня вновь вернулся в киносеть. В «Геолог» хотел вернуться, но он нужнее в киносети, которая получила вторую легковую машину, надо было развозить кинофильмы по деревням. В районе было телевидение, а затем появилось и видео, приходилось конкурировать с ними, получали новые фильмы и интенсивно их продвигали. Очень ответственно к этому относился Гафур Расулович. Где он работал, там киноустановки выполняли доведенные задания по кинообслуживанию населения.

Немногословен, он по характеру интроверт, т. е. самоуглубленный в самого себя. Но как с ним было легко общаться! Долгое время жил одиноко, и это приучило его соблюдать порядок и чистоту в доме, к опрятности, к отличному содержанию закрепленной за ним техники. А еще он любитель в приготовлении пищи. Блюда, приготовленные им, необычайно вкусные и пикантные.

Не зря прожиты эти годы

В мае 1992-го года, когда ему исполнилось 62 года, он решил идти на пенсию. Водителем работать больше не мог — очень болели натруженные руки, а другой работы уже не было. В это время киносеть «задышала» на ладан. Киноустановки стали закрываться. Молодые ребята оставались без работы, а что делать пожилым? Галопировала инфляция, пенсии задерживались в выплате. Деньги на сберегательной книжке «сгорели».

Гафур Расулович вместе с супругой обзавелись хозяйством. Купили поросенка, овец. Огород у них всегда давал отменные урожаи овощей, картофеля. Домашняя живность всегда исцеляюще действует на души тех, кто за ними ухаживает...

Но подходит время, когда и на это нет уже никаких сил. Здоровье резко ухудшилось после 80-ти лет, и в 2012-м году они решили прекратить содержать животных. Но жить-то надо! И хочется верить, что жизнь на этом свете не зря прожил. Как написал А. Ефимов:

*Не зря прожили мы этот путь тернистый
Оставив молодость в далекой мгле.
Потомкам завещаем сердце чистым —
Достойны будьте жизни на земле!*

МАТРОС С «ВАРЯГА»

Василий Антонович Куклин в молодости служил во флоте в конце 19-го и в начале 20-го веков. На старой фотографии — бравый моряк в бескозырке с надписью «Варягъ». Меня впечатлила почему-то буква «Ъ». Она как-то попала в «фокус» моей памяти и даже сейчас, по прошествии столько времени, я вижу эту букву чётко, ясно, а другие буквы уходят как бы в туман.

О своей службе Василий Антонович не любил рассказывать, но как-то постепенно мне удалось его разговорить, и он рассказал о последнем бое крейсера «Варягъ» с японскими кораблями. Как он был ранен, лёжа в шлюпке, наблюдал за тем, как тонул крейсер «Варягъ» вместе с адмиралом Макаровым. Не захотели сдаваться в плен, и Макаров принял решение затопить крейсер, которому было всего 3 года. Как подобрали их японцы, а потом отпустили из плена, и как долго добирался он до дома из Владивостока. Большой синий якорь на руке он старался не показывать. Если кто спрашивал: «Что это у тебя на руке?» Отвечал: «Синяк».

Из истории известно, что адмирал Макаров С.О. погиб, находясь на броненосце «Петропавловск», который подорвался на минах. Вместе с ним погиб известный живописец Верецагин В.В. А «Варягом» командовал Руднев В.Ф., но он не утонул, а просто последним сошел с корабля, отдав честь флагу на корабле. Не мог же мне дед Василий рассказать, что на «Варяге» находился командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал Макаров С.О. во время его затопления. Наверное, это мои детские фантазии, увязавшие песню о гибели «Варяга» с гибелью Макарова С.О. Ну не мог такой знаменитый адмирал погибнуть так нелепо! Не мог! И всё же я решил оставить рассказ таким, каким он мне запомнился в сороковых годах. Хотя и не соответствует факту гибели адмирала.

27 января Василий Антонович отмечал свой второй день рождения. Правда, по старому стилю, как говорил он, а по новому — 9 февраля. Во время долгой службы во флоте он выучился читать и писать. Хорошо читал книги, напечатанные на старославянском языке. Среди его книг религиозного содержания выделялась одна книга большого формата — это была «Библия» в деревянном переплёте с медными крючками. Книга была напечатана на старославянском языке с

красочными иллюстрациями. Из дома книга никогда не выносилась. Василий Антонович давал её почитать только в его присутствии.

Василий Антонович — охотник

Мы росли, выросли, а дед Василий Антонович казался всё таким же, каким стали его помнить и узнавать. В деревнях его уважали за грамотность, прислушивались к его мнению все. Ходил он медленно, широко расставляя ноги, привычка осталась со времён его службы во флоте. И всегда у него за спиной на ремне старая длинноствольная берданка. Он, даже провозжая утром корову в стадо за околицу, брал с собой ружьё. И никто не удивлялся: в то время было столько боровой дичи вокруг, а стрелять-то было некому — все мужчины были на фронте. Утром, когда топились русские печи, чтобы выпечь хлеба, прилетали глухари и расхаживали по крышам домов. Их привлекал идущий из труб печей дым. С ружьём Василий Антонович ходил до тех пор, пока мог ходить по лесу.

Однажды, уже после войны, Василий Антонович взял ружьё и пошёл в лес. Далее пяти километров он уже не ходил. Излюбленное место охоты — Дальняя пашня, которая находилась от деревушки в пяти километрах. Там как раз пахали пашню под зябь его пришедший с фронта сын с напарником.

У Куклиных были охотничьи собаки, но они почему-то не ходили с Василием Антоновичем, а убегали к сыну Филиппу.

— Что-то случилось с твоим отцом, — сказал напарник Филиппу, — смотри, как чешет.

Непривычно было видеть, как Василий Антонович старался быстро перебирать ногами, но шаги были короткими, и Филипп быстро пошёл навстречу отцу.

— Запрягай лошадь в телегу, — сказал ему отец, — езжай за мясом, лося подстрелил.

Давно уже ничего не добывал Василий Антонович, и на тебе — лось. Мужики быстро выпрягли лошадей из плугов, отпустив их пастись, а сами запрягли запасного коня в телегу и поехали на указанное место. За ними весело побежали собаки. Увидели кучу наломанных пихтовых веток, направились к ней. Собаки грозно зарычали, шерсть на загривках у них стала дыбом.

— О, это не лось, неужели отец медведя завалил? — сказал Филипп.

Когда отбросили ветки, увидели здоровенного седого медведя. Начали обдирать. Шкура зверя была совершенно целой, никакой дырки от пули не нашли. Медведь был старый, беззубый, на глазах бельмы. Он был слепой.

Пошли посмотреть, как шёл Василий Антонович. Дошли до речки, которая называлась Медвежья. От этой речки медведь пошёл по следу деда. Василий Антонович присел на пенёк отдохнуть. Когда поднял голову, увидел, что к нему, обнюхивая его следы, подходит медведь. Не целясь, выстрелил в зверя, который упал и не шевелился. У Василия Антоновича был в кармане нож-складешок, которым он попытался перерезать горло медведю, но только чуть поцарапал кожу. Медведь умер от испуга. С этих пор Василий Антонович ружьё в руки больше не брал.

Василий Антонович — рыбак

На речке Игол, кроме пескарей и шук, никакая рыба не ловилась. Надо было идти на речку Чертала, в которую впадал Игол, а это 9 км от посёлка. На Чертале почти всегда был хороший клёв окуней, чебаков, ельцов и даже язи. Дорога была плохая, почти половина пути идёт по болоту. Её ремонтировали каждый год, клали в болото брёвна, а на них сверху укладывали дёрн. Но уже через месяц дорога вся была разбита, хотя по ней ездили только на лошадях. Ходить по такой дороге было трудно, особенно с такими больными ногами, как у Василия Антоновича. По речке Игол до Черталы 30 км, но она такая сорная, вся в заторах. Когда большая вода, можно проехать, но надо хорошо поработать, прорубая проходы в заторах, а то и перетаскивая обласок через заторы и завалы. По Чертале на обласке можно ездить всю навигацию. Не по кустам пробираться, а подрулил к любому заливчику, где у рыбы излюбленные места, и таскай, успевай окуней.

Поэтому Василий Антонович и решил ехать на рыбалку на обласке. В Чертале его можно до зимы оставить. Вот и последний затор, зато самый большой — 20 метров, не меньше. Уже день на исходе, но солнце ещё высоко: «Успею растолкать затор и на закате порыбачить».

В это время к этому месту торопились вдвоём на обласке Василий Васильев и Карп Семиволков. Они решили выходные провести на рыбалке, оба работали в сельсовете, Васильев — председатель,

Семиволков — секретарь, оба были инвалидами войны — у Василия нет одной ноги совсем, у Карпа одна нога короче другой сантиметров на 15. Оба — заядлые рыбаки и охотники. Обычно они ездили на лошадях, но в Чертале надо обласок, вот и рванули после работы на рыбалку. Благодаря Василию Антоновичу, который прорубил проходы, они всего за час проскочили эти километры. Он, занятый пилением лесины, не слышал, как подъехали эти рыбаки. Громогласный Васильев взревел: «Ага-а»!

Василий Антонович подскочил в обласке, громко ухнув. Если бы не затор, быть бы ему в воде.

— Вот, якорь тебе в бок, теперь понятно, отчего медведи так пугаются, если их так же внезапно напугать.

Рано утром в воскресенье порыбачив, Васильев с Семиволковым решили идти пешком. Плыть по Иголу не решились, уж очень речка быстра да сорна, и за день до дома не доскрябаться, а пешком помаленьку часа за 3–4 эти 9 км одолеем. Василий Антонович тоже решил идти пешком, но чуть попозже, уж очень хорошо рыба клевала, жалко бросать. Пойду попозже, рыбу тоже дома ждут.

— Ну, Антоныч, пока мы дошкандыбаем до хорошей дороги, ты нас и догонишь, ведь ты на двух ногах, а у нас на двоих две с половиной. Будем часто отдыхать.

Так и получилось. Василий с Карпом вышли из болотной дороги, в логу попили холодной ключевой воды и сели покурить. А вот и Василий Антонович показался с удилицем на плече. Он шёл, как всегда ходит: голова опущена вниз, и бурчит что-то себе под нос. (Однажды Яшка Окишев потихоньку пристроился к Василию Антоновичу сзади и подслушал, о чём он говорит сам с собой. Он читал молитвы!) Только Василий Антонович поравнялся с тем местом, где сидели мужики, Васильев ка-ак ухнет!

Василий Антонович моментально сделал стойку: «рукопашный бой» с оружием. Он прижал конец удилица к плечу и направил его на мужиков.

— Стреляй его, едрит твою хать! — крикнул Карп Иванович.

Не забыл старый моряк рукопашный бой за 70 прошедших лет.

Друзья-товарищи по рыбалке катались по траве, держась за животы. Глядя на них, смеялся и Василий Антонович.

В ДУШЕ — ПОЛНЫЙ ПРОСТОР

Любовь Николаевна Михайлова пишет стихи. Стихи, как говорит она: «О том, что знаю, что люблю». А любит она походить по лесу, по болоту, посидеть с удочкой на берегу красавицы Оби или у Панигатки-речки. Удачный поход по болоту или лесу поднимает настроение, в голове рождаются строчки стихотворения:

*...Мы любим в болоте все кочки,
И мох, как пушистый ковёр,
И сладкую в ней каманику —
В душе нашей полный простор!
«Цени, люби пережитое»*

Люба Понятовская родилась в селе Кыштовка Новосибирской области, куда были высланы Понятовские ещё в 19-м веке как участники польского восстания, а в 1931-м году их с Кыштовки выслали в Каргасок. Мама, Мария Афанасьевна, в девичестве Серёгина, была выслана с Иссиль-Куля Омской области в Каргасокский район. В конце сороковых годов родители Любы поженились и решили переехать на жительство в Кыштовку. По воспоминаниям детства Николая, лучше этой малой родины нет ничего на свете. Прожили в Кыштовке 5 лет, где у них родилась дочь Люба, и решили переехать теперь уже на малую родину Марии в Иссиль-Куль. Но и здесь не пожилось, и решили вернуться на свою малую родину в Каргасок.

Николай был призван на фронт в 1943-м году, был тяжело ранен и инвалидом вернулся домой. Тяжёлая контузия сказывалась на всём протяжении его жизни. Он работал сапожником, а хобби — лес, рыбалка, огород. Люба с раннего детства бывала с ним на природе, полюбила лес, болото, реки и озёра на всю жизнь.

В школу она пошла в 1959-м году. Окончила 8 классов и решила поступить учиться в Колпашевское педагогическое училище на дошкольное отделение. Через три года в Каргасокском детском саду «Теремок» появилась молодая воспитательница Любовь Николаевна. Она и в мыслях не могла представить, что в «Теремке» ей придётся отработать всю свою трудовую жизнь.

В 1973-м году Любовь Николаевна выходит замуж за Михайлова Василия. У них родились два сына — Сергей и Пётр.

Как по сердцу пришлась Любви Николаевне работа в детском саду. Её старание, ответственное отношение к работе, любовь к детям были сразу отмечены руководством и родителями, самими ребятами. Всегда что-то новое на каждом занятии, изобретательность в играх с детьми, в классах и на улице всегда с нетерпением ожидали воспитанники. Её способность к сочинению стихов всегда вызывало у детей восхищение, особенно новые считалки, четверостишия про самих ребят, которые с гордостью рассказывали своим родителям стишок о себе. Любовь Николаевна любила описывать свою любовь к природе, старалась привить эту любовь и детям, любить свою малую родину. И через много лет она узнавала от своих бывших воспитанников: то, что она вкладывала в головы своих деток, благотворно сказалось на их взрослой жизни.

Любовь Николаевна всегда активно участвовала в подготовке коллектива к праздникам. Поздравления, шуточные тосты были за нею, как и оформление праздничной стенной газеты. Её рисунки и фотографии, её альбомы можно рассматривать часами, получая удовольствие. Писать стихи начала вначале с поздравлений, а потом они стали возникать как-то сами собой по всякому поводу, даже незначительному. Но когда сына Петра призвали в армию, да ещё на чеченскую кампанию, стихи стали появляться часто в форме протеста против этой войны:

*Сын из боя вернётся
И, наверно, поймёт,
Чем война обернётся,
И душой отойдёт.
Позову его, крикну:
— Поспеши к нам, сынок!
Ты родился для счастья —
Зачем горе несёшь?..*

Вдруг перестали приходиться письма. Родители встревожились, стали писать командованию. Вскоре пришло письмо из госпиталя. Через комитет солдатских матерей узнавали, где находится их сын на излечении, и помчались родители на Кавказ. Пётр писал, что служит в охране военных объектов, а оказалось — в

разведке. За один из героических боёв Пётр был награждён орденом Мужества.

Сердце матери не могло успокоиться, и хотя здоровье сына шло на поправку, у неё всё более в душе поднимался протест против этой, как она считает, несправедливой войны. Это выплеснулось стихотворением

*Был долго мир —
Мы отдыхали от войны, залечивая раны,
Вставали города и строили мосты,
Мы дружно создавали!
Отцы наши — солдаты бывшие —
Испили чашу горькую до дна.
Зачем же снова кровь, война, обстрелы?!
Горят дома, земля,
Страдают люди, дети...
Чеченец враг нам или не враг?
Зачем же мы зорим очаг?
А если к нам так, — танком в дом?*

Сын вернулся домой живым — это самое главное. Пётр женился, у них растёт сын Матвей и ещё ждут пополнения в семье. Это ли не счастье?!!

«Не надо время торопить»

Любовь Николаевна исповедует принцип три Ж: жизнелюбие, жизнестойкость, жизнеспособность. Эти слова помогают ей прожить каждый день, планируя его с утра до вечера, и обязательно в этом плане общение с природой. Если не в поле, на болоте или реке, то хотя бы в огороде. Любит она походить по лесу с фотоаппаратом. Как же красивы наши места в любое время года! На её снимках можно увидеть не только достопримечательности родного края, но и красивейшие места в Хакасии, на Байкале, в Москве, а также в зарубежных поездках по Китаю, Белоруссии... В планах — Санкт-Петербург. Надо побывать в Эрмитаже, походить по Невскому проспекту, побывать в музеях города и на Пискаревском захоронении.

Любовь Николаевна участвовала в областном конкурсе «Семечки» — получила приз — электрический утюг за частушки, которые она любит сочинять на злободневные темы. К примеру:

*Нефть качаем из болота,
За границу продаём.
Никогда не унываем,
Очень весело живём!*

А весело оттого, что район — газодобывающий, а жители района в основном отапливают дома дровами, а за границей, куда нефть и газ продаём, даже крематории работают на нашем газе!!! Куда уж как весело.

Любовь Николаевна пошла на заслуженный отдых, отработав в детском саду «Теремок» 41 год. Теперь всё внимание — внукам.

Когда женился первенец Сергей, она написала стихотворение:

*Незаметно годы пролетели...
Вот уже свекровь я, — время, подожди!
Взрослый сын мой открывает двери
И тихонько просит: «Мамочка, прими!!
Мне она жена, тебе невестка,
Ты её люби, как дочь свою».
...Я украдкой смахиваю слёзы
Повторяю добрые слова:
«Ты входи в наш дом, родная...»*

Любовь Николаевна активно участвует в клубах при ДК «Геолог», в районной библиотеке и пишет стихи. Любое явление природы вызывает у неё душевный отклик и выплёскивается стихами. В районной библиотеке по проекту «Новое имя» вышел её сборник стихов в 2010-м году, а в 2013-и году Новоюгинская сельская библиотека подготовила сборник стихов Л. Михайловой «Не надо время торопить». Мечтает Любовь Николаевна издать сборник стихов большим тиражом и побывать в интересных местах, как в своей стране, так и за рубежом, где можно многое услышать, увидеть и запечатлеть на фото свои путешествия. А главное — внуки, которых так любит бабуля, и с которыми так интересно поводитьсь.

А что взамен она получит? Как сказал Поэт:

*В награду за свои труды
Лишь памяти прошу немного.*

ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ И БАЙКИ

Дед Харитон и медведь

Я много слышал историй о том, как сильно пугаются медведи, если их внезапно напугать. С ними при испуге случается «медвежья болезнь», т. е. сильнейший понос, и чаще всего такой испуг заканчивается смертью медведя.

У нас жил дед Харитон — брат моей бабушки по матери. Говорили, что он убил медведя прутом. Как, каким образом? Мне это так было интересно услышать из уст самого охотника. Я любил наблюдать, как дед Харитон собирался на охоту. У него было шомпольное ружьё. Тяжёлый ствол с гранями, чёрный отполированный приклад. У меня не хватало силёнок прицеливаться с руки, и приходилось класть ружьё на подставку, когда дед разрешал мне учиться прицеливаться по мишени, нарисованной им углём на газете. Шомполку, как называл дед это ружьё, заряжал он всегда перед выходом на охоту. Насыпал в ствол мерку пороха, а мерки были разные: на рябчиков и белок одна, на тетеревов другая, на глухаря, на зверя. После пороха забивал пыж — это клочок газеты, затем мерку дробы или пулю и снова пыж. Продолговатые капсюли-пистоны он вытаскивал только перед выстрелом по дичи или зверю.

Как я был горд, когда дед Харитон доверял мне держать калып. Калып — это форма для отливки пули, что-то вроде пассажей. В небольшой ковшик ссыпал дробь и ставил на угли. Расплавленный свинец заливался в отверстие на калыпе. Остывшая пуля выпадала, когда раздвинешь ручки калыпа.

У деда на ремне через плечо висели «баклажки», в которых были порох, пули, капсюли, дробь.

До 100 метров пуль дед Харитон стрелял глухарей. Какая всё же сила была у пули — она насквозь прошивала птицу и даже лося. Со своей шомполкой он ходил даже на медведя. Дед, увидев медведя, свистел, медведь поднимался на дыбы, приподняв передние лапы, Так похоже на боксёрскую стойку. Целился Харитон туда, где заканчивалась передняя левая лапа — она указывала на сердце. Выстрел — и пуля пробивала сердце зверя.

Однажды Харитон, находясь на охоте, вдруг услышал странные звуки. Ветерок дул со стороны доносящихся звуков, и дед потихоньку стал продвигаться в ту сторону, не опасаясь, что его могут учуять звери. Подойдя совсем близко к источнику звука, увидел расщепленное грозой дерево. У высокого пня торчали, как лучины, щепы. Медведь оттягивал щепу и отпускал. Раздавался звук: дрыннь-нь-нь-нь... Медведь прикладывал ухо поближе к вибрирующей щепе и слушал до полного затухания колебания её. Медведь-то музыкант! Харитон вырезал прут, и когда медведь слушал звуки вибрирующих лучин, потихоньку к нему подкрадывался. Вот уже совсем рядом с ним. И как только медведь, оттянув щепу, прильнул к ней ухом, Харитон, дико заорав, ударил прутом медведя по голове. Медведь, высоко подпрыгнув, рухнул к ногам деда бездыханным.

«Медвежья болезнь»

Этот случай встречи с «хозяином тайги» мне рассказывала баба Анюша — Анна Савельевна Васильева лет 60 назад тому.

Её свёкор Иван со свекровью поехали на покос. В такой погожий день надо было собрать сено и сметать в стожок. Анну взяли с собой, поскольку её не взяли в бригаду на колхозный покос из-за беременности, так как уже пришла пора рожать. Свёкор сказал:

— Поехали с нами, ничего с тобой не случится, будешь помаленьку подскрёбывать за нами, а мы с бабкой копёшки будем делать. Вечером Михаил приедет (муж Анны) и сбросает копёшки в стог.

Свекровь сходила в лес и увидела большой куст черёмухи. Ягода была крупная, рясная, сладкая.

— Ты бы, дед, ходил побрать черёмухи, а мы с Анюшей валки попереворачиваем, сено ещё волгловатое, пусть посохнет. А ягоды в обед поедим, — сказала свекровь.

Дед взял набирку — это небольшой берестяной кузовок с лямкой, чтобы повесить через плечо, и ушёл. Через полчаса вернулся, сказал, что не хватает сил согнуть деревце, возьмёт топор и срубит одно деревце, хватит на набирку. Часа через два увидели, что он возвращается, медленно переставляя ноги небольшими шажочками.

Чё случилось, чё с тобой, на тебе лица нет. Чё такой вонючий, где набирка? — засыпала вопросами свекровь деда.

Рассказ деда

Подхожу с топором к кусту и вижу, что деревце, которое наметил срубить — согнуто. Так удобно по нему зашёл, придерживаясь за ветки. Как хорошо стало, удобно, — думаю, — наверное Михаил приходил и видел, как я пытался согнуть черемшину. Вот и подмогнул.

Дед был немного туговат на ухо.

Начал было брать черёмуху, но вдруг слышу какие-то чавкающие эвуки снизу. Поглядел вниз и вижу, как медведь с аппетитом уплетает ягоды.

Руки, ноги стали какими-то ватными, непослушными, и я полетел прямо на медведя. С рёвом обрушился на него и судорожно уцепился за шерсть. Медведь тоже ка-ак ухнет, да как прыгнет, и скачками понёсся в лес. Я свалился с медведя только тогда, когда выдралась его шерсть. Пальцы не могут разогнуться, вот и шерсть медвежья у меня в руках. После-то я кое-как поднялся и пошёл по следу медведя к кусту черёмухи. Всё кругом было обрызгано вонючим дерьмом медведя.

— Мать, — сказал дед свекрови, — что-то у меня в штанах мягко.

Его тоже прохватила «медвежья болезнь».

На лабазе

В окрестностях посёлка появился медведь, нападающий на домашних животных. Вечером стали приходиться домой травмированные животные: то на боку шкура висит клочьями, то хвост оторван, то вымя повреждено. Женщины заволновались и стали требовать у мужчин уничтожить этого зверя. Наконец он убил корову или, как в деревне говорили, задрал. Теперь уж надо непременно наказать зверя. Назначили двух мужиков, чтобы они убили этого живодёра. Решили корову не трогать, а на дереве, под которым лежала задранная корова, сделать лабаз, в котором будут сидеть охотники и дожидаться, когда придёт медведь поесть. У одного охотника, Горбунова Лаврентия, уже был опыт устройства лабаза и охоты на медведя

таким образом, а второй — хозяин коровы Тимофей Слостников. Приехали пораньше, чтобы медведь их не увидел. Он должен как раз спать.

Укрепили раму вокруг ствола верёвками, настелили досок, сделали борта, чтобы самим не свалиться, и, пообедав, завалились спать.

Храпанули хорошо, когда Тимофей проснулся, солнце уже «сидилось» на лес, а под ними трапезничал медведь. Тимофей толкнул Лаврентия, тот спросонок: «А, чё, чё!» «Гс-сш-ш!» — зашипел Тимофей, но зверь уже услышал их, и, задрав голову вверх, стал на дыбы.

Тимофей схватился за ружьё, нажал на спусковой крючок и... чак — осечка! Медведь прыгнул к берёзе и в два взмаха зацепился за лабаз. Лаврентий лежал на ружье и только успел выхватить, как верёвки, удерживающие лабаз, не выдержали, оборвались. Медведь грохнулся на землю, а на него с рёвом обрушился Лаврентий с ружьём, которое ударилось о землю тыльной стороной приклада, и произошёл выстрел.

Тимофей вцепился за ствол берёзы и о своём ружье забыл. Он видел, что как только Лаврентий упал на медведя со страшным ором и с одновременным ружейным выстрелом, зверь огромными прыжками стал убегать с Лаврентием на спине. Правда, он свалился с медведя при первом же его прыжке.

Тимофей слез с берёзы с диким хохотом, смущённо похихикивал и Лаврентий. Но медведь с той поры больше не появлялся, и хозяйки успокоились.

Трагедия вышкомонтажника

В деревню Игол приехал человек с Бочкарёвской нефтеразведки из соседней области. В сельсовете он представился начальником Игольской нефтеразведки, которая только что была образована и выделена из Бочкарёвской разведки, и будет базироваться в самом посёлке Иголе. Вышка будет находиться в 30 км от посёлка. Начальник просил определить место для строительства посёлка нефтеразведчиков и оказать помощь во временном размещении строителей и вышкомонтажников, а также отвести деляны для заготовки леса для строительства жилых и подсобных помещений.

Просьбы были удовлетворены, и посёлок наполнился новыми людьми. Среди вышколомонтажников выделялся один парень — Иван Мухарев. Он был чуть выше среднего роста, широк в плечах и очень силён. Свою физическую силу он доказал, когда на спор на одних руках поднялся на 45-метровую буровую вышку. В это время прошли два события — на охотников нападали медведи. В разных посёлках — один осенью, другой зимой. В обоих случаях люди вышли победителями. Осенью в селе Новый Васюган Пётр Шарыпов пошёл поохотиться на боровую дичь и увидел медвежьи следы. У него были две собаки, и Шарыпов смело пошёл по следу зверя. Медведь схитрил, срезав круг, он оказался сзади охотника. Шарыпову послышалось, что собаки лают сзади. Он оглянулся и увидел, что зверь от него в нескольких шагах. Пётр вскинул ружьё, но выстрелить не успел, медведь схватил ружьё зубами. Подбежали собаки и напали на зверя сзади. Удерживая ствол зубами, он отбивался от собак передними лапами, которые кусали его за «штаны». Пётр рывками старался вырвать ствол из пасти зверя. Как ни крепко держал ружьё медведь зубами, оставляя на стволе глубокие борозды, с каждым рывком ствол помаленьку двигался. И когда в пасти оказалось окончание ствола, Шарыпов нажал на спусковой крючок. Ружьё было заряжено патроном «Гроза» с крупной дробью, и выстрелом медведю снесло полчерепа.

Другой случай встречи с медведем произошёл уже на игольской земле. Под Новый год дед Михаил Иванович Васильев пошёл на лыжах проверять свои ловушки на пушного зверя. Чтобы не увязались за ним собаки, он их привязал, так как снег глубокий, да и нельзя их брать с собой, попадут в капканы, лапы повредят. Найдя много соболиных следов, Михаил Иванович поставил ловушки. Пройдя примерно половину пути, он сориентировался по местности и пошёл напрямую к своей охотничьей избушке. Вот и знакомое поваленное ветром дерево, от него до избушки идти всего с километр. Осенью он проходил под деревом, а сейчас снега намело вровень с деревом, а за деревом даже бугор появился.

— Сейчас покурю на этом бугорке — и к избушке, успею дотемна из чащи выйти, — подумал Васильев и вытащил кيسет.

Вдруг бугор под ногами зашевелился, Михаил Иванович успел схватить стоящее рядом ружьё, но выстрелить не успел, как медведь схватил своей пастью за ствол. Васильев дёрнул ружьё из пасти зверя и нажал на спусковой крючок. Выстрел напугал зверя, а, может быть, обжёг язык, ствол-то горячий! Но медведь кинулся бежать в одну сторону, а Васильев к своей избушке, там собаки, надёжные помощники.

— Какой ленивый тёзка, лёг поверху, — подумал Михаил Иванович, — жира много накопил и надеялся, что так перезимует.

Об этих историях узнал Иван Мухарев и сказал:

— Вот бы мне встретиться с медведем и побарахтаться с ним.

— Дурак, разве можно желать такой встречи? Зверь есть зверь, и эти случаи — просто везение, что человек остался жить. Не дай Бог такой встречи никому, — сказал мастер по бурению Романов.

И всё же встреча Ивана с медведем произошла этой же осенью.

По пути на буровую попадалось много рябчиков. Однажды Иван с Романовым, возвращаясь с буровой домой, сошли с вездехода в километрах трёх от дома и пошли вдоль дороги, постреливая рябчиков. У обоих были мелкокалиберные винтовки, но у Ивана винтовка с оптическим прицелом, поэтому у него на поясе было уже с десяток рябчиков, а у Романова всего пара, да и патроны у обоих были просрочены, иногда даже было слышно, как пули падают рядом. Шли они так, чтобы видеть друг друга, не превышая 100 метров.

Рассказал Романов:

Вдруг услышал сильный удар и рёв зверя. Я позвал, но Иван не отзывался. Тогда я на дорогу — и бегом домой за помощью. Мужики похватали ружья, у кого были, и бегом в лес. Вот и следы Ивана. Иван стал обходить большую кочку, за которой притаился медведь. Как только Мухарев поравнялся с кочкой, зверь прыгнул на него, нанеся ему сильнейший удар по голове. От такого удара у Ивана даже височная кость вылетела. Винтовка до оптического прибора воткнулась в землю. Дальше виделся след волока — медведь потащил труп в лес подальше от дороги. Темнело, и мужики не рискнули идти в лес.

Утром отряд охотников пошли по следу медведя. Вечером они были в 30 метрах от трупа.

Не дай Бог никому такой «желанной» встречи!

Смертельная схватка

К Павлу Васильевичу Лаптеву осенью приехал из города сын жены Пётр Савиных, чтобы провести отпуск на охоте. Он в райцентре купил лицензию на отстрел лося.

Павел Васильевич раньше жил в деревеньке Чёкин Яр, а потом её ликвидировали в связи с объединением колхозов. На полях в этом месте стали пасти молодняк КРС на откорм. До Чёкина Яра от Игола 15 км. Павел Васильевич работал бригадиром колхоза, уборочная заканчивалась, и ему дали отпуск. Он всегда охотничал в угодьях своей деревни, которые прекрасно знал с самого детства. Лаптев был высокого роста, хорошо сложен. На фронте он был стрелком-радистом на штурмовике, который немцы называли «чёрная смерть». Хорошо воевал земляк — вся грудь в орденах.

На Чёкин Яр они поехали на лошадях. У пастухов они в Чёкином оставили охотничьи запасы и налегке поехали на то место, где, как шутил Павел Васильевич, у них всегда стоит лось привязанный. А вон и лось. Пётр попросил, чтобы стрелял только он, так как никогда ещё не добывал такого зверя самостоятельно. Они сошли с коней, привязав их к кустам. Лаптев поставил ружьё к стволу дерева и стал наблюдать за действиями пасынка. Пётр подошел чуть ближе к лосю, прицелился и выстрелил. Лось упал. Вдруг на выстрел из чащи на них бросился здоровенный медведь. Пётр выстрелил из второго ствола и попал, видимо, ему в позвоночник, так как медведь продолжал быстро приближаться к ним только на передних лапах. Пётр не успел вытащить патроны из патронташа, а Павел Васильевич взять ружьё, как хозяин тайги уже подгрёб под себя Лаптева. Пётр никак не мог перезарядить ружьё, Павел старался поймать за язык зверя. Пётр размахнулся и ударил прикладом по голове медведя — ружьё переломилось, приклад — вдребезги. Медведь успел поймать Петра за пятку, но с оторванным каблуком он всё же успел отползти на безопасное расстояние от медведя.

Павел Васильевич закричал: «Стреляй!»! Его рука была в пасти зверя, который старался её перекусить, но мешал язык, за который крепко держался Павел. Пётр перевернулся, схватил ружьё Павла и сходу выстрелил в голову медведя. Голову как бы

отбросило, но он снова попытался схватить за горло Павла. Второй выстрел в голову зверя успокоил его. Пётр вытащил Лаптева из-под медведя, перевязал изжѣванную его руку, и, бросив изломанное ружьё на медведя, поехали домой.

Охотничий сезон для обоих охотников закончился.

Гибель охотника

Охотники Илья Скулкин с напарником возвращались с охоты. Уже месяц дома не были, по баньке соскучились, да и детишек потетешкать, жену приголубить охота. В километре от посёлка дороги их расхотелись — они жили в разных концах села, которое раскинулось на несколько километров. Кроме того, они подошли к берёзовому колку, где любили собираться к вечеру тетерева. Они с берёз ныряли в сугробы снега и оставались там на ночь. Скулкин, когда был дома, никогда дальше этого колка не ходил, убьёт несколько косачей — и домой, всегда свежая дичь на столе.

— Тыиди, я подстрелю пару косачей, а то дома месяц не были, семья соскучилась по дичи.

Через день жена Скулкина пришла к напарнику своего Ильи и спрашивает:

— Где твой-то, узнала, что он пришёл, а где мой-то задержался, не приболел?

— Так они же вместе пришли, говорил Иван, только Ваня пошёл домой, а Илья в колок свернул.

Охотники месяц дома не были и не знали, что в округе появился медведь-шатун. Уже делал налёты на стайки на краю села. Все боятся, никто вечером на улицу не ходит, звонили в район, и сегодня участковый Фёдоров приезжает.

Скулкина заголосила:

— Ой-ой-ой, медведь задрал моего Илью! — и побежала в комендатуру.

К комендатуре как раз подъехал Фёдоров, который ездил в район. Он сказал: «Уже скоро стемнеет, и в ночь никто не поедет зверю в пасть, а вот завтра с рассветом обязательно поедем. Возьмём карабины, дело серьёзное».

В посёлке в участковой больнице работала хирургом Мирза Андreeвна Ветскалис, высланная из Прибалтики. Жители села её

очень уважали, даже любили, скольким людям она жизнь спасла. Мирза была заядлым охотником, и хотя ссыльным ружья иметь не разрешалось, Фёдоров в виде исключения разрешил ей его приобрести. Боровой дичи было много, и когда Мирза добывала много птиц, она их раздавала тем, кому в доме нечего было есть.

Когда Мирза Андреевна узнала, что потерялся Скулкин, а Фёдоров с Иваном собираются ехать на поиски, прибежала к Фёдорову, стала просить, чтобы её взяли с собой. Ей так хочется поохотиться на этого шатуна. Сейчас бы сказали: адреналину нужно организму.

День выдался морозный, и решили ехать на кошёвке. У Мирзы ружьё-переломка. Его называли почему-то «Сталинский заказ». При зарядке оно переламывалось, и вставлялся патрон. Дальность полёта пули или дроби у него была значительно дальше, чем у двустволок. Убойная сила тоже.

Подъезжая к колку, где Иван разошёлся с Ильёй, увидели медвежьи следы. Привели оружие в боевую готовность. А вот и откушенная кисть человека, которая сжимала патрон с пулей. Недалеко валялось ружьё Скулкина, разбитое Медведем об дерево. Участковый Фёдоров осмотрел сломанное ружьё Скулкина и сказал:

— Картина ясна. Когда Скулкин увидел медвежьи следы, он перезарядил ружьё пулевым патроном, а второй взял в руку. Когда на него напал медведь, он выстрелил, но не убил, перезарядить не успел, так как патрон в патроннике заклинило. Медведь ударил Скулкина, и во-он куда отлетел Илья, зверь вырвал ружьё и разбил его о дерево. В снегу валяются патронташ с ножом, который в ножнах, значит, охотник был без сознания. Медведь откусил ему кисть руки, потому что учуял порох, и потащил его в лес.

Они, было, двинулись к лесу, но оттуда выскочил медведь и устремился на них. Мужчины вскинули карабины, нажали на спусковые крючки, но выстрелов не произошло. Спусковые механизмы не протёрли тряпками от остатков ружейной смазки, и они замёрзли на таком морозе. Мужчины схватились за ножи, но Мирза открыла такую пальбу, будто у неё не одноствольное ружьё, а автомат. У неё было всего два патрона с пулями, остальные с дробью. При первом выстреле медведь споткнулся, со второго

уложила и ещё 6 раз выпалила в него дробовыми зарядами, подходя к зверю всё ближе и ближе.

— Думаю, что уже хватит, — говорит Мирза, — уже 8 выстрелов по нему сделала.

— Ничего, стреляй ещё раз для верности в голову, — сказал Фёдоров.

Здоровенный был зверь, но тощий, а такие медведи в берлогу не ложатся. Нашли только проломленный обглоданный череп Скулкина. Распорол зверю живот и собрали все останки человека в мешок, чтобы уложить их в гроб и захоронить.

В конверте из кожи

Афанасий Ванчугов гнал лося целый день. Собака Дайна была у него на зависть всем охотникам, и домой с ней с охоты никогда не приходили с «Семёном» — так на жаргоне охотников называется, если возвратился с промысла с пустым вещмешком за спиной. Сегодня ей никак не удавалось остановить лося. Только забежит вперёд лося и начинает лаять, бык вставал на дыбы и бил её копытами, Дайне удавалось вывернуться из-под копыт, но лось не останавливался и продолжал бежать. Афанасий выбивался из сил и решил: «Добегу до той сушины и всё, домой идти далеко, засветло успею срубить эту сухостойную лесину, на всю ночь хватит».

Но как раз лось почему-то остановился у этого дерева, повернулся боком к Афанасию, словно дразня, до него ещё метров 300, и Афанасий, не надеясь, что бычара его дождётся, потихоньку приблизился к нему на выстрел. Дайна заливалась на разные голоса.

Может быть, это заставило остановиться зверя. Он просто стоял, смотрел на собаку, изредка фыркая губами. Афанасий прицелился и выстрелил — лось упал, Афанасию показалось, что Дайна «викнула». Он подбежал к лежащему быку и перехватил ему ножом горло.

— Где же Дайна, она так любит горячую кровь полакать? А Дайна лежала за кустом. Пуля насквозь прошла через лося и ударила Дайну в лоб. Афанасий всплакнул, обнимая Дайну и прося у неё прощения. Где теперь найти ей замену, в деревне всех собак знал, но ни одна ему не нравилась. Придётся за «болото»

ехать. За «болото» — это Новосибирская или Омская области. Игол был как раз в стыке этих областей, но уже в Томской области.

До дома километров 30–40, придётся здесь похоронить. Конец октября, снега ещё нет в этом году, но морозы по ночам доходили до 20 градусов. «Земля уже промёрзла хорошо, утром похороню Дайну на месте кострища», — сказал себе Афанасий и начал снимать шкуру с лося. Разрубив мясо на большие куски, он срубил сайву — это небольшой сруб, в который складывают мясо или иные продукты, чтобы не разграбила россомаха. Положил в заплечный мешок печень, немного мяса. Ноша получилась килограммов на 20–25. Развёл костёр, зажарил губы лося, плотно поел, ведь целый день некогда было перекусить. Завалил на костёр пару брёвен от той сушины. Обычно, если приходилось ночевать у костра, Афанасий наламывал пихтовых веток и ложился на них. Сегодня поблизости пихт не видно, да и уже стемнело. Решил расстелить шкуру лося у костра и лёг на половину шкуры, а второй укрылся, подоткнув ноги, оставив небольшое отверстие для доступа воздуха.

— Прямо как в конвертике, — подумал Афанасий и мгновенно уснул.

Проснулся он от чувства ужаса. Ему приснилось, что на него навалился медведь и давит, давит. Хотел крутануться — не получилось, хотел откинуть шкуру с лица, рук не может поднять, не пошевелить. Вдруг он понял, что это шкура смёрзлась и сдавливает его.

— Хороший морозец, — подумал Афанасий, — за день может не отпустить. Неужели — конец? Нет, надо жить!..

Афанасий попробовав перевернуться, теперь старательно пытался вытащить руку из-под себя, если удастся, то просунуть её в дыру у головы и тогда сумею выбраться. Выбившись из сил, решил немного передохнуть.

— Была бы жива моя Дайночка, помогла бы вылезти из шкуры. Наверно, меня Бог наказал за то, что я сжёг человека. Но разве я виноват в том, что меня чекисты заставили его кремировать?

Это было в конце 20-х годов, когда банда Шастина была разгромлена чекистами. Шастин с остатками банды перебрался на игольскую землю. Чекисты на лыжах пришли на Игол и рыскали

по лесам, разыскивая следы банды. Наконец, последний бой, в котором погибают все члены банды, кроме атамана Шастина. Он встал на лыжи и бросился бежать в лес, отстреливаясь от догонявших его чекистов. Отстреливался до последнего патрона, зная, что пощады ему не будет. Афанасий был ещё подростком, и когда чекисты потребовали лошадей, чтобы отвезти раненых в бою чекистов, отец, опасаясь, что могут его привлечь за сочувствие к бандитам, решил послать паренька. Ему-то что могут приписать? Когда Шастин погиб, решили похоронить на месте гибели. Зима, земля сильно промёрзла, и чекисты решили сжечь Шастина на костре. Лошадь у Афона забрали, а самого заставили следить за костром. Афанасий — человек таёжный. Он устроил лодью, чекисты уложили на неё труп и ушли.

Костёр хорошо разгорелся, и Афанасий решил пообедать, сев спиной к костру. Только развязал свою котомку, как вдруг раздалась от лодьи какие-то странные звуки. Афанасий обернулся и застыл от ужаса: объятый пламенем, Шастин медленно опускал ноги на землю и сел. Затем стал медленно вставать, но опрокинулся на спину, развёл руки в стороны, снова сел, руки вперёд и согнул ладони к себе, как бы приглашая Афона подойти к нему. Затем снова опрокинулся на спину, и Афанасий подскочил к лодье, схватил бревно и отвёл его в сторону. Тело Шастина провалилось, и Афоня положил на него бревно. «Всё, больше не встанешь, ишь как мускулы у него заводило, перепугал насмерть, чуть в штаны не наделал», — проворчал Афанасий и успокоился.

Воспоминание о лодье натолкнуло его на мысль попробовать закатиться в кострище — костёр прогорел, а земля-то прогрелась, попаду на костёр, шкура-то и отойдёт. Афанасий с новой силой стал выдирать руку вверх, и это ему удалось. «Теперь живу», — возликовал он и при помощи руки стал двигаться к костру. И вот он на кострище. Шкура стала быстро делаться мягкой, ему удалось подтянуть ноги и с силой толкаться вперёд. Запахло палёным, видимо ещё много было угольков.

— Может быть, сгорю, как Шастин, надо выползть.

Делая движения, как гусеница, он медленно выползал из своего кокона. Вот освободились плечи, а вот и вторая рука.

— Ура! Ещё повоюем! — Скоро Афанасий был на свободе.

СЛЕДЫ СУДЕБ

Отец Фадеевой (Зыряновой) Галины Георгиевны был профессиональным военным. В Каргасокский район семья Зыряновых переехала в 1955-м году. Георгий Ильич был направлен в посёлок Новоюгино председателем сельсовета.

«Служить отечеству — важнее нет задачи»

Двадцатые годы двадцатого столетия. Красно-белое «колесо» проутюжило всю Западную Сибирь. После гражданской войны в деревенских лавках не было ни соли, ни керосина, ни спичек, ни ситца, ни других необходимых товаров для сельчан. Продразвёрстка выгробала из сусеков крестьян почти всё зерно. Началась «Сибирская Вандея», которая продолжалась до тех пор, пока лавки в деревнях не наполнились достаточным количеством вышеперечисленных товаров. Началась новая экономическая политика (НЭП).

В лесах остались бывшие колчаковцы-каратели, приносившие много горя мирному населению. В деревнях и сёлах организовывались отряды по борьбе с бандитизмом. Возникли комсомольские ячейки. В такую ячейку села Малетино Ордынского района Новосибирской области вступил молодой паренёк Зырянов Георгий. Вместе с чекистами они вели беспощадную борьбу с белобандитами. Стали организовываться колхозы. Не желающих вступать в колхозы крестьян стали высылать на север области, особенно на Васюганье и север Оби. Комсомольцы активно участвовали в экспроприации крестьянского добра: домов, животных, хлеба, имущества. Георгий был уверен, что они делают благое дело.

В 1933-м году Зырянова, которому исполнилось 20 лет, призвали в армию. Георгий к этому времени был уже женат, и молодая семья ждала ребёнка. Его, как имеющего опыт в боях комсомольца-активиста, сразу направили в школу командиров.

По окончании учёбы младший лейтенант Зырянов был направлен для прохождения службы на границу под Владивосток в Спасск..

Зырянов отличился в боях у озера Хасан, и ему было присвоено звание лейтенанта. По окончании военного конфликта с Японией Георгий вызвал жену к себе, которая приехала вместе с дочерью Галей в Спасск.

Война с Финляндией. Снова обильно полилась кровь советских людей. Финские снайперы охотились на командный состав Красной Армии, поэтому возникла необходимость доукомплектовать воинские части командным составом. Георгий был направлен на фронт, где командовал пулемётным взводом. После перемирия вновь вернулся на место своей службы на заставе. Непокойно жилось на заставе. Участились японские провокации, в которых погибали пограничники.

И вот война с Германией. Ожидали нападения Японии в 1941-м году, которая опасалась напасть на СССР после поражения их на Хасане и Халкин-Голе от советских войск. Лейтенант Зырянов сорок первый год служил на границе у озера Хасан, а в 1942-м году был направлен под Сталинград. Семью отправил в Иркутск. У них в Спасске родилась ещё одна дочь, которую назвали Зиной. Теперь, зная, что семья далеко в тылу, не так тревожно на душе у Георгия, значит, и воевать легче.

В одной из контратак Георгий был ранен штыками противника в руку и спину. Перевезли через Волгу в госпиталь, подлечился и — снова в Сталинград. А там почти непрерывные бои, атаки и контратаки. В одном из жестоких боёв Георгий опять был тяжело ранен. На этот раз не повезло: левая рука была вся перебита осколками, и спасать нечего. Хирург просто отрезал остатки руки и — в госпиталь. Так что не пришлось старлею Зырянову увидеть полный разгром армии фельдмаршала Паулюса и его пленение.

Без руки теперь не воин, но может пригодиться в тылу. Зырянов получил назначение в Новосибирский облвоенкомат. Его боевой опыт мог пригодиться при обучении новобранцев. Вначале Георгий съездил в Иркутск за семьёй. Старшая дочь Галя уже начала учиться в первом классе. Летом 1943-го года по состоянию здоровья Зырянов получил отставку, и они с семьёй переехали в Пудино Томской области. Георгий Ильич был назначен в Пудинский РК ВКП(б) заведующим сельхозотделом.

Метаморфозы судьбы

В перемене жизни, думаю, любой человек ощущает какой-то дискомфорт. За 10 лет военной службы Зырянов уже подзабыл крестьянские дела, но лозунг «Всё для фронта, всё для победы» мобилизовывал, и все крестьянские заботы, работа по выращиванию хлебов, по содержанию скота, по заготовке кормов вдруг вспомнились и начались ночные бдения. В первую очередь возникли трудности из-за отсутствия кадров председателей колхозов. Почти во всех колхозах руководящие должности исполняли пожилые мужчины и женщины. Многие из них не могли быть руководителями из-за свойства своего характера. Он — отличный труженик, но никакой руководитель. Георгий Ильич дома почти не жил, мотался по району. Чаще бывал в тех колхозах, в которых были слабые руководители, или дела шли из рук вон плохо. А раны, полученные в боях, продолжали сильно беспокоить. Сколько раз Галя слышала, как отец катался по полу и страшно стонал от боли. Наконец, в 1955-м году этот кошмар прекратился. Они переехали в Каргасокский район, где Георгия Ильича рекомендовали председателем Новоюгинского сельсовета. Затем сельсовет переводят в посёлок Староюгино. Здесь, к радости председателя, было много мужчин-фронтовиков, и среди них многие вернулись, награждённые орденами и медалями родины. Хорошо воевали земляки. Только орденом Красная Звезда были награждены:

Досужев Сергей Николаевич, Козлов Василий Николаевич, Козюберда Дмитрий Николаевич, Лапко Алексей Васильевич, он же был награждён двумя орденами Боевой Славы 3 и 2 степени; Перемитин Андриан Иванович, Писарев Виктор Иванович, Трубчанинов Иван Иванович, Финогенов Евгений Дмитриевич, Щепёткин Александр Никитич, Ярошенко Пётр Михайлович. А сколько ещё орденов у погибших на фронте! Кроме Лапко А.В., орденами Боевой Славы 3-й степени были награждены Серебренников Иннокентий Иванович и Токмань Никита Прокопьевич. Радостно было с ними работать и общаться Георгию Ильичу, как бывшему фронтовику.

Старшая дочь Галина к этому времени уже училась в Томском библиотечном техникуме. Нравилась Гале работа библиотекаря,

сидит в тепле, светло, принимает и выдаёт книги и журналы. Оказалось, что выдача книг – «это вершина айсберга», а основная работа – это работа и с читателями, и знать хорошо организацию и устройства библиотеки, библиотечные фонды, библиотечные каталоги, историю библиотечного дела, а главное – хорошо знать такую дисциплину, как библиотекведение. Это – научная дисциплина, изучающая цели, принципы, содержание, систему, формы общественного пользования и многое другое. И ещё она не могла знать, что в работу библиотек всегда вмешивался райком партии, поскольку считал библиотеку своим идеологическим «придатком». Голова кругом, если бы всё это знала раньше, выбрала себе что-то другое...

По окончании учёбы Галю направили в Каргасок, где ей предложили принять библиотеку и заведование клубом в Новоюгино. Здесь Галина убедилась, как тесно связана работа культработников с делами производства. Ей, кроме Новоюгино, приходилось организовывать книгопередвижки в посёлки Староюгино, Недоступный, Щучий Мыс, Лозунгу. Готовить концерты, читательские конференции, книжные выставки, стенную печать. Работа на двух должностях, но на одну зарплату библиотекаря, которая была чуть повыше, чем у заведующего клубом. И в таком темпе её работы пролетело пять лет. Ощущение было такое, что она крутится, как белка в колесе. Пора бы задуматься о создании семьи, о более спокойной работе. Узнала, что в Толпарово, где был крупный лесоучасток, нужен библиотечный работник, причём опытный. Решилась попроситься туда, и её переводят, так как она и опыт уже имеет хороший, и активная, и с людьми быстро сходится, что немало способствует хорошей работе культработника. Теперь у неё есть помощник в агитационной работе – это заведующий клубом и одновременно воспитатель по общежитиям, какие были в каждом лесном посёлке. Эти воспитатели не имели специального образования, и уж, конечно, не владели плакатными перьями, так что Галина явилась для лесоучастка находкой.

Парторг сразу её загрузил оформлением социалистических обязательств лесников, выпуском боевых листков. Возвращающихся с делян лесных богатырей автобус подвозил к конторе, а на стендах уже были сообщения: кто и как поработал, отличившиеся лесорубы могли об успехах своих и своих напарников прочитать в «Боевых листках». Очень это нравилось лесорубам, а особенно начальству. Участок Толпарово «гремел» на всю страну. Здесь работали кавалеры ордена Ленина Прокопий Говзан, Владимир Мытниченко, Тихон Власенко, Владимир Янышевский и другие, которые первыми начали работу в лесосеках малыми комплексными бригадами, и опыт которых был распространён на всю страну. А.В. Янышевскому и Н.Усенко были присвоены звания Героев социалистического Труда. В освещении ударного труда лесников очень постаралась Галина Георгиевна.

В 1962-м году Галя выходит замуж за Юрия Сычина. У них родился сын Александр. Через 8 лет семейной жизни Галина Георгиевна обратилась с просьбой в отдел культуры о переводе в другой посёлок. Семейная жизнь не заладилась. Её перевели на заведование в библиотеку посёлка сплавщиков леса Староюгино. Здесь зимой заготавливали лес и занимались лесосплоткой, а с открытием навигации эти плоты и плоты лесоучастков, расположенных по реке Васюгану и его притокам, староюгинцы сплавляли до Оби и далее до Сургута, а также отгружали лес на баржи. Здесь тоже работали кавалеры ордена Ленина Перемитин Алексей Андрианович и Мартемьянов Григорий Ефимович. Сальков Леонид Петрович — полный кавалер орденов Трудовой Славы, Ильин Виктор Иванович награждён орденом Трудовой Славы 3-й степени, Шмырин Георгий Матвеевич — двумя орденами Славы 3-й и 2-ой степеней.

В 1974-м году Галина выходит замуж за Фадеева Александра. Через год у них родилась дочь Наталья. Галина Георгиевна по-прежнему бывает на вахтах, на верхнем и нижнем складах лесорубов, и она — главный оформитель посёлка и объектов культуры, и в такой круговерти пребывала до 1989-го года.

Память — сильнее времени

Пенсионная жизнь началась не очень радостно. Подошли лихие девяностые. Сын Александр был женат с 1987-го года. У его

жены уже была девочка, которую он очень полюбил. И вот Галина Георгиевна дождалась и собственного внука Сергея. Она много времени стала уделять внукам. Дети своих детей всегда получают больше внимания от бабушек, чем свои, так как некогда заниматься собственными детьми из-за нехватки времени, когда мамы работают. Вроде всё шло хорошо в жизни сына, и вдруг несчастье — из его ружья получил тяжёлую рану товарищ по работе. И хотя не от его руки произошёл выстрел, он взял вину на себя и был осужден.

Внук Серёжа с помощью бабушки был хорошо подготовлен к учёбе в школе. У него был талант к рисованию. Когда он достиг подросткового возраста, случилось несчастье. Он, по рассказу бабушки, был влюблён в девочку-одноклассницу, а она, по его мнению, совсем не обращала на него внимания, а тут семейные неурядицы, и сработали комплексы неполноценности, и Сергей лишил себя жизни. Такой удар тяжело переживала семья, особенно отец Александр, пришедший из заключения. Через полгода после смерти сына отец повторил то же самое, что Сергей.

Такую трагедию пережить Галина Георгиевна даже не предполагала. Но она ещё несёт ответственность за дочь Наталью и внука, которую так обожал сын Александр. Надо помогать. И вот она прабабушка.

Галина Георгиевна получила квартиру в Каргаске. Для пожилого человека благоустроенная квартира — великое дело.

2014 год — год восьмидесятилетия для Галины Георгиевны.

Пожелания ей от коллег по работе такие:

*Твой юбилей — конечно, много.
Но годы прожиты не зря.
Большая пройдена дорога,
Большие сделаны дела.
Не жалеи ты прошедшие годы,
Жизнь во все времена хороша.
Поздравляем тебя с юбилеем
И желаем здоровья, добра!*

С удовольствием присоединяюсь к этому поздравлению!

*Мы родины не выбираем,
Но если б выбор был у нас,
Я б выбрал только эти дали,
Иных не мысля про запас.*

В. Соколов

ЦЕНА ЖИЗНИ

И почему при словах «малая родина» так начинает щемить сердце? Ведь зачастую и место-то не самое красивое в районе, и пережиты здесь голод, холод, страх перед разбушевавшейся стихией. Но только услышишь знакомое название когда-то существовавшей деревеньки — и на сердце сразу тяжесть и сожаление об утраченном. В районе была деревня под названием Каша. Теперь уже не найти человека, который бы точно знал, отчего произошло это название. Томли это от названия первого поселенца по фамилии или прозвищу, или какое-то событие произошло, связанное с кашей, когда казаки высадились на этот берег в 18-м или даже в 17-м веке.

А детство голодное и скудное быстро промчалось

Юля Мандракова родилась в этом посёлке в 1939-м году. Родительский дом стоял на самом берегу Оби. Почти каждую весну деревню, в которой было всего 30 дворов, затопляло. Пока Юля была маленькая, мама, уезжая на рыбалку, привязывала её на кровати, чтобы не утонула на полу, на котором плескалась вода. Лодка, на которой мама ездила на рыбалку, была привязана прямо к крыльцу. В 7 лет Юля уже пасла овец, а в 11 лет её посадили на лошадь, и она возила копны на сенокосе. Мальчишек было мало на деревне, поэтому брали девчонок, которые не боялись садиться на коня. Юля не боялась лошадей, за это и поплатилась.

Однажды мама послала её выгнать лошадь со двора. Юля взяла полено и погнала её со двора, но когда замахнулась на лошадь поленом, та лягнула её. Копыто лошади по касательной задело лоб девочки, но и этого удара было достаточно, чтобы проломить лобную кость. Юля, видимо, вскрикнула, потому что тотчас же выскочила на крыльцо мать и бросилась к телу ребёнка. Перевязав рану, мать повезла Юлю в Усть-Васюганский медпункт. Фельдшер рану не зашила, перевязав, сказала, что сегодня пятница и в районной больнице уже никого не найдёшь, везите туда девочку к понедельнику. По всей вероятности, в рану внесли инфекцию, и Юля в больнице пролежала целый месяц. На лбу девочки появился безобразный шрам. Ещё один заметный шрам на сердце оставила Обь весной. Волны реки стали бить в берег, который быстро начал падать в воду, и вот уже его кромка подошла к самым стенам дома. Ложились спать с опасением, что дом ночью может вместе с берегом оказаться в реке. Спать пришлось мало — ночью берег ещё подмыло, и угол дома повис над бушующей Обью. Свои небогатые пожитки вытаскивали из дома, а днём всей деревней начали разбирать дом и строить на дальнем конце деревни. Как удобно было маме-рыбачке жить на берегу реки, теперь дом оказался в лесу. При разборке дома кто-то выбросил коробку, в которой хранились письма погибшего на фронте отца. Письма поплыли, и Юля успела выловить пару треугольничков — писем, которые до сих пор хранятся, как священная реликвия семьи.

В Каше была начальная школа, и Юля, окончив её, стала учиться в Каргасокской школе-интернате. После окончания 7-го класса её заставили доить колхозных коров. В 1956-м году, после объединения колхозов, Юлия приняла группу коров. Ей всё время хотелось пожить в Усть-Васюгане, так как очень нравилось расположение его на высоком берегу Оби, улицы которого хорошо продувались ветром, а значит, мало беспокоил гнус, и окна у всех домов всегда открытые, на которых так красиво цвели герани и петунии. Берег песчаный, улицы тоже, а главное, в любой паводок все улицы не затоплялись, как в Каше. В посёлке клуб, библиотека, магазины и молодёжи много, как тогда казалось Юле.

Когда она приезжала с мамой на засольню сдавать рыбу, ходила по улицам посёлка и как бы выбирала себе дом, в котором

мечталось пожить. Мама Мария Фоминична тоже была бы не прочь сюда переехать, но одну из лучших рыбаков председатель колхоза «Заветы Ильича» не отдавал в колхоз «КИМ», а когда объединились, сама не захотела — жаль тех богатых рыбой мест, которые разведаль ещё её погибший на фронте муж Валерий Мандраков.

Детство Юлии, которого она так мало видела, закончилось. Впереди взрослая жизнь.

Только в сердце боль осталась...

16 лет исполнилось Юлии. Она — доярка. Закрепили за ней 20 дойных коров, несколько стельных нетелей, которых она вскоре раздойт, и маленькие телята, родившиеся от коров её группы. Их она должна выпойить до одного месяца и передать телятницам. Два года пролетели быстро. Развлечений в деревне было мало. Бегали в Усть-Васюган в клуб на танцы, зимой в кино, а летом кино привозили к ним, и фильмы демонстрировали прямо в коровнике. За кино оплачивал колхоз, так как денег у колхозников не было, и все жители деревни тащили с собой табуретки, скамейки — в коровнике всем места хватало. Из-за отсутствия денег у людей деревни, — вспоминает Юлия, — и председателя колхоза Мандракова Николая Васильевича, её родного дядю, посадили в тюрьму. Идут к нему люди и ради Христа просят хоть несколько рублей, чтобы купить соль и керосин. А в это время приехали с района подписывать новый заем на восстановление народного хозяйства. Людям спать не давали, пока не выбьют подписи на заем. Но на этот раз уполномоченные попали под горячую руку председателя — он выгнал их из конторы, да ещё кричал: «Сам не подпишу и людям не дам, люди рыбу едят несолёную, освещаются лучинами!» Ночью друг из района сообщил ему, чтобы куда-нибудь уехал, завтра за ним приедут. Мандракова задержали на Сахалине и осудили на 3 года.

В 1958-м году Юлию перевели дояркой в посёлок 5-й километр. Здесь она познакомилась с молодым механизатором Юрием Сошным. Любовь-морковь — и через полгода они поженились. Молодые решили переменить место жительства и вначале переехали в посёлок Большой Подбельник, а затем в Сосновку. Юрий получил новую автомашину, а Юлия снова стала доить коров.

В 1961-м году у них родились сын Николай, в 1963-м — Алексей. Юрий говорил: «Вот бы ещё девочку нашей семье». И в 1970-м году у них родились сразу две — Таня и Вера.

Юлия в 1967-м году решила перейти на другую работу, ей так хотелось уделять больше внимания своим сыновьям, а то сама выросла почти беспризорной, и сыновья повторяют её житейский путь. Поработала техничкой, затем поваром в школе, а после рождения девочек приняла магазин промышленных товаров. Свободного времени действительно стало много — это не каторжная работа доярки. Теперь она с сыновьями, а затем с дочерьми оканчивает учёбу в общеобразовательной школе и ждёт их выбора профессии. Сыновья пошли по отцовской дорожке, окончили учёбу в ПТУ-22 и стали механизаторами широкого профиля. У девочек отношение к профессии сложилось разное: одна — хореограф, другая после окончания учёбы вот уже 20 лет отработала на ламповом заводе.

Юрий Дормидонтович тяжело заболел астмой, а потом, в результате врачебной ошибки, как он сам считал — сахарным диабетом. Юлия Валериановна уже оформилась на пенсию, но продолжала работать. Болезнь мужа заставила её уйти с работы и ухаживать за ним. Ну, а потом пришла очередь повозиться с внуками. Это такая приятная нагрузка, со своими детьми не удаётся родителям так повозиться — самое лучшее время для воспитания съедает работа, а бабушки — свободные люди. Конечно, тоже не все, так как многие продолжают работать, надо помочь детям и внукам и материально. Тяжёлая форма диабета доконала мужа и в 1999-м году он скончался.

В новом тысячелетии, наконец, повезло Юлии Валериановне — ей дали в Каргаске благоустроенную квартиру в ветеранском доме.

«Мы у судьбы урвали час»

Жить в благоустроенном доме пожилому человеку — благо. Как они сами говорят: «Доживать, не заботясь ни о дровах, ни о воде, ни о тёплом туалете». Как говорит Юлия Валериановна, что это они у судьбы урвали час, что основная масса стариков так и доживают, имея удобства во дворе.

Энергичная, весёлая характером, неунывающая Юлия Валериановна старается расшевелить заскучавших своих товарок, сама ходит на концерты и другие массовые мероприятия, проводимые в районе, и подруг тянет за собой. А какие у неё поговорки в ходу, которым она очень уместно находит применение. Комментируя какое-либо событие или не совсем удачные действия начальства любого ранга, она говорит: «Ну что ж, бывает, и у вдовы муж умирает». Ей нравится президент В.В. Путин, одобряет его действия на международной арене: «С таким мужиком можно ходить и в пир, и в мир, и в добрые люди». Смеясь, рассказывала, как в сухой закон при Горбачёве за одну ночь и полдня перевыполнила финансовый план по торговле Сосновского рыбокооператива за квартал. База рыбокооператива была забита водкой, а в Каргаске её продавали мало. Нагрузили самоходку «Колхозница» водкой — и в Каргасок. «Во, торговля была!»

Юлия Валериановна не может понять, как так получилось, что в стране жирует малая часть людей, присвоившая себе такие богатства, наработанные всем народом, а народ живёт на 3 «о» — обобран, обкраден, обчищен. Нефть, газ от нас качают, а что взамен, кроме отравленной экологии? Рыбу потравили. Если бы мать сейчас вдруг оказалась с ловушками на своих излюбленных местах, где рыбы было всегда много, она бы снова умерла от удивления и расстройства: куда девалась стерлядь, осетры, нельмы и вся белорыбица?! Разговор о браконьерах её бы только рассмешил, всегда было так, что если рыбак-любитель поймал рыбы больше, чем ему надо, он всегда мог сдать её в рыбозавод без всяких «нервных систем», причём принимали от людей и рыбу ценных пород.

Юлия Валериановна говорит: «Мы прожили свою жизнь, и ещё немного поживём, урвём у судьбы ещё часок, но что мы оставим потомкам? Страшно подумать».

Новый год для Юлии Валериановны юбилейный. Всё её внимание сейчас обращено на благополучие детей, внуков и правнуков. Пусть судьба исполнит все её желания, и жизнь будет у её внуков и правнуков прекрасной и светлой.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НАДЕЖД

Программа национального образования не оставляет равнодушными давно ушедших на заслуженный отдых учителей. Приходилось беседовать со многими бывшими преподавателями, Заслуженными учителями, Отличниками образования страны, и никто из них не сказал доброго слова о новых стандартах образования учащихся, о ЕГЭ. Все утверждают, что ЕГЭ не отражает реальный уровень подготовки школьников.

Об этом же говорит Тамара Тарасовна Хабибуллина, Отличник образования СССР.

«Свет давнишних дорог»

Отец Тамары Полынской получил назначение начальником железнодорожной станции в городе Уш-Тобе, что находится в Талдыкурганской области Казахстана, после окончания строительства Турксиба. Турксиб — это одна из первых советских всенародных строек. Проходит эта железная дорога от Семипалатинска через Алма-Ату до станции Луговая. Длина ж. д. пути 1432 километра. Строить начали в 1927-м году, а закончили в 1931-м году. Начальниками станций назначали передовых рабочих, несмотря на то что они зачастую были малограмотными. Вот и у Тараса Полынского образования было только 2 класса церковно-приходской школы. В семье Полынских было пятеро детей — 4 сына и дочь Тамара, которая родилась в 1936-м году. Тарас Николаевич говорил, что пусть самому не пришлось учиться, но детям всем дам высшее образование. И эта его мечта осуществилась — почти все дети имеют по два высших образования.

В 1944-м году Тамара пошла в школу. Ей повезло с учителями. В городе было много высланных преподавателей из Москвы и Ленинграда. Учителем пения было артистка театра Рукевич Тамара Александровна, высланная из Ленинграда по делу убийства

С.М. Кирова. С этой учительницей в жизни Тамары было многое связано...

После окончания средней школы Тамара поступила учиться в педагогическое училище г. Болотное Новосибирской области. Два года напряжённой студенческой жизни пролетели быстро. Здесь познакомилась с красивым высоким парнем, с необычным для неё именем — Таир. Он работал на железной дороге, как её любимый папа, только на тепловозе. Не думала, не гадала, что Таир — это её судьба. Как сказал поэт:

*Вот сошлись мы на дороге длинной,
Нам судьба послала эту милость.*

После окончания учёбы Тамара уехала к родителям и стала работать в школе учителем начальных классов. Через год Таир приехал за ней, и они поженились. Оба рослые, красивые, были завидной парой.

В г.Болотном Тамара стала преподавать свой любимый предмет — историю. Поступила учиться в педагогический институт г. Семипалатинска на факультет истории и географии.

В 1958-м году у них родился сын Алексей, и семья переехала в родной город Тамары — Уш-Тобе. А через три года родилась дочь Наталья. Работа в школе, учёба в институте, рождение детей, ведение домашнего хозяйства — на всё хватало времени у молодой расторопной учительницы, но всё же, когда приходилось ехать на сессии в институт, на помощь приезжала мама. Учёбу в институте закончила в 1962-м году, стало полегче жить и работать. Она преподавала историю и географию, вела большую общественную работу. Историкам нигде не давали жить спокойно. Это — обязательно лектор общества «Знание», это — «Единый политдень», это — политучёба в организациях, плюс классное руководство, другие общественные нагрузки в школе. И так прошло 20 лет. Пригласили в городской отдел народного образования и предложили должность директора школы. Директором школы Тамара Тарасовна проработала 20 лет, таким образом затратив 40 лет жизни на народное образование.

Дети выросли, получили образование, обзавелись семьями, появились внуки. Одно плохо, живут на севере Томской области, и с внуками поводить приходится ехать далеко, в Каргасок.

Конечно, отпуска проводили на каргасокской земле. Местность очень понравилась, особенно обские просторы. В 1995-м году оформились на пенсию, продали дом, дачу, погрузили вещи в контейнер и отправили в Каргасок. Сами на своём автомобиле выехали в Каргасок. Недалеко от Каргаска, в посёлке Пятый километр купили квартиру. Рядом — реки Васюган и величавая Обь.

Очарованные тайгой

Расположение посёлка Пятый километр очень нравилось супругам Хабибуллиным. Рядом две реки, озёра и старицы, где хорошо посидеть с удочкой и другими рыболовными снастями. Тайга рядом, где грибы и ягоды. Рядом и болото, а там морошка и клюква. Никогда не думали они, что это большое болото так будет притягивать к себе. Идёшь с трудом по толстому мху, который всё время вздымается перед тобой, и такое ощущение, что всё время идёшь на гору. Так уставали, что думали — больше сюда ни ногой, но отдохнув немного дома, снова возникало желание идти на болото. И так повторяется всегда. Поспрашивали других ягодников и убедились, что и они испытывают такую же непонятную тягу бывать на большом болоте. А какая рыбалка здесь! Какой только рыбы ни попадалось на крючок! Научились почти безошибочно узнавать по поклёвке, какая рыба подошла, её повадки. Одна особь сразу хватает наживку и сильно тянет, другая может заглотнуть и тихо стоять рядом, как бы в шоке. И не так был важен улов, как сам процесс рыбалки. А какое наслаждение получали Хабибуллины, когда в единоборстве с рыбиной они выходили победителями! А какое получали удовольствие, когда находили на болоте нетронутую ничьими руками кочку, усыпанную ягодами, и горстями складывали их в ведро. Много ягод — и появляется азарт, соревнуясь, кто быстрее наберёт своё ведро. Как только ни описывали такие картины наши местные поэты. К примеру, Н. Сочихин написал:

*И на каждой кочке,
Красненькие точки,
Сыпано-усыпано,
Словно кем просыпано.
Разве можно уйти от такой красоты?*

Внуки выросли, пришла пора понынчиться с правнуками. Вдруг заболел муж Таир Хайрулович и в 2002-м году скончался.

Тамара Тарасовна тяжело переживала такую утрату, что отразилось на здоровье самой. Перестала ходить на болото. Разве что с внуками съездить по грибы, подышать свежим лесным воздухом.

Счастье — это мир и согласие в семьях

Дружные семьи детей и внуков Хабибуллиных не дали Тамаре Тарасовне впасть в депрессию. Да и сама по сути своей Тамара Тарасовна — очень активная женщина, не могла остаться в стороне от общественных дел и села, и райцентра. Она — член районного совета ветеранов ВОВ и труда, председатель первичной организации ветеранов посёлка. Когда избирали её в первичный совет ветеранов, не думала она, что это такое хлопотливое дело. Познакомилась со всеми ветеранами посёлка, узнала их жизненно важные потребности и стала активно помогать в вопросах ремонта жилищ, надворных построек, штакетных оград и тротуаров, в установлении памятников умершим участникам ВОВ и многое другое. В планах у неё отмечена работа по патриотическому воспитанию молодёжи.

Как уже было сказано выше, её, как педагога, Отличника народного образования, продолжают волновать нескончаемые реформы народного образования. Как это отражается на учебном процессе наших детей. Все эти «ячейки единого образовательного пространства», переход к «профильному обучению», ЕГЭ и многое другое так нагружают детей, что они не отдыхают. Дети, конечно, выучатся, но они будут больными людьми. Необходимо защитить детей в информационном поле, защитить от этого ужасного неконтролируемого Интернета. Необходимо заблокировать сайты с убийством, сексом, наркоманией.

К сожалению, возраст сказывается на здоровье, что мешает общественной деятельности, также и выполнять роль любимой бабушки — она так любит своих внуков и правнуков. Характер Тамары Тарасовны не позволяет поддаваться старости, поддаваться недугам, ведь душа-то молодая. От всей души желаю ей крепкого здоровья, и

*Пусть лицо озаряет улыбка,
Даже если седины, как снег.
Возраст — это, ей-богу, ошибка,
Если молод душой человек.*

*Когда былое — не мура,
Когда стремленья — не потуга —
Тебя запомнят севера,
Оценят громкие заслуги.*

Вен. Колыхалов

МЕЧТЫ УЗОР

В старой записной книжке прочёл записи с партийно-хозяйственного актива района, где подводились итоги работы хозяйств за 9 месяцев 1988-го года. На этом активе узнал о наградах большой группы передовиков хозяйств района. Особенно радовали успехи доярок, объединившихся в клуб «3000». В этот клуб уже вступили 27 доярок. По составу 17 доярок из совхоза «Павловский», 9 человек из совхоза «Каргасокский», одна из совхоза им. Ильича — это Толстых Любовь Михайловна. Об одной из этих трёхтысячниц, Шевелёвой Римме Александровне, моё повествование.

Свершение трудового пути

Римма доить коров начала в 18 лет. Мама её была дояркой, и частенько приходилось помогать ей, когда представлялась возможность. Мама, конечно, не желала дочери карьеру доярки, но так сложилась жизнь, что поучиться Римме не пришлось, образования нет, значит, только тяжёлый физический труд.

До войны они жили в деревеньке Камчатка под Нарымом. Отец был призван на фронт и погиб, а мать с дочерью Риммой переехали в посёлок Канаскино Каргасокского района. В посёлке был шпалозавод и колхоз.

Поскольку родня мамы Марии Фёдоровны была в колхозе, она тоже решила вступить в этот колхоз и начала работать

дояркой. Может быть, на заводе было легче прожить, но завод и жилые бараки стояли на самом берегу протоки, и каждую весну их затопляло. Бороться с паводком матери надоело, когда жили в деревне Камчатке. Поэтому лучше в колхоз.

Римма окончила учёбу в начальной школе в Канаскино, дальше надо учиться в посёлке Тибинак, до которого было 7 километров по протокам Оби. Надо было найти квартиру, а самое главное — у Риммы не было обуви, не было приличной одежды. Она один месяц проучилась в пятом классе и сбежала — ей было стыдно ходить в школу босой.

Председатель колхоза Поздеев Василий Иванович, пришедший с фронта по ранению, попросил Римму понынчиться с его новорожденной дочкой, сказал матери, что она не будет обижена, будет одета, обута, накормлена. Римма прожила у Поздеевых два года.

В 1948-м году мама решила переехать в посёлок Лозунгу, где вступила у колхоз «Новый быт», и снова стала доить коров. Римме так хотелось учиться, но ей уже 14 лет, и она не могла себе представить, как она будет выглядеть в пятом классе среди своих одноклассников, и снова пошла в няньки в Каргаске. Через год стала работать на ферме, помогать маме. Осенью, когда нужно было отправлять людей от колхоза в леспромхоз, председатель колхоза, чтобы сохранить крепкие рабочие руки дома, направил в ЛПХ малолеток — Римму и её подружку Наташу Неврову. Мастер лесоучастка, когда узнал, что подругам по 15 лет, покачал головой и направил их расчищать дороги в лесоделяны. В следующую зиму их с Наташей направили в лесоучасток Салат, находящийся по речке Чижапка в устье речушки Салат. Дали ей с Натальей два топора и двуручную пилу и направили в лесоделяну валить лес. Дерево надо свалить, обрубить сучья, стаскать их в кучу и сжечь. Потом ствол дерева распиливали, или как называли, раскрывывали по заданному размеру. Какой тут план! Жили в бараке. Пришла весна, но их не отпустили, а направили в сплав. Отгружали лес в Большой Гриве. Римма лето проработала коногоном. Лошадь крутила барабан с тросами, при помощи которых вытаскивали из реки брёвна и грузили на баржу.

В зиму следующего года снова на лесоповал. Римма с Натальей уже опытные вальщики леса. Они научились валить дерево в ту сторону, какая им нужна. Это делалось при помощи «усилителя» — двух стяжков или ещё их называли вагами. Конец ваги клали к подножию дерева, а другой конец на плечо напарнице. Другую вагу в зарубку на дереве, а другой конец её в зарубку на ваге — усилитель готов. Теперь вдвоём нажимали на вагу, и дерево падало, куда надо. Это много позднее придумали вначале валочную вилку, а потом гидроклин, которым пользуются до сих пор, если валку леса осуществляют бензопилой.

Богат наш край таёжный лесами! Как писал Ю.Зонов:

*Великий край российский — Васюганье,
С тяжёлым запахом хвои, смолы, небес.
Здесь ширь, размах, какие расстоянья...
Как океан, стоит, качаясь лес.*

В этот сезон девочки редко когда не могли выполнить дневное задание. В то время никого не трогало, что этим вальщикам леса всего по 17 лет.

В 1953-м году Римму направили на ферму, с которой никогда работающих людей животноводами не посылали никуда. Теперь она — доярка, и на работу ходит вместе с мамой. Римма расцвела — действительно, как в песне «В жизни раз бывает 18 лет»! За последний год работы на сплаве, когда их бригада была направлена сплавливать лес с лесоучастков по речке Пыжинка, Римма достаточно заработала денег, чтобы закупить себе обновок, нарядов, какие можно было купить в то ещё тяжёлое для страны время. Они с подругой блистали на вечеринках в клубе, а это обращало на себя внимание местных парней. На Римму «запал» вернувшийся с фронта по ранению Николай Шевелёв, который был старше Риммы всего на 8 лет, и разница в таком возрасте была почти не заметна.

И вот наступил новый 1955-й год, в котором Римма стала женой Николая Шевелёва. В 56-м году у них родился сын Александр, в 58-м г. Анатолий.

Рожая детей, она после родов отдыхала всего по несколько дней, так как в колхозах, в основном, роженицы отдыхали по

5–7 дней, и снова на работу. Вспоминая о доении коров в те года, бывшие доярки ужасались условиям работы. Молоко возили на быках, а часто и на себе. Римма Александровна вспоминает, что носили молоко на молоканку с дойки на коромыслах, а дойка в 3-х километрах от посёлка.

В 60-х годах колхозы стали приобретать технику, а когда колхозы стали совхозами, на фермах появились доильные аппараты. С появлением техники лошади, бывшая основная тягловая сила хозяйств, отошли на второй план, теперь всё внимание коровам — им лучшее сено, комбикорма, силос, сенаж и другие сочные корма. В ходу поговорка: у коровы молоко на языке, т. е., хорошо поест и молока больше даст. Доярки на механизированные дойки стали ездить на автомобилях, а если за рекой, то на самоходках. Часто приходилось слышать в поездках по посёлкам, по дорогам или по реке красивое пение доярок, когда они ехали на дойку или возвращались с неё.

Девушки, несмотря на усталость, покушав, спешат в клуб на танцы или на спевки. Жизнь в деревне была ключом.

После создания совхозов государство выделило громадные средства на строительство ферм, подсобных помещений, жилых домов, на приобретение сельскохозяйственной техники, строительство школ, клубов, библиотек. Как мне говорил бухгалтер совхоза Соснин И.А.: «Денег было много, даже неприлично много». Но тогда их не разворовывали! При фермах были построены ЦОПры (центры общественно-политической работы) или комнаты отдыха для работников животноводства. Были установлены киноустановки и демонстрировались новые кинофильмы, а также по заявкам доярок лучшие фильмы прошлых лет. Часто приезжали автолавки с дефицитными товарами.

На заботу государства сельчане отвечали ударным трудом, беря повышенные социалистические обязательства. У доярок в соцобязательствах главное — ежегодный прирост продуктивности коров. Радовало то, что эти обязательства успешно выполнялись. К примеру, если в 1986-м году было произведено совхозами 923,3 тонны мяса, в 1987-м г. 948,5 т., то в 1988-м уже более 1000 тонн. По надою молока такие цифры: если за 9 месяцев

1985-го года было надоено 5080 тонн, то за 9 месяцев 1988-го г. уже 6250 тонн. Доярки, которые надаивали по 3000 и более литров молока на каждую корову в своей группе, объединились в клуб «3000». В этот престижный клуб старались попасть многие доярки района. Все члены клуба награждались орденами родины. Римма была награждена орденом «Знак Почёта».

Муж Риммы Николай работал на электростанции совхоза. Очень ответственная работа. Это не только подача энергии на производственные объекты, но и освещение жилья, улиц, школы, клуба. В свободное время Николай занимался рыбалкой, сбором дикоросов, а отпуска проводил в тайге на охоте. Как писал охотник и поэт Ю. Зонов:

*И горд я тем в родной глуши,
Места тем наши хороши,
Что в них охотник и рыбак
Гордятся званьем «Сибиряк».*

Доярок и других работников животноводства возили в Москву на ВДНХ, где всем им вручали бронзовые медали выставки. До сих пор и Римма Александровна, и другие доярки с удовольствием вспоминают это посещение первопрестольной.

Время шло. Дети выросли, получили специальности, обзавелись семьями. В 1989-м году Римма ушла на заслуженный отдых. Всё же 40 лет тяжёлого труда в жизни сказываются на здоровье, да и охота повозиться с внуками и правнуками.

Душой не старея

Актриса Елена Драпеко говорила в одном из интервью: «Наши женщины знают цену труду, любят, страдают. Сколько бы горя ни испытали, умеют скрыть свою боль. В то же время стараются быть красивыми, яркими, заботливыми, добрыми». Много страданий перенесла и Римма Александровна. Муж Николай Степанович всё сильнее стал злоупотреблять «горькой». На просьбы полечиться реагировал так: «Пил и буду пить, так армия приучила — каждый день наркомовские 100 граммов положены». Вряд ли армия приучила, уж слишком малый срок был на фронте, чтобы это вошло в привычку. Однажды, по-пьяни, взял винтовку

и застрелился. Тяжело перенесли эту трагедию Римма Александровна с сыновьями, которым уже исполнилось 18 и 16 лет. Александр был призван в армию осенью 1974-го года. Увезли в Монголию, а Анатолий через два года стал служить в городе оружейников Туле. Отслужили, вернулись, поженились. Пошли внуки, радость жизни. Римма на пенсии, старость у неё обеспечена, как думалось ей.

Ни о чём плохом не думалось, хотя перестройка и волновала, как её саму, так и подруг по работе. Жизнь становилась труднее, начало болеть сердце за будущее детей, внуков, да и за своё будущее. Уверенность об обеспечении своей старости стала улетучиваться, когда произошёл переворот. Союз развалили, народ унизили. Совхозы разогнали, высокопродуктивный скот пустили под нож, технику растащили. Люди без работы, деревня пьёт, о продовольственной безопасности района не хотели думать.

Но юмор людей, тружеников ферм и полей, не покидал. Каких только частушек не насочиняли! Вот, к примеру, одна из фольклора тех времён:

*В магазине продают
Горькую и сладкую.
Что ты сделал со страной,
Лысина с заплаткою?!*

В основном такие частушки состояли из ненормативной лексики.

Наш земляк Вениамин Колыхалов, поэт и писатель, писал в те мутные времена:

*Хула. Безденежье. Разора.
Кормилец главный — огород.
До пенсионного позора
Дожил общипанный народ.
Умно проделано всё, ловко
На перестроечном бегу
И жизнь — сплошная душеловка,
Не пожелаешь и врагу.*

Вот тебе и обеспеченная старость! Теперь бесконечные разговоры о пенсионной реформе так напрягают, бередают душу, не

дают спокойной жизни. Доярки зарабатывали и получали зарплату, наверное, больше, чем министры, а теперь такое расслоение в оплатах за труд! Такая несправедливость до добра не доведёт.

Жизнь пролетела, старость всё больше заявляет о себе, но душа остаётся молодой, и так хочется общения. Поэтому и старается не пропускать различные мероприятия, проводимые домами культуры, администрацией. Немаловажное значение в жизни имеет то, что получила в Каргаске благоустроенную квартиру, о которой мечталось, когда в своей деревушке топила печь, носила воду из колодца. Мечта сбылась. Как писал Вениамин Колыхалов:

*Светился труд рублём и славой,
У каждого мечты узор.*

Римма Александровна своим непосильным трудом заработала это исполнение своей «узоровой мечты». Она уже второй раз в уютной квартире будет отмечать юбилейные даты своей жизни. И пусть в юбилейную дату 80-летия исполнится сказка, что в сердце — Мечта!

«ЭНТА» И «ТУЯ»

Участковому милиционеру Шемчуку в 40-е и в 50-е года было приказано следить за порядком на базаре в райцентре. Базар был расположен на берегу реки Обь, представлял собой несколько крытых прилавков, на которых лежали дары природы и молочная продукция.

С именем этого участкового милиционера связаны многие легенды о работе правоохранительных органов в те, теперь уже далёкие, годы.

Вот одна из них:

Каких только историй ни происходило с участием милиционера Шемчука! Расторопный, с большим служебным рвением выполнял обязанности участкового Шемчук, старался не оставлять ни одного малейшего нарушения порядка со стороны граждан. Излюбленная мера наказания — составление акта и штраф. Грамотёшки, как говорил он сам, было у него два класса и коридор, и когда составлял протокол, много допускал грамматических ошибок, а также вписывал такие слова, произнесённые нарушителями, которые только можно прочитать у таких писателей, как Э. Лимонов. За это Шемчук получал выговоры, ему внушали, что нельзя в актах писать нецензурные слова, надо подбирать литературные аналоги слов, или намёки на матерные слова. Понял? Понял.

Однажды проходя по улице Береговой, услышал, что на базаре ссорятся две женщины. Шемчук поспешил туда. Любил он эти разборки:

— Не иначе бабы за место на прилавке воюют.

Уже подходя к базару, он увидел, как одна женщина подняла подол, оголив живот, а другая повернулась к ней задом, и, нагнувшись, задрала подол и показала напарнице причинное место.

Сделав строгое внушение обеим за нарушение общественного порядка при большом скоплении народа, участковый начал составлять протокол:

— Гражданка Кулманакова поругалась с гражданкой Индаевой за место на пристанском базаре. При этом Индаева показала Кулманаковой... (немного подумав) ЭНТУ. Оштрафовать Индаеву на 3 рубля. В ответ Кулманакова показала Индаевой (опять подумал)... ЭНТУ и ТУЮ. Оштрафовать Кулманакову на 6 рублей.

Шемчук так был доволен, что нашёл такие «литературные» аналоги, намёки.

ЧАСТЬ 3.

***СТАТЬИ
ПРОШЛЫХ ЛЕТ***

ДЛЯ ЧЕГО Я ПИШУ

Почему я пишу в газету? Ведь зачастую, кроме неприятностей, ничего не получишь. На днях обиженная на меня после публикации женщина сказала, что писал я ради гонорара. Да, присылают нам из редакции за материалы деньги. Но суммы эти столь мизерные, что если бы меня ими не укорили, я бы на них и внимания не обратил.

Официально заявляю, что «шкурных» интересов при написании материала я никогда не преследовал. Но тогда почему же я все-таки пишу? И причем довольно давно, с начала шестидесятых. Писал о недостатках в хозяйстве колхоза как член группы народного контроля, а потом стал писать о других проблемах посёлка. В 1969-м году написал очерк «Ветеран села» — поблагодарили из редакции. Вот так и вошло в привычку, в потребность писать в газету. Старался публикациями, как говорят, «преодолеть инертность общественного мнения». Но публикации в газете не всегда проходят незамеченными. И еще, к сожалению, не всегда безопасно «сметь свое суждение иметь».

Вернусь к материалам, опубликованным в № 33 «Форма удачная» и «Критикуйте, я не против!».

За первый я получил выговор: «Не смей свое суждение иметь!». Вот тебе и плюрализм мнений. Мало того, что устно выговорила мне за эту публикацию Г.И. Микитина, она потребовала вынести вопрос о факте моего выступления на партийное собрание. Отложили до следующего. На нем мы будем обсуждать постановление второго пленума райкома партии по развитию внутрипартийной демократии, что будет весьма кстати. Поговорим о гласности и о том, что надо управлять, а не командовать. Гласность, говорится в выступлениях корреспондентов разных изданий, вскрывает причины нашей социалистической деформации, при помощи гласности формируется новое мышление и открываются пути к правовому государству.

И действительно, вызывает тревогу тот факт, что гласность не веем приходится по душе. Как я посмел накануне пленума написать про члена райкома, что стиль работы у нас — административно-командный? А я и сейчас не откажусь от

этого мнения, тем более, что в этом стиле работали все мы. Я не вижу ощутимых изменений и в работе аппарата исполкома, а мы — члены этого аппарата.

Если кто-то говорит, что он полностью перестроился, у меня сразу возникает в памяти политический плакат, где нарисован чиновник, поднявший одну руку: «Я за перестройку», а вторая рука в кармане кукиш сложила. Я не сравниваю Галину Ивановну с бюрократом с этого плаката. Но ведь она сама на отчетно-выборном партийном собрании говорила, после критики в ее адрес в докладе, что «пока в работе с такими кадрами она не видит другого метода руководства».

Было время, когда публикации были безадресные, бездумные, впрочем, это было во всей стране. Но сейчас, во времена гласности и плюрализма, не должно проходить: «Смотри, он еще и пишет! Ату его».

Нет, не за гонорар и другие «шкурные» интересы мы пишем. Пишем, чтобы своим скромным вкладом, как ручеек из родника, разогнать муть застойной лужи.

1989

В КАКУЮ СТОРОНУ ОТКРЫВАЮТСЯ ДВЕРИ?

или некоторые совсем не частные размышления о перспективах районной киносети

В этом году киносеть, как и многие другие отрасли народного хозяйства, переходит на полный хозяйственный расчет. Но до сих пор мы не знаем условий перехода — какими будут налоги с кино, прокатная плата. Возникает множество вопросов, которые пока никто не решает. А раз так, то нет никакой уверенности в том, что мы справимся со своими задачами в новых экономических условиях.

Отрасль кино специфична. Здесь экономика, политика и финансы сплетены в тугой узел.

Медленно, очень медленно перестраивается наша отрасль в экономически запутанной, во многом не сбалансированной системе, пришла пора трезво посмотреть на негибкость нашего управления. Может, главная причина кроется в том, что нас передали управлению культуры, которое, на мой взгляд, не готово к этому.

Надо срочно ответить на такие жизненно важные вопросы: как мы будем жить, как зарабатывать свой хлеб, как решать проблемы убыточности кинотеатра, районного Дома культуры, многих киноустановок? На недавней сессии районного Совета меня как руководителя районной киносети серьезно критиковали именно за это. Но критиковать всегда проще, чем номочь (хотя бы дельным советом).

Нет, не плохое рекламирование и низкое качество показа — причины невыполнения планов кассовых сборов, тут у нас действительно есть еще резервы, но одни они не спасут. Главная причина — в отсутствии хороших кинофильмов, но беда, что таких фильмов у нас мало. Заверяю, только двух подобных фильмов достаточно для выполнения месячного кассового плана любой киноустановкой. И тогда остальное время можно было бы использовать на проведение различных политико-массовых мероприятий-кинофестивалей, тематических кинопоказов. Взять хотя бы ЛПК. Там хозрасчет бригады, комплекса, участка хорош тем, что он базируется на тщательно выверенных нормативах, оптимальных принципах организации труда. А у нас?

Нет нормативов, нет даже рекомендаций по принципам их разработки, совсем не ясно, как будут соседствовать бригадный подряд с полным хозрасчетом на предприятии.

Большой вред наносит, например, постоянная «борьба» между киномехаником и завклубом. Каждому нужно наиболее удобное время для работы. Побеждает, как правило, завклубом, а мы теряем кассовый сбор.

Или такой пример. В ДК «Геолог» у киноустановки решением председателя профсоюзного комитета Каргасокской НГРЭ В.А. Кармирян и начальника экспедиции А.Н. Калашникова вообще отобрали три дня недели (причем наиболее удобные — среду, субботу. и воскресенье) для видеосалона. Вот вам и выполнение плана по кино. То, что В.А. Кармирян преподнесла с трибуны сессии райсовета как достижение, мне представляется так: за «тридцать сребренников» продана вся идейно-воспитательная работа среди населения целого микрорайона «видеопиратам», набирающим себе карманы. Такая позиция еще ударит по родительскому спокойствию.

Я совсем не против видеопозаказов. В Доме культуры «Геолог» в Новом Васюгане работает такой же кооператив. Но там не забирали кинозал, а выделили комнату в аренду, причем арендная плата составляет 800 рублей в месяц, у нас же целый зал отдан за 200 рублей. (Думаю, допущена не только грубейшая политическая ошибка, но и экономически здорово продешевили).

Говорю обо всем этом не случайно. В данном конкретном примере — наше отношение к кино как искусству, как к отрасли. Никак не могу забыть второй встречи с начальником экспедиции А.Н. Калашниковым. После первой встречи он оставил у меня впечатление культурного человека широкого кругозора и масштабного мышления. Мы заранее условились о времени новой встречи, чтобы обсудить возникшее недоразумение (только так я вначале расценил решение о передаче зрительного зала видеокооперативу). Продержав меня в приемной два часа, он встретил и разговаривал со мной, как с бедным родственником, как купец с приказчиком.

Примечательно, что следом за мной приема ждал директор нефтебазы И.И. Ольшанский, он слышал наш разговор, посочувствовал мне и от посещения кабинета отказался. Вот в таких условиях мы работаем. Перед этим только мы установили в «Геологе»

дорогостоящую установку за 30 тысяч рублей. Нельзя допустить, чтобы такая аппаратура простаивала, поэтому принято решение о передаче ее Каргасокскому ЛПК для установки в Староюгино или на вахте Красноярская.

На той же сессии нам здорово досталось за то, что в районный бюджет недодано 5 тысяч рублей. Как я понял, всего райбюджет недополучил 400 тысяч, но, видимо, наши деньги особенные, ибо о них говорилось больше всего.

У нас, как и у любого коллектива, есть свои показатели деятельности. За выполнение их мы получаем зарплату, отчитываемся, несем ответственность. А отчисление в райбюджет — это уже последствие основной производственной деятельности: хорошо поработали — много отчислений, плохо — значит, мало. Как же сработала киносеть района?

Мы не выполнили годовой план по кассовому сбору, но обслужили намеченное количество жителей. У нас посещаемость киносеансов в 2 раза выше, чем в среднем по стране. И это в тех условиях, о которых я говорил выше! Значит, люди у нас умеют работать.

А невыполнение плана отчислений в райбюджет объясняется просто: с вырученного рубля в сельской местности мы перечисляем 10 копеек, а с рубля в райцентре — 55. Есть разница? Попросту, мы лучше поработали на селе, это позволило сократить отчисления и увеличить собственные фонды. Интересы коллектива, как и зрителей, здесь никак не пострадали.

Хочу уточнить: в целом по республике киносеть — не нахлебник у государства. Дотация, которую мы получаем, с лихвой возвращается в виде налогов. И если райфинотдел так заинтересован в неуклонном росте наших отчислений, то у меня есть конкретное предложение: наиболее популярные и «кассовые» кинофильмы стоят очень дорого. Приобрести такую ленту наша районная киносеть не может. Конечно, мы можем и будем кооперироваться с соседними районами, чтобы увеличить наши доходы. А почему бы нам не кооперироваться — с промышленными предприятиями, почему бы райфинотделу не участвовать в этом? На паевых началах, с пропорциональным распределением прибыли. Это выгодно всем, это даст не 5 недостающих тысяч, а десятки тысяч рублей. Мы согласны. А кто еще?

из писем в редакцию

ДАРИТЕ МИРУ РАДОСТЬ И ПОКОЙ

Ровно тридцать лет назад я был на вечере в Доме культуры «Металлист» в Новосибирске. Ветер посвящался 26-й годовщине Победы над фашистской Германией. И вот я на вечере в Каргнасокской музыкальной школе, посвященном уже 56-й годовщине, организованном для ветеранов войны и труда. Увидев ведущих, я вспомнил тех, которые вели концертную программу тридцать лет назад.

Они были очень похожими. Только у сегодняшних — Лены Шамраевой и Матвея Першина — не атели на груди пионерские галстуки.

Невольно сравнивая, я вспомнил слова той ведущей из Новосибирска:

*«Я знаю от папы, я знаю от деда:
Девятого мая пришла к нам Победа.
Тот день весь советский народ ожидал,
И Тот день самым радостным стал».*

А вот как говорит об этом спустя тридцать лет Матвей Першин:

*«Задохнулись канонады.
в мире тишина.
На большой земле однажды
кончилась война
Будем жить, встречать рассветы, верить и любить,
Только не забыть бы это,
не забыть бы это. Лишь бы не забыть!»*

Все переключается с прошлым. Даже песни-то поем те же самые, «советские», на которых воспитывались мы сами, наши дети. Эти песни призывают любить свою Родину, свой народ, учат патриотизму. На вечере музыканты исполняли любимые мелодии на различных музыкальных инструментах. Вокальных номеров было не так много, но на каком профессиональном уровне они были исполнены!

Старшеклассники под руководством преподавателя Г.Н. Ермаковой исполнили песню «Мы землю эту Родиной зовем» и были награждены горячими аплодисментами. На рояле, баянах и аккордеонах звучали мелодии песен «Кавалерийская» (Надя Никитина), «В землянке» (Егор Бобров), «На завалянке» (Марина Верхорубова), «Баркарола» (Оля Микитич и В. Киселева), «Русский танец» в исполнении Ивана Юдина и Димы Аверина. Большое оживление вызвали исполнение на баянах «Персидского марша» (руководитель Ю.Ф. Билык) и конечно же, ансамбль ложкарей и ансамбль народных инструментов под руководством Т.Д. Лузановой и С.М. Иванова. А также вокальный ансамбль «Юность».

Концерт оставил в душе хорошее, светлое чувство и благодарность за доставленную радость. Дай Бог этим детям стать настоящими людьми, патриотами своей Родины, чтобы у них была счастливая судьба, и они продолжали дарить людям праздник.

КЕДРОВАЯ ВЕТКА ИЗ ПАРАБЕЛИ

По приглашению работников центральной библиотеки недавно в Каргаске побывала поэтесса и бард из Парабели Наталья Мельникова.

Зал искусств до отказа наполнился любителями поэзии и песен. Много среди слушателей было учителей. Встреча прошла на «ура». А когда программа вечера была исчерпана, Наталью Васильевну еще долго не отпускали благодарные зрители. Она читала стихи, пела под гитару. Позже гостя призналась, что так называемая вторая часть вечера прошла более интересно, потому что было тесное общение со слушателями. Особенно впечатлило Наталью Мельникову хоровое исполнение песен известных авторов.

Наталья Васильевна в ходе выступления много рассказывала о себе. Так мы узнали, что уже 25 лет она активно выступает в художественной самодеятельности, из них 15 лет — с гитарой, что ею написано более 100 стихов и 15 песен.

Работает она в метеорологической службе, и это — семейное, мама Натальи — метеоролог, и их общий стаж — уже 76 лет.

На вопрос о том, как она пишет стихи, ответила:

— Когда как. Иногда за целый день еле строчку из себя вытянешь, а иногда стихотворение «родится» моментально. Бывает, поступают даже заказы по телефону. Вот, например, было как-то: «К 2-м часам нужен стих со словами «Парабель» и «кедровая ветка». Времени для вдохновения было маловато, но успела-таки. Название стих получил «Здесь нас кедрач к себе манит», и есть там такие строки: «Когда поедешь далеко, Остановись на миг в тиши И на прощанье Парабели Кедровой веткой помашь». Начало 98-го года было ознаменовано участием в конкурсе самодеятельных поэтов, который проходил в Томске. Наталья вернулась с конкурса с дипломом.

К сожалению, сборник стихов выпустить нашей гостье пока не удалось. Но есть надежда, что скоро появится, или же ее стихи войдут в общий сборник поэтов области. Семья Натальи вырастила еще одну артистку — это ее старшая сестра Надежда, которая поет на парабельской сцене около 30 лет.

Личная жизнь Н. Мельниковой — это полная чаша. Наталья растит троих детей, зарплата не позволяет рассчитывать на достаток в семье, и потому она держит полный двор живности: корову, овец, кур.

Каргасокские слушатели тепло благодарили Наталью Васильевну за встречу и приглашали в гости еще раз.

ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ СМОТРЕТЬ КИНО?

Современный кинематограф располагает неограниченными возможностями для многообразной пропаганды различных отраслей знаний, передовых методов труда и новой технологии производства. И многие киноустановки нашего района умело распоряжаются этим бесценным богатством. Они стали опорными пунктами партийных организаций, настоящими центрами массово-политической работы среди различных категорий трудящихся. Кинофестивалями и тематическими показами, киновечерами, занятиями кино клубов и кинолекториев разнообразной тематики осуществляется широкий показ населению лучших художественных и документальных лент большого общественно-политического звучания.

В течение года проходили тематические показы под девизами: «Дочерям Отчизны посвящается», «Народа верные сыны», «Продовольственная программа в действии», «Наш советский образ жизни», «От съезда к съезду», по профориентации школьников — «Найти свое место в рабочем строю» и другие. В кинотеатре «Факел» и на киноустановках проходили и другие, не менее интересные мероприятия: встречи с ветеранами войны и труда, месячники и декады по профориентации, по борьбе с пьянством и алкоголизмом, творческие кино вечера, встречи с артистами кино. Но при всем многообразии бесспорным остается одно: каждое такое мероприятие должно готовиться с особой тщательностью, с серьезным, вдумчивым подходом и к определению тематики, и к формированию кинопрограмм, к подбору лекторов и ведущих. К сожалению, пока мы еще не можем похвастаться, что все проходит хорошо.

В районе должны работать 70 кинолекториев различной тематики. К примеру, «От съезда к съезду». «Пьянству — бой», «Закон обо мне, мне о законе», «Светофор». По отчетам проведена лишь пятая часть запланированных занятий. Неясно, киномеханики либо проводили и не отчитались, либо поставили как удлиненные программы, а то и совсем бесплатно.

Вот где кроется наш резерв в выполнении плана. В прошедшем году было проведено 768 удлиненных киносеансов, а по плану их должно быть более полутора тысяч. Это тоже резерв.

Возможности воспитания молодежи средствами кино поистине необъятны. Для школьников кино — самый доступный способ знакомства с искусством. Кинотеатр «Факел» проводит совместную работу с преподавателями средних школ. Об этом свидетельствует проведение кинолекториев, тематических показов, кинопраздников, киноутренников. Но может ли все это полностью удовлетворить нас и педколлективы школ? Конечно, нет! Школьники среднего и старшего возраста посещают кино самостоятельно, а на кинолектории — лишь группы продленного дня. Принимая во внимание замечание преподавателей по организации кинолекториев, мы, в свою очередь, говорим, что и школы не уделяют должного внимания кино в воспитательной работе, к этому делу относятся формально: собрали деньги, посетили кинотеатр, зачастую даже не зная фильма, и успокоились.

А ведь ребят надо учить смотреть фильмы и нетерпимо относиться к пустым, порою пошлым, но внешне красивым и занимательным фильмам зарубежных стран. Наша задача добиться того, чтобы кино заняло свое почетное место в воспитательной работе, и чтобы не кинотеатр агитировал школы проводить коллективные просмотры кинофильмов, а сами школы в организации внеклассной работы не могли обходиться без кинотеатра. Надо сказать, что сейчас завучи согласовали планы работ с кинотеатром.

В целях дальнейшего повышения роли кино в идейно-политическом и эстетическом воспитании трудящихся в свете решений XXVI съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК КПСС перед работниками кино на 1986-й год ставятся большие задачи. Двери клубов, домов культуры, кинотеатра должны быть приветливо открыты всегда, чтобы жители нашего района испытывали желание посмотреть новый фильм, пообщаться друг с другом, а не просиживать свободными вечерами дома совершенно без пользы.

«МИЛЫЙ ОБРАЗ ТВОЙ»

В весенние праздничные дни в районных учреждениях культуры прошло много различных мероприятий. Мне особенно понравился и запомнился тематический вечер «Милый образ твой», который подготовили и провели работники районной библиотеки. На вечере присутствовало много гостей, среди которых были и члены общества инвалидов, и приглашенный актив, и участники народного хора «Ветеран». Все собравшиеся активно помогали ведущим М.А. Мартынюк и Т.А. Эльшайдт, исполняя песни согласно сценарию вечера.

Звучало много прекрасных слов о женщине, которая олицетворяет собой начало жизни, любовь, счастье на земле. Мужская половина хора «Ветеран» исполняла песни в честь женщин. Ну, а когда запели женщины, у многих зрителей глаза заблестели от слез.

Особенно когда упоминался дорогой каждому сердцу образ матери. Попробуйте на минутку закрыть глаза и вспомнить свою маму. На душе сразу станет теплее.

Появление Хозяйки (Л.П. Анисимова) с шутками-прибаутками и горячим чаем для всех собравшихся внесло некоторое оживление. Под чай весело попели частушки, затем дружно поиграли в «Принцессу на горошине», потанцевали и попели под баян застольные песни.

А расходясь, все от души благодарили хозяев за прекрасный вечер и доставленную радость общения.

До новых интересных встреч, милые женщины!

НЕ БОЙТЕСЬ ВЕТРА ПЕРЕМЕН!

К такому выводу я пришел, когда проехал многие села, поговорил не с одним десятком их жителей. Все в один голос ругают партию, но только не за то, о чем шумят газеты «демократы», не к суду призывают над КПСС, а ждут от нее активной работы. Люди недоумевают — куда подевался райком партии, где его первый секретарь?

Ни райкома, ни секретаря не видно и не слышно.

Пусть в аппарате районного комитета осталось всего шесть человек, но ведь есть же члены комитета, наконец, есть рядовые коммунисты, которые верят еще в светлое будущее, и им дороги коммунистические идеалы, которые оказывают всемерную поддержку партии, платя взносы из своих кровных, трудовых...

Всеми этими людьми надо руководить, направлять действия партийных организаций, побуждать всех к активным действиям. Надо идти в народ — в кабинетах нечего отсиживаться.

Рядовые члены партии говорят: «Хватит сидеть в окопах!», ведь призыв «Коммунисты, вперед!» звучал не только в период Великой Отечественной войны, а гремел призывно на всех «стройках века», в колхозах и совхозах, то есть там, где было труднее. Вот там-то коммунисты работали. Если же образовалась спесивая элитарная часть партийных боссов в стране, скомпрометировавших всю партию, то миллионы ее честных членов никакими спецмагазинами и спецобслуживанием не пользовались. У них вся привилегия была хорошо работать, быть передовым. И теперь абсолютное большинство трудятся, не покладая рук, являясь истинным примером в борьбе за благосостояние Родины. Никто из них не желает быть пассивным. Следовательно, надо сделать так, чтобы члены районного комитета, его аппарат прилежно поездили по селам и попроводили в трудовых коллективах партийные собрания с обязательным приглашением всех желающих беспартийных. Стыдно слышать о том, что в парторганизациях района собрания перестали проводиться, а это означает, что коммунисты теряют связь с партией, перестают платить взносы.

На прошедших выборах Президента России мне лично пришлось услышать немало горьких слов от избирателей в адрес районной партийной организации. И в самом деле, достоин удивления тот факт, что, роль районной парторганизации в предвыборной кампании

была просто незаметна. Ее агитация за кандидата-коммуниста была тихой, не такой, как агитация демократического движения за своих выдвиженцев — живая, напористая.

Много нелестных слов пришлось услышать не посредственно в адрес первого секретаря РК КПСС Юрия Геннадьевича Турова: где его активность? Когда он «вылезет из окопа»? Пусть уходит в отставку! Звучали и другие вопросы и призывы.

Я с большим уважением отношусь к Юрию Геннадьевичу как к личности, как к человеку, всегда говорил, что он часто выступает в газете, по его инициативе и под его непосредственным руководством проводятся пленумы райкома, заседания бюро, ведется и другая партийная внутренняя работа. Но сейчас необходимо совершенно другое! Сейчас слова мало значат. Нужны реальные действия. Вот почему приходилось соглашаться с собеседниками в том, что в данный период у районной партийной организации должен быть очень активный руководитель. настоящий широкомасштабный борец, который бы смог поднять ее авторитет, позвать на большие дела, влияющие на всю жизнь района только положительным образом. И тысячу раз правы те товарищи, которые не соглашались с тем, что работа партии должна быть только политической «Хотя партии изначально существуют как политические движения, отражающие интересы определенных социальных групп, борются на выборах, демократично и гласно, за приход к власти, а придя к ней, взяв рычаги управления, реализуют свои идеи, на деле доказывая населению, что эти идеи правильные», — сказал на этот счет секретарь ЦК КП РСФСР т. Зюганов в интервью «Литературной газете» за 12 июня 1991-го года. Так рычаги-то управления в ваших руках, товарищи члены районного комитета партии, реализуйте же свои идеи.

Учась работать в новых условиях (а партия готовится действовать в оппозиции), учите и нас, рядовых членов.

Партия жива. Об этом красноречиво свидетельствует то, что за прошедший год в ее ряды вступили сто восемь тысяч человек, то есть в три раза больше, чем в другие партии всех фазонов, вместе взятых!

На улице стремительный ветер перемен. Так выходите на улицу, товарищи аппаратчики и члены райкома КПСС, идите в народ со своим словом! Не бойтесь, вы не простудите свою грудь, а только освежите собственные головы!

«ПУСТЬ СЕРДЦЕ БУДЕТ ВЕЧНО МОЛОДО!»

Школу № 2 мы своей семьей называем «наша». В ней учились наши дети — она дала им путевку в жизнь. Да, это она дала им необходимые знания, чтобы успешно окончить вузы и занять достойное место в обществе. Конечно, благодаря педагогическому коллективу и лично В.Л. Слободян, А.П. Трубачеву, М.П. Перемитиной, А.И. Седельниковой, Н.И. Дмитриевой, В.П. Волковой, М.И. Катаевой, А.А. Барышевой, В.Ф. Перемитину, А.Я. Гембуху и другим.

Теперь школа в новом красивом здании. Несколько раз заходил летом, но дальше фойе не был. А здесь — мраморный пол. Стены отделаны по-современному. У самого входа — колонны впечатляющих размеров с большими зеркалами. Удобная раздевалка рядом. К школе ведет асфальт. Отлично! Из-за новизны не почувствовал ее своей, немного расстроился, и чтобы развеять это чувство, решил познакомиться с новым зданием поближе. Прошел сразу в кабинет деревообработки, благо он рядом. Тут меня приветливо встретил В.Н. Прусс. Чистота, уют, на окнах — занавеси из дерева, которые сделали сами. Бросилось в глаза, что стол и оборудование старые, один заточный станок новый. Зато рядом — сверильный станок, который лет 25 назад устанавливал еще Карпыч — Г.К. Залогин Владимир Нилович объяснил, что обещанное новое оборудование не поступило своевременно, а теперь совсем надежды нет, как нет и денег. Правда, на презентации школы сам глава района В.Н. Меренков пообещал, что все будет закуплено, да и В.М. Кресс тоже обещал.

В кабинете металлообработки рядом со старыми — два новых станка: заточный и сверильный, но не хватает инструмента для металлообработки. Подумалось: в такой прекрасной школе все должно быть прекрасным. Девчатам повезло больше: в швейном кабинете у них новые «Зингеры» и «Ягуары», удобные столы и красивые портьеры. Располагающая обстановка для творчества.

Заходил я в кабинеты географии, биологии, математики. Здесь — голые стены, портьер нет. В одном из классов Р.С. Сухоробрик пояснила, что обещают стенку купить, чтобы наглядные

пособия можно было разместить. Правда, их тоже мало осталось. Будем надеяться, что страна лучше заживет и деньги появятся. А пока в лабораториях школы нет необходимых реактивов и приборов, пользуются тем, что осталось от старой.

Захотелось зайти в учительскую — посмотреть и сравнить с той обстановкой, которая царила 15–20 лет назад, пообщаться с теми, кого называют «людьми молчаливого подвига». Прав и тот, кто называет сейчас педагогов униженными и оскорбленными. Унижены зарплатой, на которую нельзя содержать семью, и оскорбленные тем, что и ее не дают месяцами. Общениями — получилась. Я вдруг почувствовал, что и педагогам не до меня.

Моих учителей, которые учили уму-разуму — единицы, но светлая память навсегда осталась во мне о Н.А. Рассказове, А.П. Галкине, М.И. Гуляеве.

Прежде по долгу службы мне приходилось контактировать с директорами школ и завучами. Я всегда восхищался, какие это замечательные люди. Они, несмотря ни на что, в строю, и я просто должен их называть. Это М.Н. Лаврушенко, Э.Г. Шайблер, Г.В. Бугарский, В.Х. Голещихин, Ю.В. Процельгин. А сколько достойных педагогов отрывали от школы и направляли то инструкторами райкома, то председателями сельских Советов!

«Экскурсию» по школе завершил в кабинете директора. С Седуновым состоялся интересный разговор о необходимости монтажа киноаппаратуры в киноаппаратном комплексе. Ее можно взять из «Факела», ведь в простое аппарата быстро выходит из строя. Да без кино в школе — как без рук!

Наступает День учителя. Пожелаю всем учителям самого доброго здоровья, молодости сердца, большого человеческого счастья. Желая получить все необходимое. И, как сказал поэт:

*«Пускай душа не знает холода,
Как ясный день, как сад цветет.
Пусть будет вечно сердце молодо,
Добром встречая доброту»*

ЧУДО МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ

В конце прошлого 2007-го года в рамках проекта «Женщины Сибири» в Доме детского творчества прошел районный конкурс сибирского фольклора «Колыбельные песни». Цели и задачи конкурса связаны с эстетическим и нравственным воспитанием детей и приобщением их к богатству духовного наследия родного края, традициям устного народного творчества своей малой родины.

Работы ребятишек оценивались по трем возрастным группам: 4–6 классы, 7–9 и 10–11 классы. Члены жюри, в составе которого работали Т.Н. Турова, Л.Т. Ситников, Н.М. Терентьева, прочитав труды школьников из школ района, оказались в большом затруднении. Кому присудить призовые места? Ведь все сочинения оказались интересными, красочными и отличались лишь оформлением.

Вот, к примеру, работы среднетымских ребят. 19 материалов оформлены в один альбом. Прекрасное художественное творчество в цветном компьютерном исполнении. Колыбельные песни дети записывали со слов бабушек и мам. В маленьком населенном пункте их оказалось столько! Это, наверное, потому, что тымчане, жители лесного поселка — не коренные сибиряки, а выходцы с разных концов нашей необъятной родины, прибывшие сюда в 60-х годах по оргнабору или по комсомольской путевке.

Поэт Виктор Боков говорил про частушки: «...историк найдет в них время, поэт — сокровища языка и поэзии».

То же самое можно сказать и про колыбельные песни.

В работах ребят из Неготской школы собраны колыбельные многих поэтов: А. Боровиковского, Е. Благиной, Р. Сефа, З. Петровой, С. Черного и других. Неготка — тоже поселок лесников, а значит, здесь мало знают традиционных, народных колыбельных. А авторские песни каждая мама исполняла на свой лад, внося что-то свое в мелодию и ритмику произведения. Но все они, в любом случае, дарят счастье, покой и умиротворенность.

Вот колыбельная Тони Шефер — ей напела ее бабушка:

*«Спи, дитя мое, усни, сладкий сон к себе мани,
В няньки я тебе взяла ветер, солнце и орла,
Улетел орел домой, солнце скрылось за горой.
Ветра спрашивает мать: где изволил пропадать?
Али звезды воевал, али волны все гонял?
Не гонял я волн морских, звезд не трогал золотых,
Я дитя оберегал — колыбельную качал!»*

Наверняка, эти слова, когда-то написанные поэтом, с течением времени стали народными...

Оля Сухушина из Киндальской школы колыбельную песню сочинила сама. Под мерное качание детской кроватки эти слова будут звучать очень гармонично:

*«Спи, малютка, засыпай, спи скорее, баю-бай!
И во сне увидишь ты небывалые цветы,
Их увидишь ты в саду, на зеленом на лугу,
Будешь ты среди них гулять и букеты собирать.
А сейчас скорее спи, в дивный сон ты попади,
Спи, малютка, засыпай, спи скорее, баю-бай!»*

Учащиеся из Неготки написали, что колыбельная песня — это песня материнской души, любви и неповторимой нежности. В сочинении Оли все это есть, и уверен, что многие мамы с удовольствием будут его использовать при укачивании своих малышек.

Кстати, член жюри Таисья Николаевна Турова предложила руководителю проекта «Женщины Сибири» В. Сергеевой передать сборник с колыбельными песнями в родильное отделение ЦРБ, пусть мамочки изучают...

В результате долгих и упорных раздумий жюри все-таки подвело итоги конкурса. Первое место присудили Среднетымской школе (директор Е.А. Казмерчук), второе — Усть-Тымской школе (Л.А. Кожухарь) и третье разделили между собой Киндальская (С.Ю. Типсина) и Неготская (Н.М. Соргина) школы.

В личном зачете среди участников конкурса места распределились так. В группе 4–6 классов победителями стали: Андрей Ванеев (Среднетымская школа), Никита Веклич (Киевский),

Света Прытова (Киндал), Нина Портнягина (Среднетымская школа) и Елена Волкова (Неготка).

7-9 классы: Соня Пабина (Сосновка), Оля Сухинина (Киндал), Настя Зеленко (Киндал), Александр Шавшин (Усть-Тым).

10-11 классы: Света Прокопьева (Усть-Тым), Наташа Любушкина (Среднетымская школа), Настя Крохина (Среднетымская школа).

Жюри отметило оригинальность оформления альбома колыбельных песен усть-тымскими школьниками и лично юных художниц Лену Вебер, Лиду Лузину и Оксану Сидорову.

А отдельное спасибо члены жюри сказали ребятишкам 1-3 классов, также принявшим участие в конкурсе. Ребята сделали хорошие работы, опросив своих мам и бабушек. Это первоклассница Геля Аляпкина, второклассники Настя Чалбаева и Вова Сысолин, третьеклассники Саша Горынин, Юля Гришаева и Диана Шкарина.

ДОЛЖНЫ СМЕЯТЬСЯ ДЕТИ

Как-то утром в передаче «В добрый час» услышал я песню, которую раньше не знал. Слова ее проникли в душу и про себя, как это часто бывает, без конца повторял:

*«Ты плывешь в океане тревоги
И нигде не встречаешь подмоги,
Где-то надо найти островок счастья».*

Весь день песенка вертелась на языке, и я чертыхался — вот привязалась! А следующим утром пошел, как задумывал раньше, в Дом детского творчества. Когда переступил порог, понял; вот он — островок счастья. Прежде никогда не заходил в первую дверь от входа, а тут словно позвал кто-то. Это был кабинет лепки из глины, а в дверей стояла знатный работник культуры, известная исполнительница русских песен Тамара Черникова. Она приветливо улыбнулась и пригласила войти. За столами сидели мальчишки и девчонки. Кто лепил из глины фигурки птиц, зверушек, кто уже раскрашивал их. На стеллажах стояло множество готовых раскрашенных под дымковскую игрушку.

— Вы теперь здесь работаете? — спросил я.

— Да уже два года по совместительству. Основная — в Бондарском ДК.

С Тамарой Нестеровной мы знакомы давно, с той поры, когда она приехала из Казахстана в 75-м и стала заведовать клубом в Лозунге. Потом она поработала один созыв секретарем Бондарского сельского Совета, но ушла в садик, которому отдала девять лет, учась параллельно в Томском педучилище. А с началом перестройки, когда все кругом рушилось или претерпевало изменения, она вернулась в Дом культуры.

Еще в садике она попробовала лепить игрушки из глины, благо пригодной для этого глины на берегах Васюгана предостаточно. Получалось, увлеклась. Раздобыла нужную литературу — и дело пошло. Вот уже пять лет она ведет творческие кружки по рукоделию и лепке для ребятшек Бондарки. Прежде на выставках в музее я видел яркие фигурки. Стоят они и

в районной библиотеке, и в Доме милосердия. Еще тогда мне захотелось узнать, чьих это рук дело.

И вот стою в этом необычном мире и вижу авторов, усердно сопящих за работой. Каждая из двух групп состоит из 12-ти человек, и Тамара Нестеровна с ними «творит» в две смены. Но все равно тесно, да и желающие еще есть. Очень трудно с кистями, красками, и Черниковой приходится все покупать самой.

Кабинет оборудован, и в этом лично участвовал директор Дома детского творчества. Он сам сделал стеллажи, отремонтировал мебель, достал светильники. По думалось: плохо все же, когда директор вынужден не покупать, а «доставать». Раньше с межрайбазой, которая поставляла для школ оборудование, было легче.

Игрушки на стеллажах расположились по темам: птичий мир, животный мир, куклы-барышни. Есть сюжетная тема: барышни на санках, барышни с детьми и т. д.

Сейчас началась пушкиниана. Ребята лепят и раскрашивают персонажей из сказок поэта к 200-летию со дня рождения. Уже появилась «старуха с разбитым корытом». «Царевна-лебедь». Такую красоту надо бы продавать, но нет магазина, а предприниматели не берут — им не нужны дополнительные налоги. Пробовали продавать на массовых мероприятиях, и люди охотно покупают эти недорогие сувениры. Но нечасто — у людей денег нет. А немного вырученных помогли. Купили краски, кисти.

Артур Мартынович Керб, директор ДДТ, говорит: «Был в Томске, в Центре детского творчества, смотрел, поделки старшеклассников из глины. Несмотря на то, что наши дети младшего возраста от восьми до двенадцати лет, их поделки гораздо интереснее, сработаны лучше». Есть у кружковцев мысль — организовать распродажу игрушек прямо в ДДТ, чтобы деньги на материалы были.

После занятий Тамара Нестеровна спешит домой управиться с хозяйством, а потом — снова на работу. В ДК Бондарки ее тоже ждут кружковцы, с которыми она занимается допоздна. Напряженный рабочий день, но она счастлива. Она видит результаты своего труда и радость детей, что сами создают глиняное чудо, и удивление, что это их руки, их пальчики лепят.

Мы перешли в кабинет резьбы по дереву. И снова — удивительное ощущение от поделок, искусно вырезанных руками детей. Здесь хозяйка — Нина Александровна Керб. И этот кабинет сами оборудовали: установили токарный станок, циркулярку, электролобзик, в который переделали швейную машину. Пилку изготовил директор, а отдел образования пообещал сверлильный станок, который был бы кстати. С ним можно изготавливать более сложные вещи. С использованием электролобзика ребята стали делать прорезную резьбу. Был поражен красивейшими санками для детских садов. На стенах — наборами разделочных досок, настенными декоративными тарелками, хлебницами и прочим.

Нина Александровна приучает детей не переводить рисунки, а срисовывать их. Это поможет ребятам в будущем. Но инструментов не хватает, а в комнате тоже теснота, потому что в кружке занимается 46 человек в три смены. Желающих заниматься резьбой еще хоть отбавляй, но мест нет. Очень жаль.

Отрадно то, что здесь, в кружках, есть дети-инвалиды, и дружеский настрой, доброжелательность помогают ребятам изживать комплекс неполноценности. О достижениях кружковцев руководители говорят с гордостью. К примеру, Игорь Мауль участвовал в областном смотре-конкурсе изделий детей-инвалидов и завоевал первое место, за что получил диплом и премию.

Тех инструментов, которые есть, конечно же, не хватает. Нет средств и для их приобретения. И тут нужен «рынок сбыта» изделий. А в настоящее время директор принес из своего дома все, что только мог. По этому поводу он шутит: «Схватишься дома гвоздь забить и нечем, молоток принес сюда».

Активно работает и кукольно-драматический кружок, которым руководит Г.А. Адереева. В этом кабинете глаза разбегаются от развешенных на стенах персонажей сказок, изготовленных в основном своими руками. Галина Алексеевна здесь уже 13 лет. Ее театр-студия готовит и ставит много представлений. Сорок человек маленьких артистов насчитывает студия, и если в кабинете тесно, то репетировать идут в зал, когда он не занят.

Мое «путешествие» продолжилось в кабинете кружка «Умелые руки». Это самый многочисленный коллектив, насчитывающий 60 детей. Руководитель Галина Петровна Самойлова разбила их на четыре группы. Здесь шьют, вяжут. Туговато с материалом. Прежде лоскутки и обрезки давал швейный цех ком. быта, а теперь используют старые вещи, проблема кружка та же — теснота, отсутствие финансирования. Но ребята не унывают. Как и другие кружковцы, они отмечают день рождения каждого, а ему дарят вещи, изготовленные своими руками. К массовым мероприятиям они готовят игрушки-призы.

И еще один прекрасный островок, где работает человек увлеченный, любящий свое дело — Галина Григорьевна Фатеева. В ее коллективе 30 ребят. Они кроют и шьют. Десять лет назад Галина Григорьевна пришла к детям из КБО, где работала закройщиком. Привыкла, полюбила занятия с девочками.

К «островку счастья» относятся радиотехнический кружок под руководством А.Г. Захарова, с 30-ю учащимися и массой проблем, и станция юных техников (Н.В. Булкин и А.И. Соcнин). У последней — еще больше проблем, такая слабая база. Прежде ДОСААФ подпитывал, теперь же некому.

А все же здорово, что у нас есть «островок счастья». Чтобы это прочувствовать, надо самому посмотреть. Но чувство горечи остается. За тесноту, за слабую обеспеченность. Разумом понимаешь, что решение отдать старый дом быта под квартиры правильное. Но ведь вначале предназначался он детям, это потом переиграли. А вот если бы отстроили его как Дом детского творчества, то количество занимающихся детей, по меньшей мере, утроилось бы. Как не сказать: дети — наше будущее. И опять вспомнилась та песня: «Должны смеяться дети, И в лучшем мире жить...»

1999 г.

ДОЛЖНЫ СМЕЯТЬСЯ ДЕТИ — 2

Под таким заголовком в феврале 1999-го года была опубликована в газете «Северная правда» моя статья о Доме детского творчества, который я назвал «Островок счастья». Мне очень понравилась работа педагогического коллектива, отношение детей к кружковой работе.

Были достигнуты блестящие результаты в работе коллектива дополнительного образования, но слаба материально-техническая база ДДТ, и само здание нуждалось в срочном ремонте и расширении площади для кружковой работы, уже слишком было тесно, а желающих поучиться было предостаточно.

В статье предлагалось передать здание КБО Дому детского творчества. В то время КБО предполагали переоборудовать в квартиры. Тоже актуальная тема, но в данный момент Дом детского творчества важнее, дети — наше будущее.

Благодаря ходатайству отдела образования, высказываний в районной газете и жителей райцентра было решено передать здание КБО под ДДТ.

Все хорошо — помещение светлое, более-менее просторное и теплое. В радостной эйфории сразу не заметили многие недостатки здания. Зима показала, что отопительная система смонтирована неправильно, огромные окна зимой слабо держали тепло. Окна с северо-восточной стороны замерзают, и становится темно, как в старом здании. Южная сторона держит тепло, пока ветер не сменит направление.

Увеличилось количество детей в кружках, увеличилось число кружков с 7 до 17, увеличилось число педагогов с высшим образованием. Директор ДДТ Керб А.М. решил заняться только творческой деятельностью. Попросил освободить от обязанностей директора.

ДДТ повезло — нашелся в районе неравнодушный человек, который возглавил ДДТ, и это уже при нем количество кружков увеличилось до 17. Это Маслов В.Н. За эти прошедшие годы, т. е. свыше 13 лет, ДДТ в своей работе поднял планку достижений на порядки выше, чем было ранее. Не только

с приходом нового директора, который уже проработал свыше 9 лет в ДДТ, но и с открытием новых кружков, руководимых людьми с высшим образованием, знающими им поручение дела.

ДДТ сотрудничает со всеми школами района. Дети охотно участвуют на всех мероприятиях ДДТ — это фестивали, курсы, проекты по различным темам.

Снова должны констатировать, что в этом здании ДДТ тоже стало тесно. В каждой комнате занимаются по 2 группы различных направлений кружковцев. А так бы хотелось им иметь свой кабинет, соответственно оформленный.

А в планах директора и преподавателей есть мечта — организовать учебно-консультативный пункт ДДТ, чтобы каждый учащийся мог получить консультацию по интересующей его теме.

Это здание нуждается в капитальном ремонте. На ремонт нужно израсходовать более 50 миллионов рублей, а это не по силам районному бюджету. Но отопление, замена окон на евроокна — это нужно произвести безотлагательно.

Здесь учатся наши дети — будущие строители нового мира, новой жизни. Они должны быть здоровыми. Надо изыскать необходимые средства хотя бы на этот ремонт, пожертвовать чем то другим. Недаром говорят, что любовь к детям должна быть жертвенной.

На этом «островке счастья» — «должны смеяться дети и в лучшем мире жить»!

2013 г.

«ПОЮ ТЕБЕ, МОЙ КРАЙ РОДНОЙ»

Впервые выступление ветеранского хора «Надежда» из Новоюгинского СДК Каргасокского района я прослушал в г. Колпашево, когда там проходил фестиваль «Салют, Победа!». Новоюгинцы привнесли в проведение этого фестиваля новинку — привезли детей, которые отлично выступили по данной теме. Это так оживляло прохождение фестиваля! Уже в следующий год дети выступили и у колпашевцев, и это вошло в традицию.

Новоюгинцы не участвовали раньше в фестивале «Салют, Победа!», но когда у них была создана вокальная группа «Надежда», в которую пришли достигшие пенсионного возраста учителя, воспитатели, культработники и другие пожилые люди поселка, стали и они участвовать в ветеранском фестивале.

Руководитель художественной самодеятельности Христосенко Валентина Карловна, как охарактеризовала ее Елена Парфенович, библиотекарь из Новоюгино: «Это человек — опытный организатор, умеющая общаться с людьми, и поэтому так быстро удалось ей освоиться в этой профессии».

Сама Валентина говорит, что «Мы гордимся своими женщинами. Репертуар вокальной группы разнообразен и постоянно обновляется. В ДК чередой идут праздники, творческие паузы — большая редкость». Творческий коллектив «Надежда» — постоянный участник всех районных мероприятий: конкурсов, фестивалей. И непременно новоюгинцы — лауреаты этих конкурсов.

Валентина Карловна говорила, что «они дважды в неделю при любой погоде проводят репетиции в клубе. Они забывают о своих бытовых проблемах и неурядицах, хотя бы на 2–3 часа». Ничто так не заряжает положительной энергией, как радость общения, поделиться с подругами своими бедами и болячками, находя у подруг сочувствие и поддержку.

Вокальная группа СДК вообще-то была организована в 1975-м году. В ней на сегодняшний день в хоре «Надежда» осталось всего несколько человек. Это: Голубева Ольга Ива-

новна, Елецкая Светлана Ивановна, Королева Лира Ивановна. Это — цементирующее звено в новом коллективе.

В Доме культуры не было баяниста. Валентина Карловна одна из первых предложила коллективу исполнять песни под фонограмму. Вначале записывали песни под баян, а затем научились петь под оркестровую музыку, сопровождающую исполнение звезд экрана.

Директор СДК Сухно Наталья Анатольевна не только хорошо помогает Валентине в работе с вокальной группой, но и сама непременная участница и хора, и всех мероприятий, проводимых в СДК. Теплое, сердечное отношение к хористам создало такую атмосферу взаимоотношений в коллективе, что люди с нетерпением ждут дни и часы репетиций.

Эта доброжелательная атмосфера в коллективе привлекает все новых участников хора. Уже 20 человек в хоре. Новые хористы обязательно проходят краткий курс умения держаться на сцене: как красиво выйти на сцену и правильно уйти, как держать себя, куда деть руки во время выступления, как передать эмоции.

Валентина Карловна говорит, что «внутри группы хора тоже бурлит жизнь: то посиделки, темы которых подсказывает сама жизнь, то дни рождения и юбилеи, а здесь и песни, и театральные представления, и шутки, и веселье».

Большая радость в коллективе, когда к ним пришел баянист Валерий Ермаков. Творческая личность, с его участием заметно повысился уровень качественного исполнения песен коллективом.

Жизнь в этом сельском Доме культуры действительно «бурлит», и как хорошо, что есть еще в поселках такие неравнодушные люди, как Сухно Наталья Анатольевна и Христосенко Валентина Карловна.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	
Голос поколения	3
Часть первая	
«Как на свиданье юности моей»	7
Прерванный полёт	8
Прикосновение сердца к памяти святой	10
Камо грядеши	16
Как на свиданье юности моей.	28
Из огня да в полымя	35
Человек родился.	35
Отравление	39
Ишковы.	42
С Тепляковым	48
Самбайну, Гоби	57
У «Священной» горы	68
Байкальские страдания	80
Малиновка.	80
91-й километр	83
Ангасолка	88
Блаженны ждущие, ибо они дождутся.	96
«ЦОБ-ЦОБЕ» или один день из жизни киномеханика.	113
Часть вторая	
Житейские истории	117
А лагун-то пустой.	118
Афолина А.Б. «БЛАГОСЛОВЕННАЯ».	120
Вековцов В.С. «Трудные вершины»	127
Вековцова В.И. Страницы из жизни	132
Калисма «Время не лечит»	136
Киршина И.Д. — «Преодоление».	142

Матакуев Г.Р. — «А жизнь глубока и прекрасна»	149
Матрос с «Варяга»	152
Михайлова Л.Н. — «В душе — полный простор»	156
Охотничьи рассказы и байки	160
Дед Харитон и медведь	160
Медвежья болезнь	161
На лабазе	162
Трагедия вышкомонтажника	163
Смертельная схватка	166
Гибель охотника	167
В конверте из кожи	169
Следы судеб	172
Соснина Ю.В. «Цена жизни»	178
Хабибулина Т.Т. — «Осуществление надежд»	183
Шевелева Р.А. «Мечты узор»	187
«Энта» и «Туя»	194

Часть третья

Статьи прошлых лет	195
Для чего я пишу	196
В какую сторону открываются двери	198
Дарите миру радость и покой	201
Кедровая ветка из Парабели	203
Любите ли вы смотреть кино	204
Милый образ твой	206
Не бойтесь ветра перемен	207
Пусть сердце будет вечно молодо	209
Чудо материнской любви	211
Должны смеяться дети	214
Должны смеяться дети — 2	218
Пою тебе, мой край родной	220

Л.Т. Ситников

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Автор сердечно благодарит за помощь в издании этой книги Писарова Сергея Леонидовича, предпринимателя; Колесникова Василия Егоровича, директора Каргасокского «Тепловодоканала»; Эльшайдта Николая Карловича, начальника ООО «Реконструкция».

Верстка — Аржановская И.А.

Отпечатано в типографии издательства «Ветер».
634003, г. Томск, Иркутский проезд, 11а.
Тел./факс (3822) 65-00-13, vetertomsk@yandex.ru.
Подписано в печать: 12.03.2014 г. Заказ № 6116.
Формат 62x84/16. Гарнитура «Peterburg».
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 14.
Тираж 200 экз.